This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

КОЗЬМЫ ПРУТКОВА

съ портретомъ, fac-simile и біографическими свѣдѣніями.

ДЕВЯТОЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1903.

AA5237.

17|93.
W380.

Фототипія [illegible], С-Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.
[illegible]

Козьма Прутковъ

Prutkov, K.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

КОЗЬМЫ ПРУТКОВА

съ портретомъ, fac-simile и біографическими свѣдѣніями.

Поощреніе столь же необходимо геніальному писателю, сколь необходима канифоль смычку виртуоза.

«Плоды раздумья»—*К. Пруткова.*

ИЗДАНІЕ ДЕВЯТОЕ

С.-Петербургъ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

1903.

PK

891.71
P971
ed.9

2957

Изданіе Алексѣя и Владиміра Михайловичей Жемчужниковыхъ.

Содержаніе.

стр.

Портретъ Козьмы Пруткова, съ его факсимиле.
Біографическія свѣдѣнія о Козьмѣ Прутковѣ IX

I.—Досуги и Пухъ и Перья.

Предисловіе автора 3
Письмо извѣстнаго Козьмы Пруткова къ неизвѣстному фельетонисту „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (1854 г.), по поводу статьи сего послѣдняго 5

Стихотворенія:

1. Мой портретъ 11
2. Незабудки и Запятки, басня 12
3. Честолюбіе 13
4. Кондукторъ и Тарантулъ, басня 15
5. Поѣздка въ Кронштадтъ 16
6. Мое вдохновеніе 19
7. Цапля и Бѣговыя дрожки, басня 21
8. Юнкеръ Шмидтъ 22
9. Разочарованіе 23
10. Эпиграмма, I. 25
11. Червякъ и Попадья, басня 26
12. Аквилонъ 27
13. Желанія поэта 30
14. Память прошлаго 32
15. Разница вкусовъ 33
16. Письмо изъ Коринѳа 35
17. Романсъ: „На мягкой кровати“ 36
18. Древній пластическій грекъ 38

19. Помѣщикъ и Садовникъ, басня 39
20. Безвыходное положеніе 40
21. Въ альбомъ красивой чужестранкѣ. 42
22. Станъ и Голосъ, басня 43
23. Осада Памбы. 44
24. Эпиграмма, II. 46
25. Доблестные студіозусы 47
26. Шея 49
27. Помѣщикъ и Трава, басня. 51
28. На взморьѣ 52
29. Катерина 54
30. Нѣмецкая баллада 56
31. Чиновникъ и Курица, басня 58
32. Философъ въ банѣ 60
33. Ново-греческая пѣснь. 61
34. Въ альбомъ N. N. 63
35. Осень. 64
36. Звѣзда и Брюхо, басня 65
37. Путникъ, баллада 68
38. Желаніе быть испанцемъ 70
39. Древней греческой старухѣ 73
40. Пастухъ, Молоко и Читатель, басня 74
41. Родное 75
42. Блестки во тьмѣ. 77
43. Передъ моремъ житейскимъ 79
44. Мой сонъ 80
45. Предсмертное, съ необходимымъ объясненіемъ 82

Плоды раздумья:
Мысли и Афоризмы: 1—160. 87

II.—Выдержки изъ записокъ моего дѣда.

Предисловіе Козьмы Пруткова. 107
Гисторическіе матеріалы Ѳедота Кузьмича Пруткова:
Приступъ старика 111
1. Соотвѣтственное возраженіе одного кухаря 113
2. Милордовы правила . . . . . —
3. Что къ чему привѣшено. . . . . —
4. Лучше побольше, чѣмъ поменьше 114
5. Въ пору причиненное удовольствіе. . . . . —
6. Лучшее средство въ такомъ случаѣ 115
7. Два камизола. 116

стр.

8. Отвѣтъ одного италійскаго старца 116
9. Неумѣстное привѣтствіе, крѣпко наказанное. . . . . —
10. Докудова разность 117
11. Тихо и громко . . . . . —
12. Слишкомъ помнить опасность 118
13. Излишне сдержанное слово . . . . . —
14. Къ кому придетъ несчастіе 119
15. Недогадливый упрямецъ . . . . . —
16. Не всегда слишкомъ сильно 120
17. Никто необъятнаго обнять не можетъ 122

III.—Драматическія произведенія.

I. Фантазія. Комедія въ одномъ дѣйствіи, съ посмертнымъ объясненіемъ автора и копіею заглавнаго листа театральнаго экземпляра 125
II. Блонды. Драматическая пословица въ одномъ дѣйствіи 185
III. Споръ древнихъ греческихъ философовъ овъ изящномъ. Драматическая сцена изъ древне-греческой классической жизни, въ стихахъ. 199
IV. Черепословъ, сирѣчь Френологъ. Оперетта въ трехъ картинахъ, съ предисловіемъ къ творенію отца автора 205
V. Опрометчивый турка, или: Пріятно ли быть внукомъ? Естественно-разговорное представленіе, съ прологомъ. . . . 231
VI. Сродство міровыхъ силъ. Мистерія въ XI явленіяхъ . . 243—253

БІОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ.

о

Козьмѣ Прутковѣ.

Источники: 1) *личныя* свѣдѣнія.—2) *Сочиненія Козьмы Пруткова* *).—3) *„Некрологъ Козьмы Петровича Пруткова“*, въ журн. „Современникъ“ 1863 г., кн. IV, за подписью К. И. Шерстобитова **).—4) *„Корреспонденція“*

---

*) Сочиненія Козьмы Пруткова печатались сначала исключительно въ журн. „Современникъ“ 1851, 1853-54 и 1860-64 годовъ (въ 1851 году были помѣщены въ этомъ журналѣ только три басни, безъ подписи, въ „Замѣткахъ Новаго Поэта“); но въ первыхъ 1860-хъ годахъ нѣсколько (преимущественно слабѣйшихъ) его произведеній было напечатано въ журн. „Искра“; а въ 1861 г. была помѣщена, въ журн. „Развлеченіе“, № 18, комедія его „Любовь и Силинъ“. Затѣмъ въ 1881 г. напечатана въ первый разъ, въ газ. „Новое Время“, № 2026, басня: „Звѣзда и Брюхо“.—*Вотъ всѣ изданія, въ которыхъ были напечатаны сочиненія Козьмы Пруткова.*

Въ настоящее „Полное собраніе сочиненій Козьмы Пруткова“ *вошло все, что было имъ когда-либо напечатано, кромѣ слѣдующаго*: а) стихотвореній: Возвращеніе изъ Кронштадта; Къ друзьямъ послѣ женитьбы; Къ толпѣ; Эпиграмма о Діогенѣ; тоже о Лизимахѣ, и басня „Пятки некстати“; б) нѣсколькихъ афоризмовъ; в) нѣсколькихъ „выдержекъ изъ записокъ дѣда“; г) комедіи „Любовь и Силинъ“, и д) проекта: „о введеніи единомыслія въ Россіи“. Изъ числа этихъ, не вошедшихъ въ настоящее изданіе, произведеній К. Пруткова, стихотворенія, афоризмы и разсказы дѣда исключены имъ самимъ изъ подготовлявшагося собранія его сочиненій по ихъ слабости; ком. „Любовь и Силинъ“ исключена имъ потому, что была напечатана, безъ его вѣдома, ранѣе окончательной ея отдѣлки; а проектъ „о единомыслія“ исключенъ издателями потому, что составляетъ служебное, а не литературное произведеніе К. Пруткова.—Но кромѣ напечатанныхъ прежде сочиненій Козьмы Пруткова, въ настоящее изданіе *вошло не мало такихъ, которыя еще не были въ печати.*

**) Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1876 г. были напечатаны вымышленныя свѣдѣнія о Козьмѣ Прутковѣ, неправильно подписанныя тоже фамиліею К. И. Шерстобитова.

г. Алексѣя Жемчужникова, въ газ. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1874 г., № 37, по поводу изданной г. Гербелемъ „Христоматіи для всѣхъ“.—5) Статьи: „*Защита памяти Козьмы Пруткова*“, въ газ. „Новое Время“ 1877 г., № 892, и 1881 г. № 2026, за подписью: „Непремѣнный членъ Козьмы Пруткова“.—6) *Письмо къ редактору журнала „Въкъ“* отъ г. Владиміра Жемчужникова, напечатанное въ газетахъ: „Голосъ“ 1883 г., № 40, и „Новое Время“ 1883 г., № 2496.—7) Статья: „*Происхожденіе псевдонима Козьмы Пруткова*“, г. А. Жемчужникова, помѣщенная въ „Новостяхъ“ 1883 г., № 20

Козьма Петровичъ Прутковъ провелъ всю свою жизнь, кромѣ годовъ дѣтства и ранняго отрочества, въ государственной службѣ: сначала по военному вѣдомству, а потомъ по гражданскому. Онъ родился 11-го апрѣля 1803 г.; скончался 13-го января 1863 г.

Въ „Некрологѣ“ и другихъ статьяхъ о немъ было обращено вниманіе на слѣдующіе два факта: во-первыхъ, что онъ помѣчалъ всѣ свои печатныя прозаическія статьи 11-мъ числомъ апрѣля, или иного мѣсяца; и во-вторыхъ, что онъ писалъ свое имя: *Козьма*, а не *Кузьма*. Оба эти факта вѣрны; но первый изъ нихъ истолковывался ошибочно. Полагали, будто онъ, помѣчая свои произведенія 11-мъ числомъ, желалъ ознаменовывать каждый разъ день своего рожденія; на самомъ же дѣлѣ онъ ознаменовывалъ такою помѣтою не день рожденія, а свое замѣчательное сновидѣніе, вѣроятно только случайно совпавшее съ днемъ его рожденія и имѣвшее вліяніе на всю его жизнь. Содержаніе этого сновидѣнія разсказано далѣе, со словъ самого Козьмы Пруткова. Что же касается способа писанія имъ своего имени, то въ дѣйствительности онъ писался даже не „Козьма“, но *Косьма*, какъ знаменитые его соимен-

ники: *Косьма и Даміанъ*, *Косьма Мининъ*, *Косьма Медичи* и немногіе подобные.

Въ 1820 г. онъ поступилъ въ военную службу, только для мундира, и пробылъ въ этой службѣ всего два года съ небольшимъ, въ гусарахъ. Въ это время и привидѣлся ему вышеупомянутый сонъ. Именно: въ ночь съ 10-го на 11-ое апрѣля 1823 г., возвратясь поздно домой съ товарищеской попойки и едва прилегши на койку, онъ увидѣлъ передъ собою голаго бригаднаго генерала, въ эполетахъ, который, поднявъ его съ койки за руку и не давъ ему одѣться, повлекъ его, молча, по какимъ-то длиннымъ и темнымъ корридорамъ, на вершину высокой и остроконечной горы, и тамъ сталъ вынимать передъ нимъ, изъ древняго склепа, разныя драгоцѣнныя матеріи, показывая ихъ ему, одну за другою, и даже прикидывая нѣкоторыя изъ нихъ къ его продрогшему тѣлу. Прутковъ ожидалъ съ недоумѣніемъ и страхомъ развязки этого непонятнаго событія, но вдругъ, отъ прикосновенія къ нему самой дорогой изъ этихъ матерій, онъ ощутилъ во всемъ тѣлѣ сильный электрическій ударъ, отъ котораго проснулся весь въ испаринѣ.—Неизвѣстно, какое значеніе придавалъ Козьма Петровичъ Прутковъ этому видѣнію. Но часто разсказывая о немъ впослѣдствіи, онъ всегда приходилъ въ большое волненіе и заканчивалъ свой разсказъ громкимъ возгласомъ: „Въ то же утро, едва проснувшись, я рѣшилъ оставить полкъ и подалъ въ отставку; а когда вышла отставка, я тотчасъ опредѣлился на службу по министерству финансовъ, въ Пробирную Палатку, гдѣ и останусь навсегда!“—Дѣйствительно, вступивъ въ Пробирную Палатку въ 1823 г., онъ

оставался въ ней до смерти, т.-е. до 13-го января 1863 года.— Начальство отличало и награждало его. Здѣсь, въ этой Палаткѣ, онъ удостоился получить всѣ гражданскіе чины, до дѣйствительнаго статскаго совѣтника включительно, и наивысшую должность: директора Пробирной Палатки, а потомъ—и орденъ св. Станислава 1-ой степени, который всегда прельщалъ его, какъ это видно изъ басни: „Звѣзда и Брюхо“. Вообще, онъ былъ очень доволенъ своею службою. Только въ періодъ подготовленія реформъ прошлаго царствованія онъ какъ бы растерялся. Сначала ему казалось, что изъ-подъ него уходитъ почва, и онъ сталъ роптать, повсюду крича о рановременности всякихъ реформъ, и о томъ, что онъ „врагъ всѣхъ такъ называемыхъ вопросовъ!“ Однако потомъ, когда неизбѣжность реформъ сдѣлалась несомнѣнною, онъ самъ старался отличиться преобразовательными проектами, и сильно негодовалъ, когда проекты его браковали, по ихъ очевидной несостоятельности. Онъ объяснялъ это завистью, неуваженіемъ опыта и заслугъ, и сталъ впадать въ уныніе, даже приходить въ отчаяніе. Въ одинъ изъ моментовъ такого мрачнаго отчаянія онъ написалъ мистерію: „Сродство міровыхъ силъ“, впервые печатаемую въ настоящемъ изданіи и вполнѣ вѣрно передающую тогдашнее болѣзненное состояніе его духа *). Вскорѣ, однако, онъ успокоился, почувствовавъ вокругъ себя прежнюю атмосферу, и подъ собою—прежнюю почву. Онъ снова сталъ писать проекты, но уже стѣснительнаго направленія, и они принимались съ одобреніемъ. Это дало ему основаніе возвратиться къ прежнему

*) Въ такомъ же состояніи духа онъ написалъ стихотвореніе: „Передъ моремъ житейскимъ“, тоже впервые печатаемое въ настоящемъ изданіи.

самодовольству и ожидать значительнаго повышенія по службѣ. Но внезапный нервный ударъ, постигшій его въ директорскомъ кабинетѣ Пробирной Палатки, при самомъ отправленіи службы, прекратилъ его дни.—Въ настоящемъ изданіи помѣщено въ первый разъ его „Предсмертное“ стихотвореніе, недавно найденное въ секретномъ дѣлѣ Пробирной Палатки.

Но какъ бы ни были велики его служебные успѣхи и достоинства, они одни не доставили бы ему даже сотой доли той славы, какую онъ пріобрѣлъ литературною своею дѣятельностью. Между тѣмъ онъ пробылъ въ государственной службѣ (считая гусарство) болѣе сорока лѣтъ, а на литературномъ поприщѣ дѣйствовалъ гласно только пять лѣтъ (въ 1853-54 и 1860-хъ годахъ).

До 1850 г., именно, до случайнаго своего знакомства съ небольшимъ кружкомъ молодыхъ людей, состоявшихъ изъ нѣсколькихъ братьевъ Жемчужниковыхъ и двоюроднаго ихъ брата, графа Алексѣя Константиновича Толстого,—Козьма Петровичъ Прутковъ и не думалъ никогда ни о литературной, ни о какой-либо другой публичной дѣятельности. Онъ понималъ себя только усернымъ чиновникомъ Пробирной Палатки, и далѣе служебныхъ успѣховъ не мечталъ ни о чемъ. Въ 1850 г. графъ А. К. Толстой и Алексѣй Михайловичъ Жемчужниковъ, не предвидя серьезныхъ послѣдствій отъ своей затѣи, вздумали увѣрить его, что видятъ въ немъ замѣчательныя дарованія драматическаго творчества. Онъ, повѣривъ имъ, написалъ подъ ихъ руководствомъ комедію: „Фантазія“, которая была исполнена на сценѣ с.-петербургскаго Александринскаго театра, въ Высочайшемъ присут-

ствіи, 8-го января 1851 г., въ бенефисъ тогдашняго любимца публики, Максимова 1-го. Въ тотъ же вечеръ, однако, она была изъята изъ театральнаго репертуара, по особому повелѣнію.— Это можно объяснить только своеобразностью сюжета и дурною игрою актеровъ. Она впервые печатается лишь теперь.

Эта первая неудача не охладила начинавшаго писателя ни къ его новымъ пріятелямъ, ни къ литературному поприщу. Онъ, очевидно, сталъ уже вѣрить въ свои литературныя дарованія. Притомъ, упомянутый Алексѣй Жемчужниковъ и братъ его Александръ ободрили его, склонивъ заняться сочиненіемъ басенъ. Онъ тотчасъ же возревновалъ славѣ И. А. Крылова, тѣмъ болѣе, что И. А. Крыловъ тоже состоялъ въ государственной службѣ и тоже былъ кавалеромъ ордена св. Станислава 1-й степени. Въ такомъ настроеніи онъ написалъ три басни: „Незабудки и Запятки", „Кондукторъ и Тарантулъ" и „Цапля и Бѣговыя Дрожки";—онѣ были напечатаны въ журн. „Современникъ" (1851 г., кн. XI, въ „Замѣткахъ Новаго Поэта") и очень понравились публикѣ. Извѣстный литераторъ Дружининъ помѣстилъ о нихъ весьма сочувственную статью, кажется, въ журналѣ „Библіотека для Чтенія".

Дѣлая эти первые шаги въ литературѣ, Козьма Петровичъ Прутковъ не думалъ, однако, предаться ей. Онъ только подчинился уговариваніямъ своихъ новыхъ знакомыхъ. Ему было пріятно убѣждаться въ своихъ новыхъ дарованіяхъ, но онъ боялся и не желалъ прослыть литераторомъ; поэтому онъ скрывалъ свое имя передъ публикою. Первое свое произведеніе, комедію „Фантазія", онъ выдалъ на афишѣ за сочиненіе

какихъ-то „Y и Z“; а свои первыя три басни, названныя выше, онъ далъ въ печать безъ всякаго имени. Такъ было до 1852 г.; но въ этомъ году совершился въ его личности коренной переворотъ, подъ вліяніемъ трехъ лицъ изъ упомянутаго кружка: графа А. К. Толстого, Алексѣя Жемчужникова и Владиміра Жемчужникова. Эти лица завладѣли имъ, взяли его подъ свою опеку и развили въ немъ тѣ типическія качества, которыя сдѣлали его извѣстнымъ подъ именемъ Козьмы Пруткова. Онъ сталъ самоувѣренъ, самодоволенъ, рѣзокъ; началъ обращаться къ публикѣ „какъ власть имѣющій“; и въ этомъ своемъ новомъ и окончательномъ образѣ онъ бесѣдовалъ съ публикою въ теченіе пяти лѣтъ, въ два пріема, именно въ 1853-54 годахъ, помѣщая свои произведенія въ журн. „Современникъ“, въ отдѣлѣ „Ералашъ“, подъ общимъ заглавіемъ „Досуги Козьмы Пруткова“; и въ 1860-63 годахъ, печатаясь въ томъ же журналѣ въ отдѣлѣ „Свистокъ“, подъ общимъ заглавіемъ: „Пухъ и Перья (Daunen und Federn)“. Кромѣ того, въ теченіе второго появленія его передъ публикою, нѣкоторыя его произведенія (см. объ этомъ въ первой выноскѣ настоящаго очерка) были напечатаны въ журн. „Искра“, и одно въ журн. „Развлеченіе“ 1861 г., № 18.—Промежуточныя шесть лѣтъ, между двумя появленіями Козьмы Пруткова въ печати, были для него тѣми годами томительнаго смущенія и отчаянія, о коихъ упомянуто выше.

Въ оба свои кратковременныя явленія въ печати Козьма Прутковъ оказался поразительно разнообразнымъ, именно: и стихотворцемъ, и баснописцемъ, и историкомъ (см. его „Выдержки изъ записокъ дѣда“) и философомъ (см. его

„Плоды раздумья“), и драматическимъ писателемъ. А послѣ его смерти обнаружилось, что въ это же время онъ успѣвалъ писать правительственные проекты, какъ смѣлый и рѣшительный администраторъ (см. его проектъ: „О введеніи единомыслія въ Россіи“, напечатанный, безъ этого заглавія, при его некрологѣ, въ „Современникѣ“ 1863 г., кн. IV). И во всѣхъ родахъ этой разносторонней дѣятельности онъ былъ одинаково рѣзокъ, рѣшителенъ, самоувѣренъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ сыномъ своего времени, отличавшагося самоувѣренностью и неуваженіемъ препятствій. То было, какъ извѣстно, время знаменитаго ученія: „усердіе все превозмогаетъ“. Едва-ли даже не Козьма Прутковъ первый формулировалъ это ученіе въ означенной фразѣ, когда былъ еще въ мелкихъ чинахъ. По крайней мѣрѣ, оно находится въ его „Плодахъ раздумья“, подъ № 84. Вѣрный этому ученью и возбужденный своими опекунами, Козьма Прутковъ не усомнился въ томъ, что ему достаточно только приложить усердіе, чтобы завладѣть всѣми знаніями и дарованіями.—Спрашивается, однако: 1) чему же обязанъ Козьма Прутковъ тѣмъ, что, при такихъ невысокихъ его качествахъ, онъ столь быстро пріобрѣлъ и доселѣ сохраняетъ за собою славу и сочувствіе публики?—и 2) чѣмъ руководились его опекуны, развивъ въ немъ эти качества?

Для разрѣшенія этихъ вопросовъ, необходимо вникнуть въ сущность дѣла: „посмотрѣть въ корень“, по выраженію Козьмы Пруткова, и тогда личность Козьмы Пруткова окажется столь же драматичною и загадочною, какъ личность Гамлета. Онѣ обѣ не могутъ обойтись безъ комментаріевъ и обѣ внушаютъ сочувствіе къ себѣ, хотя по различнымъ

причинамъ. Козьма Прутковъ былъ, очевидно, жертвою трехъ упомянутыхъ лицъ, сдѣлавшихся произвольно его опекунами или клевретами. Они поступили съ нимъ какъ „ложные друзья“, выставляемые въ трагедіяхъ и драмахъ. Они подъ личиною дружбы, развили въ немъ такія качества, которыя желали осмѣять публично. Подъ ихъ вліяніемъ, онъ перенялъ отъ другихъ людей, имѣвшихъ успѣхъ: смѣлость, самодовольство, самоувѣренность, даже наглость, и сталъ считать каждую свою мысль, каждое свое писаніе и изреченіе — истиною, достойною оглашенія. Онъ вдругъ счелъ себя сановникомъ въ области мысли и сталъ самодовольно выставлять свою ограниченность и свое невѣжество, которыя иначе остались бы неизвѣстными внѣ стѣнъ Пробирной Палатки. Изъ этого видно, впрочемъ, что его опекуны, или „ложные друзья“, *не придали* ему никакихъ новыхъ дурныхъ качествъ; они только ободрили его и тѣмъ самымъ вызвали наружу такія его свойства, которыя таились до случая. Ободренный своими клевретами, онъ уже самъ сталъ требовать, чтобы его слушали; а когда его стали слушать, онъ выказалъ такое самоувѣренное непониманіе дѣйствительности, какъ будто надъ каждымъ его словомъ и произведеніемъ стоитъ ярлыкъ: „все человѣческое мнѣ *чуждо*“.

Самоувѣренность, самодовольство и умственная ограниченность Козьмы Пруткова выразились особенно ярко въ его „Плодахъ раздумья“, т.-е. въ его „Мысляхъ и афоризмахъ“.—Обыкновенно форму афоризмовъ употребляютъ для передачи выводовъ житейской мудрости; но Козьма Прутковъ воспользовался ею иначе. Онъ, въ большей части своихъ афоризмовъ, или говоритъ съ важностью „казенныя“ пошлости, или вламывается съ

усиліемъ въ открытыя двери, или высказываетъ такія „мысли“, которыя не только не имѣютъ соотношенія съ его временемъ и страною, но какъ бы находятся внѣ всякаго времени и какой бы ни было мѣстности. При этомъ въ его афоризмахъ часто слышится не совѣтъ, не наставленіе, — а команда. Его знаменитое „*Бди*!“ напоминаетъ военную команду: „*пли*!“ Да и вообще Козьма Прутковъ высказывался такъ самодовольно, смѣло и настойчиво, что заставилъ увѣровать въ свою мудрость. По пословицѣ: „смѣлость города беретъ“, Козьма Прутковъ смѣлостью завоевалъ себѣ литературную славу. Будучи умственно ограниченнымъ, онъ давалъ совѣты мудрости; не будучи поэтомъ, онъ писалъ стихи и драматическія сочиненія; полагая быть историкомъ, онъ разсказывалъ анекдоты; не имѣя ни образованія, ни хотя бы малѣйшаго пониманія потребностей отечества, онъ сочинялъ для него проекты управленія... — „Усердіе все превозмогаетъ!“...

Упомянутые трое опекуновъ Козьмы Пруткова заботливо развили въ немъ такія качества, при которыхъ онъ оказывался вполнѣ ненужнымъ для своей страны; и, рядомъ съ этимъ, они безжалостно обобрали у него всѣ такія, которыя могли бы сдѣлать его хотя немного полезнымъ. Присутствіе первыхъ и отсутствіе вторыхъ равно комичны; а какъ при этомъ въ Козьмѣ Прутковѣ сохранилось глубокое, прирожденное добродушіе, дѣлающее его невиннымъ во всѣхъ выходкахъ, то онъ оказался забавнымъ и симпатичнымъ. — Въ этомъ и состоитъ драматичность его положенія. Поэтому-то онъ и можетъ быть справедливо названъ жертвою своихъ опекуновъ. Онъ безсознательно и противъ своего желанія забавлялъ, служа ихъ цѣлямъ. Не будь этихъ опекуновъ, онъ едва ли рѣшился

бы, пока состоялъ только въ должности директора Пробирной Палатки, такъ откровенно, самоувѣренно и самодовольно разоблачаться передъ публикою.

Но справедливо ли укорять опекуновъ Козьмы Пруткова за то, что они выставили его съ забавной стороны? — Вѣдь только черезъ это они доставили ему славу и симпатію публики; а Козьма Прутковъ любилъ славу. Онъ даже печатно отвергалъ справедливость мнѣнія, будто „слава — дымъ“. Онъ печатно сознавался: что „хочетъ славы“, что „слава тѣшитъ человѣка“. — Опекуны его угадали, что онъ никогда не пойметъ комичности своей славы, и будетъ ребячески наслаждаться ею. И онъ, дѣйствительно, наслаждался своею славою съ увлеченіемъ, до самой своей смерти, всегда вѣря въ необыкновенныя и разнообразныя свои дарованія. Онъ былъ гордъ собою и счастливъ: болѣе этого не дали бы ему самые благонамѣренные опекуны.

Слава Козьмы Пруткова установилась такъ быстро, что въ первый же годъ своей гласной литературной дѣятельности (съ 1853 г.) онъ уже занялся приготовленіемъ отдѣльнаго изданія своихъ сочиненій, съ портретомъ. Для этого были тогда же приглашены имъ ТРОЕ художниковъ, которые нарисовали и перерисовали на камень его портретъ, отпечатанный въ томъ же 1853 году, въ литографіи Тюлина, въ значительномъ количествѣ экземпляровъ *). Тогдашняя цензура

*) Художники эти—тогдашніе ученики академіи художествъ, занимавшіеся и жившіе вмѣстѣ. *Левъ Михайловичъ Жемчужниковъ*, *Александръ Егоровичъ Бейдеманъ*, *Левъ Феликсовичъ Лагоріо*. Подлинный ихъ рисунокъ сохранился до сихъ поръ у Л. М. Жемчужникова.—Упоминаемая здѣсь литографія Тюлина находилась въ Спб. на Васильевскомъ Острову, по 5-ой линіи противъ академіи художествъ.

почему-то не разрѣшила выпуска этого портрета: вслѣдствіе этого не состоялось и все изданіе. Въ слѣдующемъ году оказалось, что всѣ отпечатанные экземпляры портрета, кромѣ пяти, удержанныхъ издателями тотчасъ по отпечатаніи, пропали, вмѣстѣ съ камнемъ, при перемѣнѣ помѣщенія литографіи Тюлина *). Вотъ почему при настоящемъ изданіи приложена фотогеліотипная копія, въ уменьшенномъ форматѣ, съ одного изъ уцѣлѣвшихъ экземпляровъ того портрета, а не подлинные оттиски.

Дорожа памятью о Козьмѣ Прутковѣ, нельзя не указать и тѣхъ подробностей его наружности и одежды, коихъ передачу въ портретѣ онъ вмѣнялъ художникамъ въ особую заслугу; именно: искусно подвитые и всклоченные каштановые съ просѣдью волоса; двѣ бородавочки: одна вверху правой стороны лба, а другая вверху лѣвой скулы; кусочекъ чернаго англійскаго пластыря на шеѣ, подъ правою скулой, на мѣстѣ постоянныхъ его бритвенныхъ порѣзовъ; длинные, острые концы рубашечнаго воротника, торчащіе изъ-подъ цвѣтного платка, повязаннаго на шеѣ широкою и длинною петлею; плащъ-альмавива, съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ, живописно закинутый однимъ концомъ за плечо; кисть лѣвой руки, плотно обтянутая бѣлою замшевою перчаткою особаго покроя, выставленная изъ-подъ альмавивы, съ дорогими перстнями поверхъ перчатки (эти перстни были ему пожалованы при разныхъ случаяхъ).

*) Такъ было объявлено г. Тюлинымъ В. М. Жемчужникову въ 1854 г. въ новомъ помѣщеніи литографіи. Впослѣдствіи нѣкоторыя лица пріобрѣтали эти пропавшіе экземпляры покупкой на Апраксиномъ дворѣ.

Когда портретъ Козьмы Пруткова былъ уже нарисованъ на камнѣ, онъ потребовалъ, чтобы внизу была прибавлена лира, отъ которой исходятъ вверхъ лучи. Художники удовлетворили это его желаніе, насколько было возможно въ оконченномъ уже портретѣ; но въ уменьшенной копіи съ портрета, приложенной къ настоящему изданію, эти поэтическіе лучи, къ сожалѣнію, едва замѣтны.

Козьма Прутковъ никогда не оставлялъ намѣренія издать отдѣльно свои сочиненія. Въ 1860 г. онъ даже заявилъ печатно (въ журн. „Современникъ“, въ выноскѣ къ стихотворенію: „Разочарованіе“) о предстоящемъ выходѣ ихъ въ свѣтъ; но обстоятельства мѣшали исполненію этого его намѣренія до сихъ поръ. Теперь оно осуществляется, между прочимъ, и для охраненія типа и литературныхъ правъ Козьмы Пруткова, принадлежащихъ исключительно литературнымъ его образователямъ, поименованнымъ въ настоящемъ очеркѣ.

Въ виду являвшихся въ печати ошибочныхъ указаній на участіе въ дѣятельности Козьмы Пруткова разныхъ другихъ лицъ, — представляется нелишнимъ повторить свѣдѣнія о сотрудничествѣ ихъ.

Во-первыхъ: литературную личность Козьмы Пруткова создали и разработали три лица, именно: графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой, Алексѣй Михайловичъ Жемчужниковъ и Владиміръ Михайловичъ Жемчужниковъ.

Во-вторыхъ: сотрудничество въ этомъ дѣлѣ было оказано двумя лицами, въ опредѣленномъ здѣсь размѣрѣ, именно: 1) Александромъ Михайловичемъ Жемчужниковымъ, принимавшимъ весьма значительное участіе въ сочиненіи не

только трехъ басенъ: „Незабудки и Запятки“, „Кондукторъ и Тарантулъ“ и „Цапля и Бѣговыя Дрожки“, но также комедіи „Блонды“ и недодѣланной комедіи „Любовь и Силинъ“ (см. о ней въ начальной выноскѣ), и 2) Петромъ Павловичемъ Ершовымъ, извѣстнымъ сочинителемъ сказки „Конекъ-Горбунокъ“, которымъ было доставлено нѣсколько куплетовъ, помѣщенныхъ во вторую картину оперетты: „Черепословъ, сирѣчь Френологъ“ *).

И *въ-третьихъ:* засимъ, никто—ни изъ редакторовъ и сотрудниковъ журнала „Современникъ“, ни изъ всѣхъ прочихъ русскихъ писателей—не имѣлъ въ авторствѣ Козьмы Пруткова ни малѣйшаго участія.

13 января, 1884 г.

*) П. П. Ершовъ лично передалъ эти куплеты В. М. Жемчужникову, въ Тобольскѣ, въ 1854 г., заявивъ желаніе: „Пусть ими воспользуется Кузьма Прутковъ, потому что самъ я уже ничего не пишу“. Кстати замѣтить, въ біографіи П. П. Ершова, напечатанной г. Ярославцевымъ въ 1872 г., на стр. 49 помѣщенъ отрывокъ изъ письма Ершова, *отъ 5 марта 1837 г.*, въ которомъ онъ упоминаетъ о „куплетцахъ“ для водевиля „Черепословъ“, написаннаго пріятелемъ его „Ч-жовымъ“. — Не эти ли „куплетцы“ и были въ 1854 г. переданы П. П. Ершовымъ? При нихъ было и заглавіе „Черепословъ“.

I.

ДОСУГИ

И

Пухъ и Перья

— DAUNEN UND FEDERN —

«Поощреніе столь же необходимо геніальному писателю, сколь необходима канифоль смычку виртуоза».

«Плоды раздумья»—Козьмы Пруткова.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Читатель, вотъ мои «Досуги»!... Суди безпристрастно. Это только частица написаннаго. Я пишу съ дѣтства. У меня много неконченнаго (d'inachevé). Издаю пока отрывокъ. Ты спросишь: Зачѣмъ?—Отвѣчаю:—Я хочу славы. Слава тѣшитъ человѣка. Слава, говорятъ, дымъ;—это неправда! Я этому не вѣрю!.. Я поэтъ, поэтъ даровитый. Я въ этомъ убѣдился. Убѣдился, читая другихъ. Если они поэты, такъ и я тоже!.. Суди, говорю, самъ! Да суди безпристрастно. Я ищу справедливости. Снисхожденья не надо. Я не прошу снисхожденья!..

Читатель, до свиданья!.. Коли эти сочиненія понравятся, прочтешь и другія. Запасъ у меня великъ, матеріаловъ много. Нуженъ только зодчій, нуженъ архитекторъ. Я хорошій архитекторъ.

Читатель, прощай! Смотри же, читай со вниманіемъ. Да не поминай лихомъ!

Твой доброжелатель—

Козьма Прутковъ.

11 апрѣля
1853 года (annus,i)

ПИСЬМО

извѣстнаго Козьмы Пруткова къ неизвѣстному фельетонисту «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (1854 г.) по поводу статьи сего послѣдняго *).

Фельетонистъ, я пробѣжалъ твою статейку въ № 80 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей».—Ты въ ней упоминаешь обо мнѣ. Это ничего! Но ты въ ней неосновательно хулишь меня. За это не похвалю, хотя ты, очевидно, домогаешься моей похвалы!

Ты утверждаешь, что я пишу пародіи. Отнюдь! Я совсѣмъ не пишу пародій! Я никогда не писалъ пародій! Откуда ты взялъ, будто я пишу пародіи?! Я просто анализировалъ въ умѣ своемъ большинство поэтовъ, имѣвшихъ успѣхъ;—этотъ анализъ привелъ меня къ синтезису: ибо дарованія, разсыпанныя между другими поэтами порознь, оказались совмѣщенными во мнѣ единомъ!... Придя къ такому сознанію, я рѣшился писать. Рѣшившись писать, я пожелалъ славы. Пожелавъ славы, я избралъ вѣрнѣйшій къ ней путь: подражаніе именно тѣмъ поэтамъ, которые уже пріобрѣли ее въ нѣкоторой степени.—Слышишь ли?—

*) Письмо это было напечатано въ журналѣ „Современникъ“ 1854 г.

«подражаніе», а не пародію!.. Откуда же ты взялъ, будто я пишу пародіи?!

Въ этомъ направленіи написанъ мною и «Споръ древнихъ греческихъ философовъ объ изящномъ». Какъ же ты, фельетонистъ, увѣряешь, будто для него «нѣтъ образца въ современной литературѣ»?—Я, твердый въ своемъ направленіи, какъ кремень, не могъ бы и написать этотъ «Споръ», если бы не видѣлъ для него «образца въ современной литературѣ»!.. Тебѣ показалась устарѣлою *форма* этого «Спора»;—и тутъ не такъ! Форма самая обыкновенная, разговорная, драматическая, вполнѣ соотвѣтствующая этому истинно-драматическому моему созданію!.. Да и гдѣ ты видѣлъ, чтобы драматическія произведенія были написаны не въ разговорной формѣ?!

Затѣмъ ты, подобно другимъ, приписываешь, кажется, моему перу и «Гномовъ», и прочія «Сцены изъ обыденной жизни»? *) О, это жестокая ошибка! Ты вчитайся въ оглавленіе, вникни въ мои произведенія, и тогда поймешь, какъ дважды два четыре: что̀ въ «Ералаши» мое, и что̀ не мое!..

Послушай, фельетонистъ!—я вижу по твоему слогу, что ты еще новичокъ въ литературѣ. Однако, ты уже успѣлъ набить себѣ руку;—это хорошо! Теперь тебѣ надо добиваться славы!—слава тѣшитъ человѣка... Слава, говорятъ, дымъ; но это неправда! Ты не вѣрь этому, фельетонистъ!—Итакъ, во имя литературной твоей славы, прошу тебя: не называй впередъ моихъ произведеній пародіями! Иначе я тоже стану увѣрять, что всѣ твои фельетоны не что иное, какъ пародіи;—ибо они, какъ двѣ капли воды, похожи на всѣ прочіе газетные фельетоны!..

---

*) Подъ этими заглавіями были помѣщены въ „Современникѣ“ чужія, т.-е. не мои,—впрочемъ, также очень хорошія,—произведенія на страницахъ „Ералаши“. Но смѣшивать эти произведенія съ моими могутъ только люди, не имѣющіе никакого вкуса и ничего не понимающіе!

Примѣчаніе К. Пруткова.

Между моими произведеніями, напротивъ, не только нѣтъ пародій, но даже не все подражаніе; а есть настоящіе, неподдѣльные и крупные самородки!.. Вотъ ты—такъ пародируешь меня, и очень неудачно. Напр., ты говоришь: «пародія должна быть направлена противъ чего-нибудь, имѣющаго болѣе или *менѣе* (!) серьезный смыслъ,—иначе она будетъ пустою забавою»;—да это прямо изъ моего афоризма: «Бросая въ воду камешки, смотри на круги, ими образуемые; иначе такое бросаніе будетъ пустою забавою».

Въ написанномъ небрежно всегда будетъ много недосказаннаго, неконченнаго (d'inachevé).

Твой доброжелатель—

Козьма Прутковъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

МОЙ ПОРТРЕТЪ.

Когда въ толпѣ ты встрѣтишь человѣка,
Который нагъ *);
Чей лобъ мрачнѣй туманнаго Казбека,
Неровенъ шагъ;
Кого власы подъяты въ безпорядкѣ;
Кто, вопія,
Всегда дрожитъ въ нервическомъ припадкѣ,—
Знай: это я!

Кого язвятъ со злостью вѣчно новой,
Изъ рода въ родъ;
Съ кого толпа вѣнецъ его лавровый
Безумно рветъ;
Кто ни предъ кѣмъ спины не клонитъ гибкой,—
Знай: это я!..
Въ моихъ устахъ спокойная улыбка,
Въ груди—змѣя!

*) *Варіантъ*: „На коемъ фракъ“.

НЕЗАБУДКИ и ЗАПЯТКИ.

Басня.

Трясясь Пахомычъ на Запяткахъ,
Пукъ Незабудокъ везъ съ собой;
Мозоли натеревъ на пяткахъ,
Лечилъ ихъ дома камфорой.

Читатель! въ баснѣ сей откинувъ Незабудки,
Здѣсь помѣщенныя для шутки,
Ты только это заключи:
Коль будутъ у тебя мозоли,
То, чтобъ избавиться отъ боли,
Ты, какъ Пахомычъ нашъ, ихъ камфорой лечи.

ЧЕСТОЛЮБІЕ.

Дайте силу мнѣ Самсона;
Дайте мнѣ Сократовъ умъ;
Дайте легкія Клеона,
Оглашавшія форумъ;
Цицерона краснорѣчье,
Ювеналовскую злость,
И Эзопово увѣчье,
И магическую трость!..

Дайте бочку Діогена;
Ганнибаловъ острый мечъ,
Что, за славу Карѳагена,
Столько вый отсѣкъ отъ плечъ!
Дайте мнѣ ступню Психеи,
Сапфы женственный стишокъ,
И Аспазьины затѣи,
И Венеринъ поясокъ!..

Дайте черепъ мнѣ Сенеки;
Дайте мнѣ Виргильевъ стихъ;—
Затряслись бы человѣки
Отъ глаголовъ устъ моихъ!

Я бы, съ мужествомъ Ликурга
Озираясь кругомъ,
Стогны всѣ Санктпетербурга
Потрясалъ своимъ стихомъ.

Для значенія инова
Я исхитилъ бы изъ тьмы
Имя славное *Пруткова*,
Имя громкое *Козьмы*!

КОНДУКТОРЪ и ТАРАНТУЛЪ.

Басня.

Въ горахъ Гишпаніи тяжелый экипажъ,
Съ Кондукторомъ, отправился въ вояжъ.
Гишпанка, сѣвши въ немъ, немедленно заснула.
А мужъ ея, межъ тѣмъ, увидя Тарантула,
Вскричалъ:—Кондукторъ, стой!
Приди скорѣй! Ахъ, Боже мой!—
На крикъ Кондукторъ поспѣшаетъ
И тутъ же вѣникомъ скотину выгоняетъ,
Промолвивъ: «Денегъ ты за мѣсто не платилъ!»
И тотчасъ же его пятою раздавилъ.

Читатель! разочти впередъ свои депансы,
Чтобъ даромъ не дерзать садиться въ дилижансы.
И норови, чтобы отнюдь
Безъ денегъ не пускаться въ путь.
Не то случится и съ тобой, что съ насѣкомымъ,
Тебѣ знакомымъ.

ПОѢЗДКА ВЪ КРОНШТАДТЪ.

Посвящено сослуживцу моему по министерству финансовъ,
г. Бенедиктову.

Пароходъ летитъ стрѣлою,
Грозно мелетъ волны въ прахъ
И, дымя своей трубою,
Рѣжетъ слѣдъ въ сѣдыхъ волнахъ.

Пѣна клубомъ. Паръ клокочетъ.
Брызги перлами летятъ.
У руля матросъ хлопочетъ.
Мачты въ воздухѣ торчатъ.

Вотъ находитъ туча съ юга,
Все чернѣе и чернѣй...
Хоть страшна на сушѣ вьюга,
Но въ моряхъ еще страшнѣй!

Громъ гремитъ, и молньи блещутъ.
Мачты гнутся, слышенъ трескъ...
Волны сильно въ судно хлещутъ...
Крики, шумъ, и вопль, и плескъ.

17

На носу одинъ стою я *)
И стою я какъ утесъ.
Морю пѣсни въ честь пою я,
И пою я не безъ слезъ.

Море съ ревомъ ломитъ судно...
Волны пѣнятся кругомъ...
Но и судну плыть не трудно
Съ Архимедовымъ винтомъ!

Вотъ оно ужъ близко къ цѣли.
Вижу,—духъ мой объялъ страхъ:
Ближній слѣдъ нашъ еле-еле,
Еле видится въ волнахъ!

А о дальнемъ и помину,
И помину даже нѣтъ:
Только водную равнину,
Только бури вижу слѣдъ!

Такъ подчасъ и въ нашемъ мірѣ:
Жилъ, писалъ поэтъ иной,
Звучный стихъ ковалъ на лирѣ,
И—исчезъ въ волнѣ мірской!..

Я мечталъ. Но смолкла буря.
Въ бухтѣ сталъ нашъ пароходъ....
Мрачно голову понуря,
Зря на суетный народъ:

*) Здѣсь, конечно, разумѣется носъ парохода, а не поэта;—читатель самъ могъ бы догадаться объ этомъ.

«Такъ», подумалъ я, «на свѣтѣ
Меркнетъ свѣтлый славы путь!..
Ахъ, ужель я тоже въ Летѣ
Утону когда-нибудь?!»

МОЕ ВДОХНОВЕНІЕ.

Гуляю-ль одинъ я по Лѣтнему саду,
Въ компаньѣ-ль съ друзьями по парку хожу,
Въ тѣни ли березы плакучей присяду,
На небо ли, молча, съ улыбкой гляжу:
Все дума за думой въ главѣ неисходно,
Одна за другою, докучной чредой,
И волѣ въ противность, и съ сердцемъ несходно,
Тѣснятся, какъ мошки надъ теплой водой...
И тяжко страдая душой безутѣшной,
Не въ силахъ смотрѣть я на свѣтъ и людей:
Мнѣ свѣтъ представляется тьмою кромѣшной;
А смертный—какъ мрачный, лукавый злодѣй.

И съ сердцемъ незлобнымъ, и съ сердцемъ смиреннымъ,
Покорствуя думамъ, я дѣлаюсь гордъ,
И бью всѣхъ, и раню стихомъ вдохновеннымъ,
Какъ древній Аттила, вождь дерзостныхъ ордъ.
И кажется мнѣ, что тогда я главою
Всѣхъ выше, всѣхъ мощью духовной сильнѣй;

И кружится міръ подъ моею пятою,
И дѣлаюсь я все мрачнѣй и мрачнѣй!
И злобы исполнясь, какъ грозная туча
Стихами я вдругъ надъ толпою прольюсь:
И горе подпавшимъ подъ стихъ мой могучій!..
Надъ воплемъ страданья я дико смѣюсь.

ЦАПЛЯ и БѢГОВЫЯ ДРОЖКИ.

Басня.

На Бѣговыхъ помѣщикъ ѣхалъ Дрожкахъ.
Летѣла Цапля,—онъ глядѣлъ.
— Ахъ! почему такія ножки
И мнѣ Зевесъ не далъ въ удѣлъ?—
А Цапля тихо отвѣчаетъ:
— Не знаешь ты, Зевесъ то знаетъ!—

Пусть баснь сію прочтетъ всякъ строгій семьянинъ.
Коль ты татариномъ рожденъ, такъ будь татаринъ;
Коль мѣщаниномъ,—мѣщанинъ,
А дворянином,—дворянинъ.
Но если ты кузнецъ, и захотѣлъ быть баринъ,
То знай, глупецъ,
Что, наконецъ,
Не только не дадутъ тебѣ тѣ длинны ножки,
Но даже отберутъ коротенькія дрожки.

ЮНКЕРЪ ШМИДТЪ.

Вянетъ листъ. Проходитъ лѣто.
Иней серебрится.
Юнкеръ Шмидтъ изъ пистолета
Хочетъ застрѣлиться...

Погоди, безумный, снова
Зелень оживится!..
Юнкеръ Шмидтъ! честно́е слово,
Лѣто возвратится.

РАЗОЧАРОВАНІЕ.

Я. П. Полонскому.

Поле. Ровъ. На небѣ солнце.
А въ саду, за рвомъ, избушка.
Солнце свѣтитъ. Предо мною
Книга, хлѣбъ и пива кружка.

Солнце свѣтитъ. Въ клѣткахъ птички.
Воздухъ жаркій. Вкругъ молчанье...
Вдругъ проходитъ прямо въ сѣни
Дочь хозяйкина Маланья.

Я иду за нею слѣдомъ;
Выхожу я также въ сѣнцы.
Вижу: дочка на веревкѣ
Разстилаетъ полотенцы.

Говорю я ей съ упрекомъ:
— Что ты мыла: не жилетъ ли?
И зачѣмъ на немъ не шолкомъ,
Ниткой ты подшила петли?—

А Маланья, обернувшись,
Мнѣ со смѣхомъ отвѣчала:
— Ну, такъ что-жъ, коли не шолкомъ?
Я при васъ вѣдь подшивала!—

И затѣмъ пошла на кухню...
Я туда-жъ за ней вступаю.
Вижу: дочь готовитъ тѣсто,
Для обѣда, къ караваю.

Обращаюсь къ ней съ упрекомъ:
— Что̀ готовишь? не творогъ ли?
— Тѣсто къ караваю.—Тѣсто?
— Да; вы, кажется, оглохли?—

И сказавши, вышла въ садикъ...
Я туда-жъ, взявъ пива кружку.
Вижу: дочка въ огородѣ
Рветъ созрѣвшую петрушку.

Говорю опять съ упрекомъ:
— Что̀ нашла ты? ужъ не грибъ ли?—
— Все болтаете пустое!
Вы и такъ, кажись, охрипли.

Пораженный замѣчаньемъ,
Я подумалъ: «Ахъ, Маланья!..
Какъ мы часто дѣтски любимъ
Недостойное вниманья!»

ЭПИГРАММА.

№ 1.

— Вы любите ли сыръ?—спросили разъ Ханжу.
— Люблю,—онъ отвѣчалъ:—я вкусъ въ немъ нахожу.

ЧЕРВЯКЪ и ПОПАДЬЯ.

Басня *)

Однажды къ Попадьѣ заползъ Червякъ за шею;
И вотъ его достать велитъ она лакею.
Слуга сталъ шарить Попадью...
— Но что ты дѣлаешь?!—Я Червяка давлю.—

Ахъ, если ужъ заползъ къ тебѣ червякъ за шею,
Сама его дави, и не давай лакею!

*) Эта басня, какъ и все печатаемое въ этомъ изданіи въ первый разъ, найдена въ оставшихся отъ Козьмы Пруткова сафьянныхъ портфеляхъ, за нумерами, съ печатною золоченою надписью: „*Сборникъ неожиданнаго* (*d'inachevé*) №“.

АКВИЛОНЪ.

Въ память г. Бенедиктову.

Съ сердцемъ грустнымъ, съ сердцемъ полнымъ,
Дувръ оставивши, въ Калэ
Я по ярымъ, гордымъ волнамъ
Полетѣлъ на кораблѣ.

То былъ плаватель могучій,
Крутобедрый геній водъ,
Трехмачтовый градъ плавучій,
Стосаженный скороходъ.
Онъ, какъ конь донской породы,
Шею вытянувъ впередъ,
Грудью сильной рѣжетъ воды,
Грудью смѣлой въ волны прётъ.
И, какъ сынъ степей безграннихъ,
Мчится онъ поверхъ пучинъ,
На крылахъ своихъ пространныхъ,
Будто влажный сарацинъ.
Гордо волны попираетъ
Моря страшный властелинъ;

И чуть-чуть не досягаетъ
Неба чудный исполинъ.
Но, вотъ-вотъ, ужъ съ громомъ тучи
Мчитъ Борей съ полнощныхъ странъ...
Укроти свой бѣгъ летучій,
Водъ соленыхъ ветеранъ!..
Нѣтъ! гигантъ грозѣ не внемлетъ,
Не страшится онъ врага,
Гордо голову подъемлетъ,
Вздулись верви и бока.
И бѣгунъ морей высокій
Волнорѣжущую грудь
Пялитъ въ волны и широкій
Прорѣзаетъ въ морѣ путь.

Возшумѣлъ Борей сердитый,
Раскипѣлся, возстоналъ;
И, весь пѣною облитый,
Набѣжалъ девятый валъ!
Великанъ нашъ накренился...
Бортомъ воду зачерпнулъ...
Парусъ въ море погрузился...
Богатырь нашъ потонулъ!

И страшный когда-то ристатель морей
Побѣдную выю смиренно склоняетъ.
И, съ дикою злобой, свирѣпый Борей
На жертву тщеславья взираетъ...

И мрачный, какъ мрачныя сѣвера ночи,
Онъ молвитъ, насупивши брови на очи:
— Все водное водамъ, а смертное смерти!
Все влажное влагамъ, а твердое тверди!—

И, послушные велѣньямъ,
Вѣтры съ шумомъ понеслись,
Парусъ сорвали въ мгновенье,
Доски съ трескомъ сорвались.
И всѣ смертные уныли,
Сидя въ страхѣ на доскахъ,
И неволею поплыли,
Колыхаясь на волнахъ.

Я одинъ, на мачтѣ сидя,
Руки мощныя скрестивъ,
Ничего кругомъ не видя,
Золъ, спокоенъ, молчаливъ;
И хотѣлъ бы я, во гнѣвѣ,
Морю грозному въ укоръ,
Стихъ, въ моемъ созрѣвшій чревѣ,
Изрыгнуть водамъ, въ позоръ...
Но онѣ, съ нѣмой отвагой,
Мачту къ берегу гоня,
Лишь презрительною влагой
Дерзко плескаютъ въ меня!

И вдругъ, о спасеньѣ своемъ помышляя,
Замѣтивъ, что болѣ не слышенъ ужъ громъ,
Безъ мысли, но съ чувствомъ на влагу взирая,
Я гордо сталъ править весломъ.

ПАМЯТЬ ПРОШЛАГО.

Какъ будто изъ Гейне.

Помню я тебя ребенкомъ,
Скоро будетъ сорокъ лѣтъ;
Твой передничекъ измятый,
Твой затянутый корсетъ...

Было въ немъ тебѣ неловко...
Ты сказала мнѣ тайкомъ:
«Распусти корсетъ мнѣ сзади,—
Не могу я бѣгать въ немъ».

Весь исполненный волненья,
Я корсетъ твой развязалъ...
Ты со смѣхомъ убѣжала,
Я-жъ задумчиво стоялъ.

РАЗНИЦА ВКУСОВЪ.

Басня *).

Казалось бы, ну какъ не знать
Иль не слыхать
Стариннаго присловья,
Что споръ о вкусахъ—пустословье?
Однакожъ разъ, въ какой-то праздникъ,
Случилось такъ, что съ дѣдомъ за столомъ,
Въ собраніи гостей большомъ,
О вкусахъ началъ споръ его же внукъ, проказникъ.
Старикъ, разгорячась, сказалъ среди обѣда:
— Щенокъ! тебѣ-ль порочить дѣда?
Ты молодъ: все тебѣ и рѣдька, и свинина;
Глотаешь въ день десятокъ дынь;
Тебѣ и горькій хрѣнъ малина,
А мнѣ и бланманже полынь!

Читатель! въ мірѣ такъ устроено издавна:
Мы разнимся въ судьбѣ,
Во вкусахъ и подавно.

*) Въ 1-мъ изданіи (см. журналъ „Современникъ“ 1853 г.) эта басня была озаглавлена: „*Урокъ внучатамъ*“,—въ ознаменованіе дѣйствительнаго происшествія въ семьѣ Козьмы Пруткова.

Я это басней пояснилъ тебѣ:
Съ ума ты сходишь отъ Берлина,
Мнѣ-жъ больше нравится Медынь.
Тебѣ, дружокъ, и горькій хрѣнъ малина,
А мнѣ и бланманже полынь.

ПИСЬМО ИЗЪ КОРИНѲА.

Древнее греческое.

Я недавно пріѣхалъ въ Коринѳъ...
Вотъ ступени, а вотъ колонада.
Я люблю здѣшнихъ мраморныхъ нимфъ
И истмійскаго шумъ водопада!

Цѣлый день я на солнцѣ сижу.
Трусь елеемъ вокругъ поясницы.
Между камней паросскихъ слѣжу
За извивомъ слѣпой мѣдяницы.

Померанцы растутъ предо мной,
И на нихъ въ упоеньи гляжу я.
Дорогъ мнѣ вожделѣнный покой...
— «Красота! красота!»—все твержу я.

А на землю лишь спустится ночь,
Мы, съ рабыней, совсѣмъ обомлѣемъ...
Всѣхъ рабовъ высылаю я прочь
И опять натираюсь елеемъ.

* * *

Романсъ.

На мягкой кровати
Лежу я одинъ...
Въ сосѣдней палатѣ
Кричитъ армянинъ.

Кричитъ онъ и стонетъ,
Красотку обнявъ;
И голову клонитъ...
Вдругъ слышно: пифъ-пафъ!..

Упала дѣвчина
И тонетъ въ крови.
Донской казачина
Клянется въ любви.

А въ небѣ лазурномъ
Трепещетъ луна;
И, съ шнуромъ мишурнымъ,
Лишь шапка видна.

Въ сосѣдней палатѣ
Замолкъ армянинъ...
На узкой кровати
Лежу я одинъ.

ДРЕВНІЙ ПЛАСТИЧЕСКІЙ ГРЕКЪ.

Люблю тебя, дѣва, когда золотистый
И солнцемъ облитый ты держишь лимонъ,
И юноши зрю подбородокъ пушистый
Межъ листьевъ аканѳа и бѣлыхъ колоннъ.

Красивой хламиды тяжелыя складки
Упали одна за другой.
Такъ, въ ульѣ шумящемъ, вкругъ раненой матки
Снуётъ озабоченный рой.

ПОМѢЩИКЪ и САДОВНИКЪ.

Басня.

Помѣщику однажды, въ воскресенье,
Поднесъ презентъ его сосѣдъ.
То было нѣкое растенье,
Какого, кажется, въ Европѣ даже нѣтъ.
Помѣщикъ посадилъ его въ оранжерею.
Но какъ онъ самъ не занимался ею
(Онъ дѣломъ занятъ былъ другимъ:
Вязалъ набрюшники роднымъ),
То разъ садовника къ себѣ онъ призываетъ
И говоритъ ему:—Ефимъ!
Блюди особенно ты за растеньемъ симъ;
Пусть хорошенько прозябаетъ.—
Зима настала между тѣмъ.
Помѣщикъ о своемъ растеньи вспоминаетъ
И такъ Ефима вопрошаетъ:
— Что? хорошо-ль растенье прозябаетъ?—
— «Изрядно», тотъ въ отвѣтъ: «прозябло ужъ совсѣмъ!»

Пусть всякъ садовника такого нанимаетъ,
Который понимаетъ,
Что значитъ слово: «прозябаетъ».

БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

Письмо г. Аполлону Григорьеву, по поводу статей его въ «Москвитянинѣ» 1853—54 гг.

Толпой огромною стѣснялися въ мой умъ
Разнообразные, удачные сюжеты,
Съ завязкой сложною, съ анализомъ души
И съ патетичною, загадочной развязкой.
Я думалъ въ «міровой поэмѣ» ихъ развить,
Въ большомъ, посредственномъ или маленькомъ масштабѣ,
И ужъ составилъ планъ. И, къ міросозерцанью
Высокому свой умъ стараясь пріучить,
Безъ задней мысли, я къ простому пониманью
Обыденныхъ основъ стремился всей душой.
Но, вѣрный новому въ словесности ученью,
Другимъ послѣдуя, я навсегда отвергъ:
И личности протестъ, и разочарованье,
Теперь дешевое, и модный нашъ дэндизмъ,
И безъ основъ борьбу, страданья безъ исхода,
И антипатіи болѣзненной причуды;
А чтобъ не впасть въ абсурдъ, изгналъ экстравагантность...

Очистивъ главную творенія идею
Отъ ей несвойственныхъ и пошлыхъ положеній,
Ужъ размѣнявшихся на мелочь въ наше время,
Я отстранилъ и фальшь, и даже форсировку;
И долго изучалъ, безъ устали, съ упорствомъ,
Свое, въ изгибахъ разныхъ, внутреннее «Я»...
Затѣмъ, въ канву избравши фабулу простую,
Я взглядъ установилъ, чтобъ мертвой копировкой
Явленій жизненныхъ дѣйствительности грустной
Наносный не внести въ поэму элементъ;
И, техникѣ пустой не слишкомъ предаваясь,
Я тщился разъяснить творенія процессъ,
И «слово новое» сказать въ своемъ созданьи.

Съ задаткомъ опытной практичности житейской,
Съ запасомъ творческихъ и правильныхъ началъ,
Съ избыткомъ силъ души и выстраданныхъ чувствъ,
На данныя свои взирая объективно,
Задумалъ типы я, и идеалъ создалъ;
Изгналъ все частное и индивидуальность;
И очертилъ свой путь, и лица обобщилъ;
И прямо, кажется, къ предмету я отнесся;
И, поэтичнѣе его развить хотѣвъ,
Характеры свои заранѣй обусловилъ...
Но разложенья, вдругъ, нечаянный моментъ
Настигъ мой славный планъ... И я вотще стараюсь
Хоть точку, въ сей бѣдѣ, исходную найти!

ВЪ АЛЬБОМЪ КРАСИВОЙ ЧУЖЕСТРАНКѢ.

Написано въ Москвѣ.

Вокругъ тебя очарованье.
Ты безподобна; ты мила.
Ты силой чудной обаянья
Къ себѣ поэта привлекла.
Но онъ любить тебя не можетъ:
Ты родилась въ чужомъ краю,
И онъ охулки не положитъ,
Любя тебя, на честь свою.

СТАНЪ и ГОЛОСЪ.

Басня.

Хорошій станъ, чѣмъ голосъ звучный,
Имѣть пріятнѣй во сто кратъ:
Вамъ это пояснить я басней радъ.

Какой-то становой, собой довольно тучный,
Надѣвши ваточный халатъ,
Присѣлъ къ открытому окошку
И, молча, началъ гладить кошку.
Вдругъ голосъ горлицы внезапно услыхалъ...
«Ахъ, еслибъ голосомъ твоимъ я обладалъ»,—
Такъ молвилъ приставъ:—«я-бъ, у тёщи,
Пріятно пѣлъ въ тѣнистой рощѣ
И сродниковъ своихъ плѣнялъ и услаждалъ»!
А горлица на то головкой покачала
И становому такъ, воркуя, отвѣчала:
—А я твоей завидую судьбѣ:
Мнѣ голосъ данъ, а станъ тебѣ.

ОСАДА ПАМБЫ.

Романсеро, съ испанскаго.

Девять лѣтъ донъ Педро Гомецъ,
По прозванью Левъ Кастильи,
Осаждаетъ замокъ Памбу,
Молокомъ однимъ питаясь.
И все войско дона Педра,
Девять тысячъ кастильянцевъ.
Всѣ, по данному обѣту,
Не касаются мясного,
Нижѐ хлѣба не снѣдаютъ,
Пьютъ одно лишь молоко.
Всякій день они слабѣютъ,
Силы тратя попустому.
Всякій день донъ Педро Гомецъ
О своемъ безсильи плачетъ,
Закрываясь эпанчею.
Настаетъ ужъ годъ десятый.
Злые мавры торжествуютъ.
А отъ войска дона Педра
На лицо едва осталось
Девятнадцать человѣкъ.
Ихъ собралъ донъ Педро Гомецъ,

И сказалъ имъ: «Девятнадцать!
Разовьемъ свои знамена,
Въ трубы громкія взыграемъ
И, ударивши въ литавры,
Прочь отъ Памбы мы отступимъ,
Безъ стыда и безъ боязни!
Хоть мы крѣпости не взяли,
Но поклясться можемъ смѣло
Передъ совѣстью и честью:
Не нарушили ни разу
Нами даннаго обѣта:
Цѣлыхъ девять лѣтъ не ѣли,
Ничего не ѣли ровно,
Кромѣ только молока!»
Ободренные сей рѣчью,
Девятнадцать кастильянцевъ
Всѣ, качаяся на сѣдлахъ,
Въ голосъ, слабо, закричали:
— Sancto Jago Compostello!
Честь и слава дону Педру,
Честь и слава Льву Кастильи!—
А капланъ его, Діего,
Такъ сказалъ себѣ сквозь зубы:
«Еслибъ я былъ полководцемъ,
Я-бъ обѣтъ далъ ѣсть лишь мясо,
Запивая сантуринскимъ».
И, услышавъ то, донъ Педро
Произнесъ, со громкимъ смѣхомъ:
«Подарить ему барана;
Онъ изрядно подшутилъ».

ЭПИГРАММА.

№ II.

Разъ архитекторъ съ птичницей спознался...
И что жъ?—въ ихъ дѣтищѣ смѣшались двѣ натуры:
Сынъ архитектора, онъ строить покушался;
Потомокъ птичницы, онъ строилъ только—куры.

ДОБЛЕСТНЫЕ СТУДІОЗУСЫ.

Какъ будто изъ Гейне.

Фрицъ Вагнеръ—студьозусъ изъ Іены,
Изъ Бонна—Іеронимусъ Кохъ,
Вошли въ кабинетъ мой съ азартомъ,
Вошли, не очистивъ сапогъ.

—«Здорово, нашъ старый товарищъ,
Рѣши поскорѣе нашъ споръ:
Кто доблестнѣй—Кохъ или Вагнеръ?»
Спросили съ бряцаніемъ шпоръ.

— Друзья! васъ и въ Іенѣ, и въ Боннѣ
Давно уже я оцѣнилъ:
Кохъ логикѣ славно учился,
А Вагнеръ искусно чертилъ.—

Отвѣтомъ моимъ недовольны:
«Рѣшай поскорѣе нашъ споръ!»
Они повторили съ азартомъ
И съ тѣмъ же бряцаніемъ шпоръ.

Я комнату взглядомъ окинулъ
И, будто узоромъ прельщенъ:
Мнѣ нравятся очень... *обои!*—
Сказалъ имъ и выбѣжалъ вонъ.

Понять моего каламбура
Изъ нихъ ни единый не могъ.
И долго стояли въ раздумьи
Студьозусы: Вагнеръ и Кохъ.

ШЕЯ.

Посвящается поэту-сослуживцу, г-ну Бенедиктову.

Шея дѣвы — наслажденье!
Шея — снѣгъ, змѣя, нарцисъ;
Шея — въ высь порой стремленье;
Шея — склонъ порою внизъ.
Шея — лебедь; шея — пава;
Шея — нѣжный стебелекъ!
Шея — радость, гордость, слава!
Шея — мрамора кусокъ!...
Кто тебя, драгая шея,
Мощной дланью обойметъ?
Кто тебя, дыханьемъ грѣя,
Поцѣлуемъ пропечетъ?
Кто тебя, крутая выя,
До косы отъ самыхъ плечъ,
Въ дни іюля огневые
Будетъ съ зоркостью беречь:
Чтобъ отъ солнца, въ зной палящій,
Не покрылъ тебя загаръ;

Чтобъ поверхностью блестящей
Не плѣнился злой комаръ;
Чтобъ черна, отъ черной пыли,
Ты не сдѣлалась сама,
Чтобъ тебя не изсушили
Грусть, и вѣтры, и зима?!

ПОМѢЩИКЪ и ТРАВА.

Басня.

На родину со службы воротясь,
Помѣщикъ молодой, любя во всемъ успѣхи,
Собралъ своихъ крестьянъ: «Друзья, межъ нами связь
Залогъ утѣхи;
Пойдемте же мои осматривать поля!» —
И, преданность крестьянъ сей рѣчью воспаля,
Пошелъ онъ съ ними купно...
— «Что-жъ здѣсь мое?» — Да все, — отвѣтилъ голова: —
Вотъ тимоѳеева трава...
— «Мошенникъ!» тотъ вскричалъ: «ты поступилъ преступно!
Корысть мнѣ недоступна;
Чужого не ищу; люблю свои права!
Мою траву отдать, конечно, пожалѣю,
Но эту возвратить, немедля, Тимоѳею!» —

Оказія сія, по мнѣ, ужъ не нова:
Антоновъ есть огонь; но нѣтъ того закону,
Чтобы всегда огонь принадлежалъ Антону.

НА ВЗМОРЬѢ.

Тоже, можетъ быть, изъ Гейне.

На взморьѣ, у самой заставы,
Я видѣлъ большой огородъ.
Растетъ тамъ высокая спаржа;
Капуста тамъ скромно растетъ.

Тамъ утромъ всегда огородникъ
Лѣниво проходитъ межъ грядъ.
На немъ неопрятный передникъ.
Угрюмъ его пасмурный взглядъ.

Польетъ онъ изъ лейки капусту;
Онъ спаржу небрежно польетъ;
Нарѣжетъ зеленаго луку,
И послѣ глубоко вздохнетъ.

Намедни къ нему подъѣзжаетъ
Чиновникъ на тройкѣ лихой:
Онъ въ теплыхъ, высокихъ галошахъ;
На шеѣ лорнетъ золотой.

«Гдѣ дочка твоя?» — вопрошаетъ
Чиновникъ, прищурясь въ лорнетъ.
Но, дико взглянувъ, огородникъ
Махнулъ лишь рукою въ отвѣтъ...

И тройка назадъ поскакала.
Сметая съ капусты росу,
Стоитъ огородникъ угрюмо
И пальцемъ копаетъ въ носу.

КАТЕРИНА.

«Quousque tandem, Catilina, abutere patientia nostra?»

Цицерон.

—●—

— «При звѣздѣ, большого чина,—
Я отнюдь еще не старъ...
Катерина! Катерина!»
— Вотъ, несу вамъ самоваръ.—
— «Настоящая картина...»
— На стѣнѣ что-ль? это гдѣ?—
— «Ты картина, Катерина!»
— Да, въ препорцію вездѣ.—
— «Ты—дѣвица; я—мужчина...»
— Ну, такъ что же впереди?—
— «Точно уголь, Катерина,
Что-то жжетъ меня въ груди...»
— Чай горячъ, вотъ и причина.—
— «А зачѣмъ такъ горекъ чай?
Объясни мнѣ, Катерина.»
— Мало сахару, я чай?—
— «Словно нѣтъ о немъ помина...»

— А хорошій рафинадъ!—
— «Горько, горько, Катерина,
Жить тому, кто не женатъ!..»
— Какъ монахи, все едино:
Холостой ли, иль вдовецъ!—
— «Изъ терпѣнья, Катерина,
Ты выводишь наконецъ!!..»

НѢМЕЦКАЯ БАЛЛАДА.

Баронъ фонъ-Гринва́льусъ,
Извѣстный въ Германьи,
Въ забралахъ и въ латахъ,
На камнѣ предъ за́мкомъ,
Предъ за́мкомъ Амальи,
Сидитъ принахмурясь...
Сидитъ и молчитъ.

Отвергла Амалья
Баронову руку!..
Баронъ фонъ-Гринва́льусъ
Отъ за́мковыхъ оконъ
Очей не отводитъ
И съ мѣста не сходитъ,
Не пьетъ и не ѣстъ.

Года за годами...
Бароны воюютъ,
Бароны пируютъ;

Баронъ фонъ-Гринвальусъ,
Сей доблестный рыцарь,
Все въ той же позицьи
На камнѣ сидитъ.

ЧИНОВНИКЪ и КУРИЦА.

Басня.

Чиновникъ толстенькій, не очень молодой,
По улицѣ, съ бумагами подъ мышкой,
Потѣя и пыхтя, и мучимый одышкой,
Бѣжалъ рысцой.
На встрѣчныхъ онъ глядѣлъ заботливо и странно,
Хотя не видѣлъ никого;
И колыхалася на шеѣ у него,
Какъ маятникъ, съ короной Анна.
На службу онъ спѣшилъ, твердя себѣ: «Бѣги,
Скорѣй бѣги! ты знаешь,
Что экзекуторъ нашъ, съ той и другой ноги,
Твои въ чуланъ упрячетъ сапоги,
Коль ты хотя немножко опоздаешь!» —
Онъ все бѣжалъ. Но, вотъ,
Вдругъ слышитъ голосъ изъ воротъ:
«Чиновникъ, окажи мнѣ дружбу:
Скажи, куда несешься ты?»—На службу! —
«Зачѣмъ не слѣдуешь примѣру моему,

Сидѣть въ спокойствіи? признайся напослѣдокъ!» —
Чиновникъ, Курицу узрѣвши этакъ
Сидящую въ лукошкѣ какъ въ дому,
Ей отвѣчалъ:—Тебя увидя,
Завидовать тебѣ не стану я никакъ;
Несусь я, точно такъ,
Но двигаюсь впередъ; а ты несешься, сидя. —

Разумный человѣкъ, коль баснь сію прочтетъ,
То вѣрно и мораль изъ оной извлечетъ.

ФИЛОСОФЪ ВЪ БАНѢ.

Съ древняго греческаго.

Полно меня, Левконая, упругою гладить ладонью,
Полно по чресламъ моимъ, вдоль поясницы скользить.
Ты позови Дискомета, ременно-обутаго Тавра:
Въ сладкой работѣ твоей быстро онъ смѣнитъ тебя.
Опытенъ Тавръ и силенъ. Ему нипочемъ притиранья!
На спину вскочитъ какъ разъ; въ выю упрется пятой...
Ты же, межъ тѣмъ, щекоти мнѣ слегка безволосое темя;
Взрытый наукою лобъ розами тихо укрась.

НОВОГРЕЧЕСКАЯ ПѢСНЬ.

Спитъ заливъ. Эллада дремлетъ.
Подъ портйкъ уходитъ мать
Сокъ гранаты выжимать...
Зоя! намъ никто не внемлетъ!
Зоя! дай себя обнять!

Зоя! утренней порою
Я уйду отсюда прочь...
Ты смягчись, покуда ночь!
Зоя! утренней порою
Я уйду отсюда прочь.

Пусть же вихремъ сабля свищетъ!
Мнѣ Костаки не судья!..
Правъ Костаки,—правъ и я!
Пусть же вихремъ сабля свищетъ!
Мнѣ Костаки не судья!..

Въ полѣ брани Разорваки
Палъ за вольность, какъ герой...

Богъ съ нимъ! рокъ его такой!
Но зачѣмъ же живъ Костаки,
Когда въ полѣ Разорваки
Палъ за вольность, какъ герой?!

Видѣлъ я вчера въ заливѣ
Восемнадцать кораблей:
Всѣ безъ мачтъ и безъ рулей...
Но султана я счастливѣй!
Лей вина мнѣ, Зоя, лей!

Лей, пока Эллада дремлетъ,
Пока тщетно тщится мать
Сокъ гранаты выжимать.
Зоя, намъ никто не внемлетъ!
Зоя, дай себя обнять!

ВЪ АЛЬБОМЪ N. N.

Желанья вашего всегда покорный рабъ,
Изъ книги дней моихъ я вырву полъ-страницы
И въ вашъ альбомъ вклею... Вы знаете, я слабъ
Предъ волей женщины, тѣмъ болѣе дѣвицы.
Вклею!.. Но вижу я, ужъ васъ объемлетъ страхъ?
Змѣей тоски моей пришлось мнѣ подѣлиться...
Не цѣлая змѣя теперь во мнѣ, но—ахъ!—
Зато по полъ-змѣи въ обоихъ шевелится.

ОСЕНЬ.

Съ персидскаго: изъ Ибнъ-Фета.

Осень; скучно; вѣтеръ воетъ;
Мелкій дождь по окнамъ льетъ...
Умъ тоскуетъ, сердце ноетъ,
И душа чего-то ждетъ.

И въ бездѣйственномъ покоѣ
Нечѣмъ скуку мнѣ отвесть...
Я не знаю: что такое?
Хоть бы книжку мнѣ прочесть!

ЗВѢЗДА и БРЮХО.

Басня.

На небѣ, вечеромъ, свѣтилася Звѣзда.
Былъ постный день тогда:
Быть можетъ, пятница, быть можетъ, середа.
Въ то время по̀ саду гуляло чье-то Брюхо
И разсуждало такъ съ собой,
Бурча и жалобно, и глухо:
«Какой
Хозяинъ мой
Противный и несносный!
Затѣмъ, что день сегодня постный,
Не станетъ ѣсть, мошенникъ, до звѣзды.
Не только ѣсть—куды!—
Не выпьетъ и ковша воды!
Нѣтъ, право, съ нимъ нашъ братъ не сладитъ.
Знай, бродитъ по̀ саду ханжа,
На мнѣ ладони положа...
Совсѣмъ не кормитъ, только гладитъ!»

Межъ тѣмъ ночная тѣнь мрачнѣй кругомъ легла.
Звѣзда, прищурившись, глядитъ на край окольный.

То спрячется за колокольней,
То выглянетъ изъ-за угла,
То вспыхнетъ ярче, то сожмется,—
Надъ животомъ исподтишка смѣется.
Вдругъ Брюху ту Звѣзду случилось увидать.
Анъ, хвать!
Она ужъ кубаремъ несется
Съ небесъ долой,
Внизъ головой,
И падаетъ, не удержавъ полета...
Куда-жъ?.. въ болото!
Какъ Брюху быть? Кричитъ: «ахти, да ахъ!»
И ну ругать Звѣзду въ сердцахъ.
Но дѣлать нечего, другой не оказалось.
И Брюхо, сколько ни ругалось,
Осталось,—
Хоть вечеромъ, а натощакъ.

Читатель! басня эта
Насъ учитъ не давать, безъ крайности, обѣта
Поститься до звѣзды,
Чтобъ не нажить себѣ бѣды.
Но если ужъ пришло тебѣ хотѣнье
Поститься, для душеспасенья,
То мой совѣтъ
(Я говорю изъ дружбы):
Спасайся, слова нѣтъ,
Но главное—не отставай отъ службы.
Начальство, день и ночь пекущеесь о насъ,
Коли съумѣешь ты прійтись ему по нраву,
Тебя, конечно, въ добрый часъ
Представить къ ордену святого Станислава.
Изъ смертныхъ не одинъ ужъ въ жизни испыталъ,

Какъ награждаютъ нравъ почтительный и скромный;
Тогда,—въ день постный, въ день скоромный,—
Самъ будучи степенный генералъ,
Ты можешь быть: и съ бодрымъ духомъ,
И съ сытымъ брюхомъ
Ибо, кто-жъ запретитъ тебѣ всегда, вездѣ,
Быть при звѣздѣ?

ПУТНИКЪ.

Баллада.

Путникъ ѣдетъ косогоромъ,
Путникъ по полю спѣшитъ;
Онъ обводитъ тусклымъ взоромъ
Степи снѣжной грустный видъ.

«Ты къ кому спѣшишь на встрѣчу,
Путникъ гордый и нѣмой?»
— Никому я не отвѣчу.
Тайна то души больной!

Ужъ давно я тайну эту
Хороню въ груди своей,
И безчувственному свѣту
Не открою тайны сей:

Ни за знатность, ни за злато,
Ни за груды серебра,
Ни подъ взмахами булата,
Ни средь пламени костра!—

Онъ сказалъ—и вдаль несется
Косогоромъ, весь въ снѣгу.
Конь испуганный трясется,
Спотыкаясь на бѣгу.

Путникъ съ гнѣвомъ погоняетъ
Карабахскаго коня.
Конь усталый упадаетъ,
Сѣдока съ собой роняетъ
И подъ снѣгомъ погребаетъ
Господина и себя.

Схороненный подъ сугробомъ,
Путникъ тайну скрылъ съ собой,
Онъ пребудетъ и за гробомъ,
Тотъ же гордый и нѣмой.

ЖЕЛАНІЕ БЫТЬ ИСПАНЦЕМЪ.

Тихо надъ Альгамброй.
Дремлетъ вся натура.
Дремлетъ зàмокъ Памбра.
Спитъ Эстремадура.

Дайте мнѣ мантилью;
Дайте мнѣ гитару;
Дайте Инезилью;
Кастаньетовъ пару!

Дайте руку вѣрную;
Два вершка булату;
Ревность непомѣрную;
Чашку шоколату...

Закурю сигару я,
Лишь взойдетъ луна.
Пусть дуэнья старая
Смотритъ изъ окна.

За двумя рѣшотками
Пусть меня клянетъ;
Пусть шевелитъ чотками
Старика зоветъ!

Слышу на балконѣ
Шорохъ платья... чу!..
Подхожу я къ доннѣ;
Сбросилъ эпанчу.

Погоди, прелестница!
Поздно или рано
Шолковую лѣстницу
Выну изъ кармана!

О, синьора милая,
Здѣсь темно и сѣро...
Страсть кипитъ унылая
Въ вашемъ кавальеро.

Здѣсь, передъ бананами,
Если не наскучу,
Я между фонтанами,
Пропляшу качучу...

Но въ такой позиціи
Я боюся, страхъ,
Чтобы инквизиціи
Не донесъ монахъ.

Ужъ не даромъ мерзостный,
Старый альгвазилъ
Мнѣ рукою дерзостной
Давеча грозилъ.

Но его, для сраму, я
Маврою *) одѣну!
Загоню на самую
На Сьерра-Морену!

И на этомъ мѣстѣ,
Если вы мнѣ рады,
Будемъ пѣть мы вмѣстѣ
Ночью серенады.

Будетъ въ нашей власти
Толковать о мирѣ,
О враждѣ, о страсти,
О Гвадалквивирѣ;

Объ улыбкахъ, взорахъ,
Вѣчномъ идеалѣ,
О торреадорахъ
И объ Эскурьялѣ...

Тихо надъ Альгамброй.
Дремлетъ вся натура.
Дремлетъ замокъ Памбра.
Спитъ Эстремадура.

*) Здѣсь, очевидно, разумѣется племенное имя: *мавръ*, *мавританинъ*, а не женщина: *Мавра*. Впрочемъ, это объясненіе даже лишнее, потому что о другомъ магометанскомъ племени тоже говорятъ иногда въ женскомъ родѣ: *турка*. Ясно, что этимъ выражаются восточные нравы.

ДРЕВНЕЙ ГРЕЧЕСКОЙ СТАРУХѢ

ЕСЛИБЫ ОНА ДОМОГАЛАСЬ МОЕЙ ЛЮБВИ.

Подражаніе Катуллу.

Отстань, беззубая!.. твои противны ласки!
Съ морщинъ безчисленныхъ искусственныя краски,
Какъ известь, сыплются и падаютъ на грудь...
Припомни близкій Стиксъ и страсти позабудь!
Козлинымъ голосомъ не оскорбляя слуха,
Замолкни, фурія!.. Прикрой, прикрой, старуха,
Безвласую главу, пергаментъ желтыхъ плечъ
И шею, коею ты мнишь меня привлечь!
Разувшись, на руки надѣнь свои сандальи;
А ноги спрячь отъ насъ куда-нибудь подалѣй!..
Сожженной въ порошокъ, тебѣ бы ужъ давно
Во урнѣ глиняной покоиться должно.

ПАСТУХЪ, МОЛОКО и ЧИТАТЕЛЬ.

Басня.

Однажды несъ Пастухъ куда-то молоко,
Но такъ ужасно далеко,
Что ужъ назадъ не возвращался.

Читатель! онъ тебѣ не попадался?

РОДНОЕ.

Изъ письма къ московскому пріятелю *).

Въ борьбѣ суровой съ жизнью душной
Мнѣ любо сердцемъ отдохнуть:
Смотрѣть, какъ зрѣетъ хлѣбъ насущный,
Иль какъ мостятъ широкій путь.
Уму легко, душѣ отрадно,
Когда увѣсистый, громадный,
Блестящій искрами гранитъ
Въ куски подъ молотомъ летитъ!..
Люблю подсѣсть подчасъ къ старухамъ,
Смотрѣть на ихъ простую ткань.
Люблю я слушать русскимъ ухомъ
На сходкахъ родственную брань.

Вотъ собрался:—Эй, ты, лѣшій!
А гдѣ зипунъ?—Какой зипунъ?

*) Здѣсь помѣщается только отрывокъ недоконченнаго стихотворенія, найденнаго въ сафьяновомъ портфелѣ Козьмы Пруткова, имѣющемъ золоченую надпись: „*Сборникъ неоконченнаго (d'inachevé) № 2.*“

— Куда ты прешь? знай, благо пѣшій!—
— Экъ, чортовъ сынъ!—Экъ, старый врунъ!—
. . . . . .
. . . . . .
И такъ другъ друга, съ крикомъ вящшимъ.
Язвятъ въ колѣнѣ восходящемъ.

. . . . . .
. . . . . .

БЛЕСТКИ ВО ТЬМѢ.

Надъ плакучей ивой
Утренняя зорька...
А въ душѣ тоскливо
И во рту такъ горько.

Дворикъ постоялый
На большой дорогѣ...
А въ душѣ усталой
Тайныя тревоги.

На озимомъ полѣ
Псовая охота...
А на сердцѣ боли
Больше отчего-то.

Въ синевѣ небесной
Пятнышка не видно...
Почему-жъ мнѣ тѣсно?
Отчего-жъ мнѣ стыдно?

Вотъ я снова дома;
Убрано роскошно...
А въ груди истома
И, какъ будто, тошно.

Свадебныя брашна.
Шутка-прибаутка...
Отчего-жъ мнѣ страшно?
Почему-жъ мнѣ жутко?

ПЕРЕДЪ МОРЕМЪ ЖИТЕЙСКИМЪ *).

Все стою на камнѣ;—
Дай-ка, брошусь въ море...
Что̀ пошлетъ судьба мнѣ:
Радость или горе?

Можетъ, озадачитъ;
Можетъ, не обидитъ...
Вѣдь кузнечикъ скачетъ,
А куда—не видитъ.

*) Напоминаемъ, что это стихотвореніе написано Козьмою Прутковымъ въ моментъ отчаянія и смущенія его отъ подготовлявшихся правительственныхъ реформъ. (См. объ этомъ выше, въ „Біографическихъ свѣдѣніяхъ“)

МОЙ СОНЪ.

Ужъ солнце зашло. Пылаетъ заря.
Небесный покровъ, огнями горя,
Прекрасенъ.
Хотѣлось бы ночь напролетъ проглядѣть
На горнюю, чудную, звѣздную сѣть.
Но трудъ мой—усталость и сонъ одолѣть—
Напрасенъ!

Я силюсь не спать, но клонитъ ко сну.
Боюся, о, музы, вдругъ я засну
Сномъ вѣчнымъ?..
И кто мою лиру въ наслѣдство возьметъ?
И кто мнѣ чело вкругъ вѣнкомъ обовьетъ?
И плачемъ—поэта въ гробу помянѣтъ
Сердечнымъ?

Ахъ, вотъ онъ, мой стражъ: милашка луна!
Какъ пышно, средь звѣздъ, несется она,
Блистая

И съ вѣрой предавшись царицѣ ночей,
Поддался я волѣ усталыхъ очей,
И видѣлъ во снѣ, среди свѣтлыхъ лучей,
Пѣвца я...

И снилося мнѣ, что я тотъ пѣвецъ,
Что въ тайныя страсти чуждыхъ сердецъ
Смотрю я
И вижу всѣ думы сокрытыя ихъ,
А звуки рѣкой изъ-подъ пальцевъ моихъ
Текутъ по вселенной, со струнъ золотыхъ,
Чаруя.

И слава моя гремитъ какъ труба!
И пѣснямъ моимъ внимаетъ толпа
Со страхомъ!
Но вдругъ я замолкъ, заболѣлъ, схороненъ.
Землею засыпанъ. Слезой орошенъ.
И въ честь мнѣ воздвигли семнадцать колоннъ
Надъ прахомъ.

И къ Фебу предсталъ я, чудный пѣвецъ...
И съ радостью Фебъ надѣлъ мнѣ вѣнецъ
Лавровый.
И вкругъ меня нимфы тѣснятся толпой,
И Зевсъ меня гладитъ всесильной рукой...
Но, ахъ!—Я проснулся, къ несчастью, живой,
Здоровый!

ПРЕДСМЕРТНОЕ.

Найдено недавно, при ревизіи Пробирной Палатки, въ дѣлахъ сей послѣдней.

Вотъ часъ послѣднихъ силъ упадка
Отъ органическихъ причинъ...
Прости, Пробирная Палатка,
Гдѣ я снискалъ высокій чинъ,
Но музы не отвергъ объятій
Среди мнѣ ввѣренныхъ занятій!

Мнѣ до могилы два-три шàга...
Прости, мой стихъ! и ты, перо!..
И ты, о, писчая бумага,
На коей сѣялъ я добро!..
Ужъ я—потухшая лампадка,
Иль опрокинутая лодка.

Вотъ... всѣ пришли!.. Друзья, Богъ пòмочь!..
Стоятъ гишпанцы... греки... вкругъ...
Вотъ юнкеръ Шмидтъ!.. Принесъ Пахомычъ
На гробъ мнѣ незабудокъ пукъ...
Зоветъ Кондукторъ... *Ахъ!..*

Необходимое объясненіе.—Это стихотвореніе, какъ уже указано при заглавіи онаго, найдено недавно, при ревизіи Пробирной Палатки, въ секретномъ дѣлѣ,—за время управленія сею Палаткою Козьмы Пруткова. Сослуживцы и подчиненные покойнаго, допрошенные господиномъ ревизоромъ порознь, единогласно показали: что стихотвореніе сіе написано имъ, вѣроятно, въ тотъ самый день и даже передъ тѣмъ самымъ мгновеніемъ, когда всѣ чиновники Палатки были внезапно, въ присутственные часы, потрясены и испуганы громкимъ воплемъ „*Ахъ!*“, раздавшимся изъ директорскаго кабинета.—Они, бросившись въ этотъ кабинетъ, усмотрѣли тамъ своего директора, Козьму Петровича Пруткова, недвижимымъ, въ креслѣ передъ письменнымъ столомъ. Они бережно вынесли его, въ этомъ же креслѣ, сначала въ пріемный залъ, а потомъ въ его казенную квартиру, гдѣ онъ мирно скончался черезъ три дня.—Господинъ ревизоръ призналъ эти показанія достойными полнаго довѣрія, по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) почеркъ найденной рукописи сего стихотворенія во всемъ схожъ съ тѣмъ несомнѣннымъ почеркомъ усопшаго, коимъ онъ писалъ свои собственноручные доклады по секретнымъ дѣламъ и многочисленные административные проекты; 2) содержаніе стихотворенія вполнѣ соотвѣтствуетъ объясненному чиновниками обстоятельству, и 3) двѣ послѣднія строфы сего стихотворенія писаны весьма нетвердымъ, дрожащимъ почеркомъ, съ явнымъ, но тщетнымъ усиліемъ соблюсти прямизну строкъ; а послѣднее слово „*Ахъ!*“ даже не написано, а какъ бы вычерчено, густо и быстро, въ послѣднемъ порывѣ улетающей силы; и вслѣдъ за этимъ словомъ имѣется на бумагѣ большое чернильное пятно, происшедшее явно отъ пера, выпавшаго изъ руки.—На основаніи всего вышеизложеннаго, господинъ ревизоръ, съ разрѣшенія министра финансовъ, оставилъ это дѣло безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, ограничившись извлеченіемъ найденнаго стихотворенія изъ секретной переписки директора Пробирной Палатки и передачею онаго совершенно частно, черезъ сослуживцевъ покойнаго Козьмы Пруткова, ближайшимъ его сотрудникамъ. Благодаря такой счастливой случайности, это предсмертное, знаменательное стихотвореніе Козьмы Пруткова дѣлается въ настоящее время достояніемъ отечественной публики.—Уже въ послѣднихъ двухъ стихахъ 2-й строфы этого стихотворенія несомнѣнно выказывается предсмертное замѣшательство мыслей и слуха покойнаго. А читая третью строфу, мы какъ бы присутствуемъ лично при прощаніи поэта съ твореніями его музы. Словомъ, въ этомъ стихотвореніи отпечатлѣлись всѣ подробности любопытнаго перехода Козьмы Пруткова въ иной міръ, прямо съ должности директора Пробирной Палатки.

ПЛОДЫ РАЗДУМЬЯ.

МЫСЛИ и АФОРИЗМЫ.

—•—

1.

Обручальное кольцо есть первое звено въ цѣпи супружеской жизни.

2.

Жизнь нашу можно удобно сравнивать съ своенравною рѣкою, на поверхности которой плаваетъ челнъ, иногда укачиваемый тихоструйною волною, нерѣдко же задержанный въ своемъ движеніи мелью и разбиваемый о подводный камень.— Нужно ли упоминать, что сей утлый челнъ, на рынкѣ скоропреходящаго времени, есть не кто иной, какъ самъ человѣкъ?

3.

Никто не обниметъ необъятнаго.

4.

Нѣтъ столь великой вещи, которую не превзошла бы величиною еще бо̀льшая. Нѣтъ вещи, столь малой, въ которую не вмѣстилась бы еще мѐньшая.

5.

Смотри въ корень!

6.

Лучше скажи мало, но хорошо.

7.

Наука изощряетъ умъ. Ученье вострить память.

8.

Что скажутъ о тебѣ другіе, коли ты самъ о себѣ ничего сказать не можешь?

9.

Самопожертвованіе есть цѣль для пули каждаго стрѣлка.

10.

Память человѣка есть листъ бѣлой бумаги; иногда напишется хорошо, а иногда дурно.

11.

Слабѣющая память подобна потухающему свѣтильнику.

12.

Слабѣющую память можно также сравнивать съ увядающею незабудкою.

13.

Слабѣющіе глаза всегда уподоблю старому потускнѣвшему зеркалу, иногда даже надтреснутому.

14.

Воображеніе поэта, удрученнаго горемъ, подобно ногѣ, заключенной въ новый сапогъ.

15.

Влюбленный въ одну особу страстно—терпитъ другую токмо по разсчету.

16.

Если хочешь быть красивымъ, поступи въ гусары.

17.

Человѣкъ, не будучи одѣянъ самою природою, получилъ свыше даръ портного искусства.

18.

Не будь портныхъ,—скажи: какъ различилъ бы ты служебныя вѣдомства?

19.

Скрывая истину отъ друзей, кому ты откроешься?

20.

Что̀ есть лучшаго?—Сравнивъ прошедшее, свести съ настоящимъ.

21.

Полезнѣе пройти путь жизни, чѣмъ всю вселенную.

22.

Если у тебя есть фонтанъ, заткни его: дай отдохнуть и фонтану.

23.

Женатый повѣса воробью подобенъ.

24.

Усердный врачъ подобенъ пеликану.

25.

Эгоистъ подобенъ давно сидящему въ колодцѣ.

26.

Геній подобенъ холму, возвышающемуся на равнинѣ.

27.

Умныя рѣчи подобны строкамъ, напечатаннымъ курсивомъ.

28.

Начало яснаго дня смѣло уподоблю рожденію невиннаго младенца: быть можетъ, первый не обойдется безъ дождя, а жизнь второго безъ слезъ.

29.

Если бы тѣни предметовъ зависѣли не отъ величины сихъ послѣднихъ, а имѣли бы свой произвольный ростъ, то, можетъ быть, вскорѣ не осталось бы на всемъ земномъ шарѣ ни одного свѣтлаго мѣста.

30.

Стрѣльба въ цѣль упражняетъ руку и причиняетъ вѣрность глазу.

31.

Бердышъ въ рукахъ воина—то же, что мѣткое слово въ рукахъ писателя.

32.

Магнитная стрѣлка, непреодолимо влекомая къ сѣверу, подобна мужу, который блюдетъ законы.

33.

Первый шагъ младенца есть первый шагъ къ его смерти.

34.

Смерть для того поставлена въ концѣ жизни, чтобы удобнѣе къ ней приготовиться.

35.

Въ домѣ безъ жильцовъ—извѣстныхъ насѣкомыхъ не обрящешь.

36.

Ничего не доводи до крайности: человѣкъ, желающій трапезовать слишкомъ поздно, рискуетъ трапезовать на другой день поутру.

37.

Пища столь же необходима для здоровья, сколь необходимо приличное обращеніе человѣку образованному.

38.

«Зачѣмъ,— говоритъ эгоистъ: — стану я работать для потомства, когда оно ровно ничего для меня не сдѣлало?» — Несправедливъ ты, безумецъ! Потомство сдѣлало для тебя уже то, что ты можешь, сближая прошедшее съ настоящимъ и будущимъ, по произволу считать себя младенцемъ, юношей и старцемъ.

39.

Вытапливай воскъ, но сохраняй медъ!

40.

Пояснительныя выраженія объясняютъ темныя мысли.

41.

Не всякому человѣку даже гусарскій мундиръ къ лицу.

42.

Бди!

43.

Камергеръ рѣдко наслаждается природою.

44.

Никто не обниметъ необъятнаго!

45.

Три дѣла, однажды начавши, трудно кончить: а) вкушать хорошую пищу; б) бесѣдовать съ возвратившимся изъ похода другомъ, и в) чесать, гдѣ чешется.

46.

Прежде чѣмъ познакомишься съ человѣкомъ, узнай: пріятно ли его знакомство другимъ?

47.

Здоровье безъ силы—то же, что твердость безъ упругости.

48.

Всѣ говорятъ, что здоровье дороже всего; но никто этого не соблюдаетъ!

49.

Достатокъ распутнаго равняется короткому одѣялу: когда натянешь его къ носу, обнажатся ноги.

50.

Не растравляй раны ближняго. Страждущему предлагай бальзамъ. Копая другому яму, самъ въ нее попадешь.

51.

Если у тебя спрошено будетъ: что́ полезнѣе, солнце или мѣсяцъ?—отвѣтствуй: мѣсяцъ. Ибо солнце свѣтитъ днемъ, когда и безъ того свѣтло; а мѣсяцъ—ночью.

52.

Но, съ другой стороны: солнце лучше тѣмъ, что свѣтитъ и грѣетъ; а мѣсяцъ только свѣтитъ, и то лишь въ лунную ночь.

53.

Самолюбіе и славолюбіе суть лучшія удостовѣренія безсмертія души человѣческой.

54.

Душа индѣйца, вѣрящаго въ метемпсихозію, похожа на червячка въ коконѣ.

55.

Разсуждай токмо о томъ, о чемъ понятія твои тебѣ сіе дозволяютъ. Такъ: не зная законовъ языка ирокезскаго, можешь ли ты дѣлать такое сужденіе по сему предмету, которое не было бы неосновательно и глупо?

56.

Принимаясь за дѣло, соберись съ духомъ.

57.

Перо, пищущее для денегъ, смѣло уподоблю шарманкѣ въ рукахъ скитающагося иностранца.

58.

Щелкни кобылу въ носъ, она махнетъ хвостомъ.

59.

Не робѣй передъ врагомъ,—лютѣйшій врагъ человѣка онъ самъ!

60.

И терпентинъ на что-нибудь полезенъ!

61.

Всякій необходимо причиняетъ пользу, употребленный на своемъ мѣстѣ. Напротивъ того: упражненія лучшаго танцмейстера въ химіи—неумѣстны; совѣты опытнаго астронома въ танцахъ—глупы.

62.

Часами измѣряется время, а временемъ жизнь человѣческая. Но чѣмъ, скажи, измѣришь ты глубину Восточнаго океана.

63.

Говорятъ, что трудъ убиваетъ время; но сіе послѣднее, нисколько отъ этого не уменьшаяся, продолжаетъ, съ такою же полнотою, служить человѣчеству и всей вселенной.

64.

На днѣ каждаго сердца есть осадокъ.

65.

Подъ сладкими выраженіями таятся мысли коварныя; — такъ, отъ курящаго табакъ нерѣдко пахнетъ духами.

66.

Многія вещи намъ непонятны не потому, что наши понятія слабы, но потому, что сіи вещи не входятъ въ кругъ нашихъ понятій.

67.

Никто не обниметъ необъятнаго!

68.

Болтунъ подобенъ маятнику: того и другой надо остановить.

69.

Два человѣка одинаковой комплекціи дрались бы недолго, если бы сила одного превозмогла силу другого.

70.

Не все стриги, что растетъ.

71.

Ногти и волосы даны человѣку для того, чтобы доставить ему постоянное, но легкое занятіе.

72.

Иной пѣвецъ подчасъ хрипнетъ.

73.

Поощреніе столь же необходимо геніальному писателю, сколь необходима канифоль смычку виртуоза.

74.

Единожды солгавши, кто тебѣ повѣритъ!

75.

Жизнь—альбомъ. Человѣкъ—карандашъ. Дѣла—ландшафтъ. Время—гумиэластикъ: и отскакиваетъ, и стираетъ.

76.

Продолжать смѣяться легче, чѣмъ окончить смѣхъ.

77.

Смотри вдаль — увидишь даль. Смотри въ небо — увидишь небо. Но, взглянувъ въ маленькое зеркальце, увидишь только себя.

78.

Гдѣ начало того конца, которымъ оканчивается начало?

79.

Чѣмъ скорѣе проѣдешь, тѣмъ скорѣе пріѣдешь.

80.

Если хочешь быть счастливымъ, будь имъ!

81.

Не въ совокупности ищи единства, но болѣе — въ единообразіи раздѣленія.

82.

Усердный въ службѣ не можетъ бояться незнанья: каждое новое дѣло онъ прочтетъ.

83.

Пѣтухъ пробуждается рано; а злодѣй еще раньше.

84.

Усердіе все превозмогаетъ.

85.

Что имѣемъ не хранимъ; потерявши плачемъ.

86.

И устрица имѣетъ враговъ.

87.

Возобновленная рана много хуже противу новой.

88.

Въ глубинѣ всякой груди есть своя змѣя.

89.

Только въ государственной службѣ познаёшь истину.

90.

Иного прогуливающагося старца смѣло уподоблю песочнымъ часамъ.

91.

Не шути съ женщинами;—эти шутки глупы и неприличны!

92.

Чрезмѣрный богачъ, не помогающій бѣднымъ, подобенъ здоровенной кормилицѣ, сосущей съ аппетитомъ собственную грудь у колыбели голодающаго дитяти.

93.

Магнитъ показываетъ на сѣверъ и на югъ: отъ человѣка зависитъ избрать хорошій или дурной путь жизни.

94.

На чужія ноги лосины не натягивай.

95.

Человѣкъ раздвоенъ снизу, а не сверху,—для того, что двѣ опоры надежнѣе одной.

96.

Человѣкъ ведетъ переписку со всѣмъ земнымъ шаромъ, а черезъ печать сносится даже съ отдаленнымъ потомствомъ.

97.

Глупѣйшій человѣкъ былъ тотъ, который изобрѣлъ кисточки для украшенія и золотые гвоздики для мебели.

98.

Многіе люди подобны колбасамъ: чѣмъ ихъ начинятъ, то и носятъ въ себѣ.

99.

Чувствительный человѣкъ подобенъ сосулькѣ: пригрѣй его, онъ растаетъ.

100.

Многіе чиновники стальному перу подобны.

101.

Спеціалистъ подобенъ флюсу: полнота его односторонняя.

102.

Въ зданіи человѣческаго счастья дружба возводитъ стѣны, а любовь образуетъ куполъ.

103.

Взирая на высокихъ людей и на высокіе предметы, не излишне придерживать картузъ свой за козырекъ.

104.

Плюнь тому въ глаза, кто скажетъ, что можно обнять необъятное!

105.

Земной шаръ, обращающійся въ безпредѣльномъ пространствѣ, служитъ пьедесталомъ для всего, на немъ обрѣтающагося.

106.

Если на клѣткѣ слона прочтешь надпись: «буйволъ»,—не вѣрь глазамъ своимъ.

107.

Муравьиныя яйца болѣе породившей ихъ твари:—такъ, слава даровитаго человѣка далеко продолжительнѣе его собственной жизни.

108.

Всякая вещь есть форма проявленія безпредѣльнаго разнообразія.

109.

Во всѣхъ частяхъ земного шара имѣются свои, иной разъ даже любопытныя, другія части.

110.

Глядя на міръ, нельзя не удивляться.

111.

Самый отдаленный пунктъ земного шара къ чему-нибудь да близокъ, и самый близкій отъ чего-нибудь да отдаленъ.

112.

Философъ легко торжествуетъ надъ будущею и минувшею скорбями, и онъ же легко побѣждается настоящею.

113.

Небо, усѣянное звѣздами, всегда уподоблю груди заслуженнаго генерала.

114.

Доблій мужъ подобенъ мавзолею.

115.

Вакса чернитъ съ пользою, а злой человѣкъ—съ удовольствіемъ.

116.

Пороки входятъ въ составъ добродѣтели, какъ ядовитыя снадобья входятъ въ составъ цѣлебныхъ средствъ.

117.

Изъ всѣхъ плодовъ наилучшіе приноситъ хорошее воспитаніе.

118.

Любовь, поддерживаясь, подобно огню, непрестаннымъ движеніемъ, исчезаетъ купно съ надеждою и страхомъ.

119.

Разсчитано, что петербуржецъ, проживающій на солнопёкѣ, выигрываетъ двадцать процентовъ здоровья.

120.

Человѣку даны двѣ руки на тотъ конецъ, дабы онъ, принимая лѣвою, раздавалъ правою.

121.

Иногда достаточно обругать человѣка, чтобы не быть имъ обманутымъ.

122.

Въ сепаратномъ договорѣ не ищи спасенія!

123.

Ревнивый мужъ подобенъ турку.

124.

Почти всякій человѣкъ подобенъ сосуду съ кранами, наполненному живительною влагою производящихъ силъ.

125.

Умная женщина подобна Семирамидѣ.

126.

Любой фатъ подобенъ трясогузкѣ.

127.

Вѣстовщикъ рѣшету подобенъ.

128.

Дѣвицы вообще подобны шашкамъ: не всякой удается, но всякой желается попасть въ дамки.

129.

Всегда держись на чеку!

130.

Спокойствіе многихъ было бы надежнѣе, если бы дозволено было относить всѣ непріятности на казенный счетъ.

131.

Не ходи по косогору—сапоги стопчешь!

132.

Совѣтую каждому, даже не въ особенно сырую и вѣтреную погоду, закладывать уши хлопчатою бумагою или морскимъ канатомъ.

133.

Кто мѣшаетъ тебѣ выдумать порохъ непромокаемый?

134.

Снѣгъ считаютъ саваномъ омертвѣвшей природы; но онъ же служитъ первопутьемъ для жизненныхъ припасовъ. Такъ разгадайте же природу!

135.

Барометръ въ земледѣльческомъ хозяйствѣ можетъ быть съ большою выгодою замѣненъ усердною прислугою, страдающей нарочитыми ревматизмами.

136.

Собака, сидящая на сѣнѣ, вредна. Курица, сидящая на яйцахъ, полезна. Отъ сидячей жизни тучнѣютъ; — такъ: всякій мѣняло жиренъ.

137.

Неправое богатство подобно кресъ-салату: оно ростетъ на каждомъ войлокѣ.

138.

Всякая человѣческая голова подобна желудку: одна перевариваетъ входящую въ оную пищу, а другая отъ нея засоряется.

139.

Вещи бываютъ великими и малыми не токмо по волѣ судьбы и обстоятельствъ, но также по понятіямъ каждаго.

140.

И саго, употребленное не въ мѣру, можетъ причинить вредъ.

141.

Взирая на солнце, прищурь глаза свои, и ты смѣло разглядишь въ немъ пятна.

142.

Время подобно искусному управителю, непрестанно производящему новые таланты, взамѣнъ исчезнувшихъ.

143.

Талантами измѣряются успѣхи цивилизаціи, и они же представляютъ верстовые столбы исторіи, служа телеграммами отъ предковъ и современниковъ къ потомству.

144.

И при желѣзныхъ дорогахъ лучше сохранять двуколку.

145.

Покорность охлаждаетъ гнѣвъ и даетъ размѣръ взаимнымъ чувствамъ.

146.

Если бы все прошедшее было настоящимъ, а настоящее продолжало существовать на-ряду съ будущимъ, кто былъ бы въ силахъ разобрать: гдѣ причины и гдѣ послѣдствія?

147.

Счастье подобно шару, который подкатывается: сегодня подъ одного, завтра подъ другого, послѣзавтра подъ третьяго, потомъ подъ четвертаго, пятаго и т. д., соотвѣтственно числу и очереди счастливыхъ людей.

148.

Иные настойчиво утверждаютъ, что жизнь каждаго записана въ книгѣ Бытія.

149.

Не совсѣмъ понимаю: почему многіе называютъ судьбу индѣйкою, а не какою-либо другою, болѣе на судьбу похожею птицею?

150.

Козыряй!

151.

Лучшимъ каждому кажется то, къ чему онъ имѣетъ охоту.

152.

Изданіе нѣкоторыхъ газетъ, журналовъ и даже книгъ можетъ приносить выгоду.

153.

Никогда не теряй изъ виду, что гораздо легче многихъ не удовлетворить, чѣмъ удовольствовать.

154.

Хорошаго правителя справедливо уподобляютъ кучеру.

155.

Добрая сигара подобна земному шару — она вертится для удовольствія человѣка.

156.

Бросая въ воду камешки, смотри на круги, ими образуемые, —иначе такое бросаніе будетъ пустою забавою.

157.

Благочестіе, ханжество, суевѣріе—три разницы.

158.

Степенность есть надежная пружина въ механизмѣ общежитія.

159.

У многихъ катанье на конькахъ производитъ одышку и трясеніе.

160.

Опять скажу: никто не обниметъ необъятнаго.

II.

ВЫДЕРЖКИ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

МОЕГО ДѢДА.

«Поощреніе столь же необходимо геніальному писателю, сколь необходима канифоль смычку виртуоза».

„Плоды раздумья"—Козьмы Пруткова

ПРЕДИСЛОВІЕ КОЗЬМЫ ПРУТКОВА.

Читатель, ты меня понялъ; узналъ; оцѣнилъ. Спасибо! — Докажу, что весь мой родъ занимался литературою.—Вотъ тебѣ извлеченіе изъ записокъ моего дѣда. Затѣмъ издамъ записки отца. А потомъ, пожалуй, и мои собствѣнныя!

Записки дѣда писаны скорописью прошлаго столѣтія; in folio; безъ помарокъ.—Значитъ: это не черновыя! Спрашивается: гдѣ же сіи послѣднія?—Неизвѣстно... Предлагаю свои соображенія.

Дѣдъ мой жилъ въ деревнѣ. Отецъ прожилъ тамъ же два года сряду:—Значитъ: онѣ тамъ. А можетъ быть, у сосѣднихъ помѣщиковъ? А можетъ быть, у дворовыхъ людей? — Значитъ: ихъ читаютъ!.. Значитъ: онѣ занимательны! Отсюда: доказательство замѣчательной образованности моего дѣда, его ума, его тонкаго вкуса, его наблюдательности.—Это факты; это несомнѣнно. — Факты являются изъ сочиненій. Сочиненія обусловливаютъ выводы.

Почеркъ рукописи различный. Значитъ: она написана не однимъ человѣкомъ.—Почеркъ «Приступа» совершенно сходенъ съ подписью дѣда. Отсюда тождественность лица, писавшаго «Приступъ», съ личностью моего дѣда!

Дѣдъ мой родился въ 1720 году. Кончилъ записки въ 1780 г. Значитъ: онѣ начаты въ 1764 г. Въ запискахъ его видна сила чувствъ, свѣжесть впечатлѣній. Значитъ: при деревенскомъ воздухѣ онъ могъ прожить до 70 лѣтъ,—стало быть, онъ умеръ въ 1790 году.

Въ портфелѣ дѣда много весьма замѣчательнаго, но къ сожалѣнію неконченнаго (d'inachevé.)—Когда заблагоразсудится, издамъ все.

Прощай, читатель. Вникни въ издаваемое!

Твой доброжелатель—

Козьма Прутковъ.

11-го марта.
1854 года (annus,i).

ГИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ

Ѳедота Кузьмича Пруткова (дѣда).

ПРИСТУПЪ СТАРИКА.

Уподобляяся, подъ вечеръ жизни моей, оному древнихъ римлянъ Цынцынатусу, въ гнетомые старостью года свои утѣшаюсь я, въ деревенской тихости, кроткими наслажденіями и изобрѣтенными удовольствіями; и достохвально въ воспоминаніяхъ упражняяся, тебѣ, сынишкѣ моему, Петрушкѣ, ради душевныя пользы и наученія, жизненнаго прохожденія моего описаніе и многія гисторическія, изъ наукъ и свѣтскихъ разговоровъ почерпнутыя, свѣдѣнія послѣ гроба моего оставить положилъ. А ты оное мое писаніе въ необходимое употребленіе малому мальчишкѣ, Кузькѣ, неизбѣжно передай. Чѣмъ, сильняе прежняго, наклонность мою заслужите.

Лѣта отъ Р. Х. 1780, іюня 22-го дня, сей приступъ, къ прежде сочиненнымъ меморіямъ памяти своей, написалъ и составилъ: *Отставной Премьеръ и Кавалеръ Ѳедотъ Кузьмичевъ сынъ Прутковъ.*

1.

СООТВѢТСТВЕННОЕ ВОЗРАЖЕНІЕ ОДНОГО КУХАРЯ.

Какъ у одного кухаря, въ услуженіи у гишпанскаго совѣтника состоящаго, спрашивано было: *сколько дѣтей имѣетъ?*— То сей, опытный въ своемъ дѣлѣ искусникъ, далъ слѣдующій, сообразный своему рукомеслу, отвѣтъ: «*Такъ, государь мой, у меня ихъ осемъ персонъ*».— Чему тотъ, нарочито богатый гишпанецъ, не мало смѣялся, закрывшись епанчою, и, пришедъ домой, не замедлилъ разсказать встрѣтившей его своей супругѣ.

2.

МИЛОРДОВЫ ПРАВИЛА.

Нѣкій милордъ находилъ нарочитое удовольствіе въ яствахъ. То однажды, на фриштыкѣ въ пятьдесятъ кувертовъ, при бытности многихъ отмѣнно важныхъ особъ, такъ выразилъ: «*Государи мои! родительница моя кушала долго, а родитель мой кушалъ много; поколику и я придерживаюсь обоихъ сихъ правилъ*».

3.

ЧТО КЪ ЧЕМУ ПРИВѢШЕНО.

Нѣкоторая очень красивая дѣвушка, въ королевскомъ присутствіи у кавалера де-Монбасона, хладнокровно спрашивала:

«*Государь мой, что къ чему привѣшено: хвостъ къ собакѣ, или собака къ хвосту?*» То сей проворный въ отповѣдяхъ кавалеръ, нисколько не смятеннымъ, а напротивъ того, постояннымъ голосомъ отвѣтствовалъ: «*Какъ, сударыня, приключится; ибо всякую собаку никому и за хвостъ, какъ за шею, приподнять невозбранно*».—Которая отповѣдь тому королю отмѣнное удовольствіе причинивши, оный кавалеръ не безъ награды за нее остался.

4.

ЛУЧШЕ ПОБОЛЬШЕ, ЧѢМЪ ПОМЕНЬШЕ.

Нѣкій австрійскій интендантъ, не замедливъ послѣ утрехтскаго мира задать пиръ пятерымъ своимъ соратникамъ, предварительно наказалъ майордому своему подать на столъ пять килекъ, по числу ожидаемыхъ. Какъ одинъ изъ гостей, болѣе противу прочихъ проворства имѣющій, распорядился на свою долю, замѣсто одной, двумя кильками, то интендантъ, усмотрѣвъ, что чрезъ сіе храбрѣйшій изъ соратниковъ, Бремзенбургъ-фонъ-Экштадтъ, опредѣленной ему порціи вовсе лишился, воскликнулъ: «*Государи мои! кто двѣ кильки взялъ?*»

5.

ВПОРУ ПРИЧИНЕННОЕ УДОВОЛЬСТВІЕ.

Какъ нѣкогда славный и во многихъ съ туркою баталіяхъ отличившійся генералъ-аншефъ Х., премногими отъ Государыни регаліями и другими милостями надѣленный, во французскомъ однако діалектѣ нарочито несвѣдущъ оказывался. То сіе незнаніе свое отнюдь передъ модными того времени госпожами объявить не желая, навсегда секретно, передъ каждымъ изъ дому своего выѣздомъ, по нѣскольку французскихъ реченій

затверживалъ, и оныя, на малой бумажкѣ русскими литерами исписавши, таковую за обшлагъ мундирнаго кафтана своего запихивалъ, норовя по ней, между русскаго разговора, громчаѣ противу прочаго выговорить. Сія генеральская выдумка, хотя превострою ему казалася, однако отъ Государыниной любимицы, весьма знатной и пригожей дѣвки, не могла укрыться, симъ позабавить свою благодѣтельницу положивъ, таковой умыселъ свой въ тотъ же день, на бывшемъ куртагѣ, въ дѣйство произвела. Для сего, когда Государыня съ генераломъ X. о дѣлахъ говорить удостоили, знатная фрейлина сія, сзаду къ нему подступивши, незамѣтно для него ту бумажку изъ-подъ обшлага выхватила, и по ней, передѣланнымъ на генеральскій обычай голосомъ смѣло выкрикнула: «*Рьенъ моенъ кé.—Ву зетъ ля ренъ дю баль—Ни плю, ни моенъ.—Не плезантѣ жамѣ авекъ лѣ фамъ, донъ лимажинасіонъ ансесаманъ траваль.—Сепанданъ ле теранъ комансѣ а девениръ де плюзъ-енъ-плюзъ юмидъ*».—Таковая сей пригожей дѣвки выходка немалый смѣхъ всему собранію причинивши, великая Государыня сама премного и даже долго послѣ сего смѣялися; а подконецъ оную знатную дѣвицу за храбраго генералъ-аншефа X., съ превеликою пышностью, замужъ выдали.

6.

ЛУЧШЕЕ СРЕДСТВО ВЪ ТАКОМЪ СЛУЧАѢ.

Нѣкогда маршалъ де-Басомпьеръ, задумавъ угостить, въ будущій четвертокъ, ближайшихъ сродниковъ своихъ; кухарь сего вельможи пришелъ отъ того въ немалую мыслей разстройку, униженно господину докладывая, что у нихъ всего одинъ быкъ имѣется.—«*Изрядно*»,—возразилъ маршалъ:—«*а сколько у того быка частей?*»—«*Осемь*»,—отвѣтствовалъ сей.—«*Отнюдь!*»—перехватилъ маршалъ:—«*одиннадцать у быка! а для сего и можно оный на одиннадцать блюдъ изготовить*».—Такъ, многія знанія во всякомъ званіи пригодиться могутъ.

7.

ДВА КАМИЗОЛА.

Интендантъ лангедокскій, господинъ де-Графиньи, прогуливаясь въ одинъ лѣтній день въ двухъ черныхъ камизолахъ, повстрѣчался, въ семъ удивленія достойномъ нарядѣ, съ дюкомъ де-Ноалемъ. Сей вопросилъ: «*Господинъ интендантъ! возможно ли? два камизола въ столь знойный день!*» На что, съ тономъ печали отвѣтствовалъ: «*Господинъ дюкъ! Злосчастіе преслѣдуетъ меня: вчера скончался дѣдъ мой, а сегодня испустила духъ моя бабка! Для чего и надѣлъ я сугубый трауръ*».

8.

ОТВѢТЪ ОДНОГО ИТАЛІЙСКАГО СТАРЦА.

Двѣ молодыя италійскія благородныя дѣвки въ зелени на прекрасной долинѣ сидѣли; а помимо ихъ шелъ сѣдой, но непомѣрно прыткій старикъ. То онѣ, съ усмѣшкою, вопросили: *отчего такое завидное, не по лѣтамъ сложеніе имѣетъ?*—Отвѣтствовалъ: «*Потому, я съ издѣтства употребляю масло внутрь, а медъ снаружи*».

9.

НЕУМѢСТНОЕ ПРИВѢТСТВІЕ, КРѢПКО НАКАЗАННОЕ.

Какъ нѣкій, добивающійся форстмейстерскаго званія, швабъ Андреасъ Гольце, ненарокомъ къ возлюбленной своей, дѣвицѣ изряднаго поведенія, вошедъ и оную увидѣвъ за обѣденнымъ столомъ сидящую и свой аппетитъ внутренностью жареной бекасины въ то время удовлетворяющую, такъ привѣтствовалъ: «*О, Амалія! если бъ я былъ бекасиною, то, уповаю, всю тарелку вашу своими внутренностями чрезъ край переполнилъ бы!*» На

что́ случившійся при томъ Амальинъ родитель, главный лѣсничій магдебургскихъ лѣсовъ, Карлъ-Фридрихъ Венцельроде, незапно съ мѣста вскочивъ, учалъ того Гольце мѣднымъ шомполомъ по темени барабанить, и изрядно оное размягчивъ, напослѣдокъ высказалъ: «*Тысячу зарядовъ тебѣ въ поясницу, негодный молодой человѣкъ! Я полагалъ доселѣ, что ты съ честными намѣреніями къ дочери моей прибѣгаешь!*»

10.

ДОКУДОВА РАЗНОСТЬ.

Господинъ де-Волтеръ, однажды въ бесѣдѣ со многими той страны министрами находясь, отмѣнно остроумно высказалъ: «*Разность промежъ людей доходитъ временемъ до высочайшаго градуса; отчего иные столь великіе, что для покрытія головъ своей сами до оной на цыпочки подниматься должны; а другіе для того же къ головѣ своей сами на колѣна опускаться принуждены обрѣтаются*».

11.

ТИХО И ГРОМКО.

Господинъ виконтъ де-Брассардъ, съ отмѣнною ласкою принятый въ домѣ одного богатаго ветерана, въ извѣстномъ сраженіи лѣвой ноги лишившагося, усердно приволакивался за молодою его супругою, незамѣтно, по военному, подпуская ей амура. То однажды, изготовивъ въ мысляхъ двѣ для нея рѣчи, изъ коихъ одну: «пойдемъ на антресоли»—сказать тихо, а другую: «я ѣду на свою мызу»—громко; толико отъ внезапу разліявшагося по членамъ его любовнаго пламени замѣшался, что, при многихъ тутъ бывшихъ, произнесъ оныя въ обратномъ

порядкѣ; а именно, *тихо* и пригнувшись къ ея уху: «*Я пду на свою мызу*»; а за симъ *громко* и цѣлуя ее въ руку: «*Пойдемъ на антресоли!*»—За что бывъ выпровожденъ изъ того дому съ изрядно накостылеваннымъ затылкомъ, никогда уже въ оный назадъ не возвращался.

12.

СЛИШКОМЪ ПОМНИТЬ ОПАСНОСТЬ.

Генералъ Монтекукули, въ извѣстную войну отъ непріятеля съ торопливостью отступая и незапно въ рѣку Инъ пистолетъ свой уронивши, нѣкій австрійскій путникъ, пять лѣтъ спустя, съ пригожею дѣвкою вдоль сей рѣки гуляя, такъ возразилъ: «*Пожалуйте, сударыня, сей рѣки весьма поберегитесь, ибо въ оной заряжоный пистолетъ обрѣтается*». На что сія нарочито разумная дѣвица не упустила засмѣяться, да и онъ того же учинить не оставилъ.

13.

ИЗЛИШНЕ СДЕРЖАННОЕ СЛОВО.

Единожды аббатъ де-Сугерій съ Иваномъ-Яковомъ де-Руссо гуляя, незапно такъ сказалъ: «*Обожди, другъ, маленько у сей колонны; ибо я, на краткій мигъ нужду имѣя, тотчасъ къ тебѣ возвратиться не замедлю*». — Сей искусный въ своемъ дѣлѣ философъ, многимъ въ жизни своей наукамъ обучаясь, непремѣнно слѣдовалъ Солоновымъ, Ликурговымъ и Платоновымъ законамъ, а особливо Димоландской секты *); для чего не упустилъ господина аббата цѣлые три дня съ упрямствомъ дожидать, а напослѣдокъ, сказываютъ, и вовсе отъ голода на указанномъ мѣстѣ умре.

*) Читай книгу „О суетѣ наукъ“, гл. 63.

14.

КЪ КОМУ ПРИДЕТЪ НЕСЧАСТЬЕ.

Нѣкоторый градодержатель, имѣя для услугъ своей персоны двухъ благонадежныхъ, прозвищами: *Архипъ* и *Осипъ*, нѣкогда опредѣлилъ имъ пойти пѣшою эштафетой къ любимой сего чиновника госпожѣ, не по близости отъ того мѣста проживающей. То сіи градодержателевы холопы, застигнуты будучи въ пути прежестокимъ ненастьемъ, изрядную простуду получили, отъ коей: Архипъ *осипъ*, а Осипъ *охрипъ*.

15.

НЕДОГАДЛИВЫЙ УПРЯМЕЦЪ.

Всѣмъ вѣдомый англицкій вельможа Кучерстонъ, заказавъ опытному каретнику небольшую двуколку, для весеннихъ прогулокъ съ нѣкоторыми англицкими дѣвушками, по обычаю той страны ледями называемыми; сей каретникъ не преминулъ оную къ нему во дворъ представить. Вельможа, удобность сработанной двуколки напередъ извѣдать положивъ, легкомысленно въ оную вскочилъ, отчего она, ничѣмъ въ оглобляхъ придержана не будучи, въ тотъ же мигъ и отъ тяжести совсѣмъ назадъ опрокинулась, изрядно лорда Кучерстона затылкомъ о землю ударивъ. Однако, симъ краткимъ опытомъ отнюдь не довольный, предпринялъ онъ таковой съизнова продѣлать; и для сего трикратно снова затылкомъ о землю ударился. А какъ и послѣ того, при каждомъ гостей посѣщеніи, пытаясь объяснить имъ оное свое злоключеніе, онъ попрежнему въ ту двуколку вскакивалъ и съ нею о землю хлопался, то напослѣдокъ, острый предъ тѣмъ разумъ имѣвъ, мозгу своего, отъ повторенныхъ ударовъ, конечно лишился.

16.
НЕ ВСЕГДА СЛИШКОМЪ СИЛЬНО.

Холостой и при томъ видный изъ себя инженеръ, въ окрестностяхъ Инспрука работы свои производящій, повадился навѣщать нѣкоего магистера разныхъ наукъ, въ ближайшемъ оттуда мѣстечкѣ проживающаго. Сей, бывъ неуклонно занятъ всякими вычисленіями, свою бездѣтную, но здоровьемъ отличную, супругу не токмо въ благородныя собранія, ниже на многолюдныя прогулки не важивалъ, да и въ дому своемъ поединкомъ отмѣнно рѣдко развлекалъ. Инженеръ, все сіе по скорости запримѣтивъ, положилъ обнаружить предъ магистершею, ни мало не мѣшкая, привлекательныя свои преспективы, дабы на чужой домашней неустройкѣ храмъ собственнаго благополучія возвести. Наиудобнѣйшимъ для сего временемъ призналъ магистеровы трапезы; ибо ученый сей, разныхъ странъ академіями одобряемый, главнѣйше послѣ фоліантовъ удовольствіе въ томъ полагалъ, что подолгу за трапезами просиживалъ, привѣтливо раздѣливая со случившимся посѣтителемъ тарелку доброй похлебки и всякаго иного яства. Посему, за первою же трапезою супротивъ хозяйки присѣвъ, затѣялъ, когда сладкаго блюда вкушали, носкомъ своей обуви таковой же хозяйкинъ прикрыть, и оный постепенно надавливать, доколе дозволено будетъ. Притиснутая нога, сверхъ чаянія, не токмо выдернута не была, но хозяйка не безъ замысла лестнымъ голосомъ выразила: *что, де, не столько вкушаемое печеніе пріятно, колико приправа, оное сопровождающая.* И съ этимъ магистеръ согласиться не замедлилъ, разумѣя предложенную къ печенію фруктовую примочку, многими подливкою называемую Послѣ того однажды, когда магистерша къ трапезѣ красивѣе обычнаго обрядилась, инженеръ, возбуждаемый видомъ ея поверхъ стола тѣлосложенія, на сей разъ едва розовою дымкою прикрываемаго, почалъ свои ножныя упражненія съ возрастаю-

щимъ сердца воспаленіемъ и силы умноженіемъ, повышая оныя постепенно даже до самаго колѣна. И дабы притомъ затмить отъ гостепріимнаго хозяйна правильный поводъ своего волненія, сталъ расписывать оживленными красками, какъ черезъ всю Инспрукскую долину превеликую насыпь наваливаетъ и оную для прочности искусно утрамбовываетъ. Подъ конецъ же съ толикою нетерпѣливостію хозяйкино колѣно натиснулъ, что она, взорами незапно поблекши и лицомъ исказившись, къ задку стула своего откинулась и громко, чужимъ голосомъ, воскликнула: «*увы мнѣ—чашка на боку!*»—Магистеръ вотще придумывалъ: о какой посудинѣ супруга толико заскорбѣла? А виновный продерзецъ, заботясь укрыть правду отъ несумнящагося супруга, почалъ торопливо передвигивать миску, дотолѣ у края стола стоявшую, къ самой серединѣ онаго. Невѣдомо, сколь долго такое плачевное оставленіе страдалицы безъ супружняго пособія протянулось бы, ежели бы сама, духъ свой на время воспріявши, не указала перстомъ сперва на поврежденный членъ, а потомъ и на укрывающагося безстыдника, и не высказала съ особымъ изображеніемъ: «*Сей есть виновникъ моего злоключенія! Онъ, съ горячкою расписывая про насыпь чрезъ долину, не оставлялъ безъ толку напирать въ мое лѣвое колѣно, пока верхушку онаго совсѣмъ своротилъ! Отъ этого часу не токмо не за благороднаго кавалера его почитаю, но даже за наиувальнѣйшаго мужика землекопа!*»—Такими выговоренными словами всю правду мужу вскрыла. Магистеръ, зная въ корпусѣ своемъ не довольно силы, дабы дородную супругу подобрать, а притомъ и виновника до нея не допущая, высунясь изъ окна, выкрикнулъ съ площади двухъ крѣпкихъ носильщиковъ, которымъ наказалъ бережно хозяйку, съ отвороченнымъ колѣномъ, въ опочивальню перенести и тамъ на двуспальное ложе помѣстить. Такъ: здоровая нѣкогда госпожа сія проявилась болящею подъ занавѣсками, за коими допрежде хотя не часто амуры рѣзвилися, но и блѣдноликая печаль не ютилася. Оставивъстрада лицу на ложѣ, во-

шелъ магистеръ, съ обоими носильщиками, обратно въ столовую горницу, гдѣ провинившійся, не безъ великаго страха, дожидалъ висящаго надъ нимъ своего приговора; и такъ ему, съ глубокою горечью, высказалъ: «*Вѣдайте, государь мой, что хотя вы и опытный въ своемъ дѣлѣ инженеръ, но госпожа магистерша не есть земельная насыпь и никогда оною не бывала!*»— И повернувъ отъ него, выплатилъ обоимъ носильщикамъ заслуженные ефимки, и въ опочивальню къ болящей возвратился. А предерзкій тотъ сластолюбецъ, столь нечаянно отъ заслужоной и преизрядной потасовки избѣгшій, за лучшее счелъ поскорѣе къ дому убраться; и завсегда потомъ, о приключившемся вспоминая, такъ въ мысляхъ своихъ выводилъ: «*Ежели и вправду сія подстольная любовная грамота остроумную при себѣ удобность имѣетъ; ибо любимому предмету изъясняетъ, а отъ нелюбимыхъ утаеваетъ; однако и оную, даже въ самыхъ поспѣшныхъ и чувствительныхъ случаяхъ, отнюдь до крайняго изображенія допущать не должно*».

17.

НИКТО НЕОБЪЯТНАГО ОБНЯТЬ НЕ МОЖЕТЪ.

Однажды, когда ночь покрыла небеса невидимою своею епанчою, знаменитый французскій философъ Декартъ, у ступенекъ домашней лѣстницы своей сидѣвшій и на мрачный горизонтъ съ превеликимъ вниманіемъ смотрящій, — нѣкій прохожій подступилъ къ нему вопросомъ: «*Скажи, мудрецъ, сколько звѣздъ на семъ небѣ?*» — «*Мерзавецъ!*» — отвѣтствовалъ сей: — «*никто необъятнаго обнять не можетъ!*» Сіи, съ превеликимъ огнемъ произнесенныя, слова возымѣли на прохожаго желаемое дѣйствіе.

III.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ

ПРОИЗВЕДЕНІЯ

«Поощреніе столь же необходимо геніальному писателю, сколь необходима канифоль смычку виртуоза».

«Плоды раздумья»—Козьмы Пруткова.

краткость. Ею легче ошеломить, привлечь. Жалѣю, что не соблюлъ ее въ своей «Фантазіи». Но мнѣ вовсе не хотѣлось тратить время на этотъ первый мой литературный шагъ. Впрочемъ, онъ и безъ того вышелъ достаточно разительнымъ. Его не поняли, не одобрили; но это ничего!

Вотъ тебѣ, читатель, описаніе театральной рукописи: она въ четвертушку обыкновеннаго писчаго листа бумаги; сшита тетрадью; писана разгонисто, но четко; въ текстѣ есть цензорскія помарки и передѣлки; онѣ всѣ указаны мною въ экземплярѣ для печати; на заглавномъ листѣ, кромѣ надписи: «*Фантазія. Комедія въ одномъ дѣйствіи*», имѣются слѣдующія помѣты театральныхъ чиновниковъ:

а) Вверху слѣва: «*Д. И. Т. 23 декабря 1850 г. № 1039*». — Это должно значить: «Дирекція Императорскихъ Театровъ» и день и № внесенія комедіи въ дирекцію.

б) Вверху справа: «*Къ бенефису Максимова 1, назначенному 8 января 1851 г.*».

в) По срединѣ, надъ заглавіемъ: «*1103*».—Это вѣроятно, входящій нумеръ репертуара.

г) Подъ заглавіемъ: «*отъ г. г. Жемчужникова* (*А. М.*) и *Толстого* (*графа*)». Этимъ удостовѣряется, что я представилъ комедію «Фантазія» чрезъ г. Алексѣя Михайловича Жемчужникова и графа Алексѣя Константиновича Толстого.

д) Подъ предъидущею надписью: «*Одобряется для представленія. С.-Петербургъ, 29 декабря 1850 г. Дѣйств. ст. совѣтникъ Гедерштернъ*».

е) Вверху, вдоль корешка тетради, въ три строки: «*по Высочайшему повелѣнію сего 9 января 1851 г. представленіе сей піесы на театрахъ воспрещено. Кол. Асс. Семеновъ*».

Ты видишь, читатель: моя комедія «Фантазія», внесенная въ театральную дирекцію 23-го декабря 1851 г., т.-е. наканунѣ рождественскаго сочельника, была разрѣшена къ представленію предъ кануномъ новаго года (29 декабря), и уже исполнена

императорскими актерами чрезъ день отъ праздника Крещенія (8-го января 1851 г.) и затѣмъ тотчасъ же воспрещена къ повторенію на сценѣ. Въ дѣйствительности, воспрещеніе послѣдовало еще быстрѣе: кол. ассес. Семеновъ обозначилъ день *формальнаго* воспрещенія; но оно было объявлено словесно *8-го января*, во время исполненія пьесы и ранѣе ея окончанія, при самомъ выходѣ Императора Николая Павловича изъ ложи и театра. А выходъ этотъ послѣдовалъ въ то время, когда актеръ Толченовъ 1-й, исполнявшій роль Миловидова, энергично восклицалъ: «Говорю вамъ, подберите фалды! онъ золъ до чрезвычайности!» (см. въ 10-мъ явленіи комедіи).

Итакъ, публикѣ дозволено было видѣть эту комедію только *одинъ разъ*. А развѣ достаточно одного раза для оцѣнки произведенія, выходящаго изъ рядовыхъ? Сразу понимаются только явленія обыкновенныя, посредственность, пошлость. Едва-ли кто оцѣнилъ бы Гомера, Шекспира, Бетговена, Пушкина, еслибы произведенія ихъ было воспрещено прослушать болѣе одного раза!—Но я не ропщу!.. Я только передаю факты.

Притомъ, успѣхъ всякаго сценическаго произведенія много зависитъ отъ игры актеровъ. А какъ исполнялась моя «Фантазія»?! Она была поставлена на сцену наскоро, среди праздниковъ и разныхъ бенефисныхъ хлопотъ. Изъ всѣхъ актеровъ, въ ней участвовавшихъ, одинъ Толченовъ 1-й исполнилъ свою роль сполна добросовѣстно и старательно. Знаменитый Мартыновъ отнесся серьезно только къ послѣднему монологу, въ роли Кутилы-Завалдайскаго. Всѣ прочіе играли такъ, будто боялись за себя или за автора: безъ веселости, робко, вяло, и недружно. Желалъ бы я видѣть: что сталось бы съ любымъ произведеніемъ Шекспира и Кукольника, еслибъ оно было исполнено такъ плохо, какъ моя «Фантазія»!.. Но, порицая актеровъ, я отнюдь не оправдываю публики. Она была обязана раскусить... Между тѣмъ она вела себя легкомысленно, какъ толпа, хотя состояла наполовину изъ людей высшаго общества! — Едва Государь, съ

явнымъ неудовольствіемъ, изволилъ удалиться изъ ложи ранѣе конца піесы, какъ публика стала шумѣть, кричать, шикать, свистать!.. Этого прежде не дозволялось!.. За это прежде наказывали!

Безпорядочное поведеніе публики подало потомъ поводъ думать, будто комедія была прервана, не доиграна; будто всѣ актеры, кромѣ Мартынова, удалились со сцены поневолѣ, не докончивъ своихъ ролей; и будто г. Мартыновъ, оставшись на сценѣ одинъ, пустилъ такъ по собственной волѣ и при этомъ *импровизовалъ* (!) заключительный монологъ, въ которомъ осуждается авторъ пьесы и который, по свидѣтельству даже враговъ моихъ: «вызвалъ, единодушныя рукоплесканія». Все это, кромѣ послѣдняго свѣдѣнія, неправда. Я не могъ тогда возражать, потому что боялся дурныхъ послѣдствій по моей службѣ. Въ дѣйствительности же было такъ: публика, сама того не зная, дослушала пьесу до конца; актеры доиграли свои роли до послѣдняго слова и, предъ монологомъ Мартынова, оставили сцену всѣ разомъ потому, что такъ имъ предписано въ моей комедіи; г. Мартыновъ остался на сценѣ одинъ и произнесъ монологъ, потому что онъ обязанъ былъ сдѣлать это, исполняя роль Кутилы-Завалдайскаго. Такимъ образомъ, публика, думая рукоплескать Мартынову какъ импровизатору и въ осужденіе автору, рукоплескала Мартынову—какъ актеру, а мнѣ—какъ автору. Такъ сама судьба возстановила нарушенную справедливость. Благодарю ее за это!

Не скрою (да и зачѣмъ скрывать!), что тогдашніе театральные рецензенты отнеслись къ этому событію поверхностно и недоброжелательно. Вотъ выписки изъ двухъ тогдашнихъ журналовъ, съ сохраненіемъ ихъ курсивовъ. Эти курсивы отнюдь нельзя уподобить «умнымъ изреченіямъ», какъ я предлагаю въ своихъ «Плодахъ раздумья».

а) Выписки изъ журн. «*Современникъ*» (*1851 г., кн. II. Смѣсь, стр. 271*); «По крайней мѣрѣ въ бенефисъ г-жи Самойло-

«вой [1]) не было ничего слишкомъ плохого, чему недавній при-«мѣръ былъ въ бенефисъ Максимова; примѣръ очень замѣчатель-«ный въ театральныхъ лѣтописяхъ [2]) тѣмъ, что одной пьесы «*не доиграли* [3]) вслѣдствіе *рѣзко* выраженнаго неодобренія пу-«блики. Это случилось съ пьесою: «Фантазія».

б) Выписка изъ журн. «*Пантеонъ*» (*1851 г., кн. I*): «Вѣро-«ятно со времени существованія театра, никому еще въ голову «не приходило *фантазіи* [4]) подобной той, какую гг. Y и Z [5]) «сочинили для русской сцены [6])... Публика, потерявъ терпѣ-«ніе, не дала актерамъ окончить эту, *комедію* и ошикала ее, «прежде опущенія занавѣса [7]). Г. Мартыновъ, оставшійся одинъ «на сценѣ, попросилъ изъ креселъ афишу [8]), чтобъ узнать, «какъ онъ говорилъ [9]): «кому въ голову могла придти фанта-«зія сочинить такую глупую пьесу?»—Слова его были осыпаны

---

[1]) Это говорится о бенефисѣ Самойловой 2-й, который предшествовалъ бенефису Максимова 1-го.

[2]) Сколько мнѣ извѣстно, такихъ „лѣтописей“ вовсе не существуетъ;—развѣ какія-нибудь тайныя, вредныя?

[3]) Изъ моего объясненія видно, что это неправда.

[4]) Тутъ сочинитель статьи, очевидно, полагалъ сострить, хотя бы съ помощью курсива!

[5]) Я назвалъ на афишѣ автора пьесы иностранными литерами: „Y и Z“ потому что не желалъ выдать себя, опасаясь послѣдствій по службѣ.

[6]) Что же дурного, что никто еще не сочинилъ подобной фантазіи?—Въ этомъ и достоинство!

[7]) *Во первыхъ*, изъ курсива слова: „комедія“ видно, что сочинителю досадно: зачѣмъ этотъ титулъ присвоенъ моей пьесѣ?—ему хотѣлось бы (какъ и дирекція желала), чтобы пьеса моя была названа: „шутка-водевиль“! *Во-вторыхъ*, изъ моего объясненія уже извѣстно, что комедія была доиграна до послѣдняго слова.

[8]) Г. Мартыновъ потребовалъ афишу не „изъ креселъ“, а отъ „контрабаса“, изъ оркестра, какъ ему было предписано въ его роли (см. подлинную комедію).

[9]) Вовсе не „*онъ* говорилъ, а *я* предписалъ ему сказать это, въ роли Кутила-Завалдайскаго.

«единодушными рукоплесканіями [1]). Послѣ такого рѣшитель-«наго приговора публики намъ остается только занести въ нашу «Лѣтопись одинъ фактъ [2]); что оригинальная *фантазія* удо-«стоилась на нашей сценѣ *такого паденія*, съ которымъ можетъ «только сравниться паденіе пьесы «*Ремонтеры*», данной 12 «лѣтъ назадъ и составившей эпоху въ преданіяхъ Александрин-«скаго театра [3]).

Только въ одномъ изъ московскихъ изданій было выказано безпристрастіе и доброжелательство къ моей комедіи;—не помню, въ которомъ: въ «Москвитянинѣ» или въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»? Всякій можетъ узнать это самъ, пересмотрѣвъ всѣ русскіе журналы и газеты за 1851 годъ. Помню, что я мысленно приписывалъ ту статью г-ну Аполлону Григорьеву, тогдашнему критику въ «Москвитянинѣ». Помню также, что въ этой статьѣ сообщалось глубокомысленное, но патріотическое заключеніе, именно: рецензентъ хотя не присутствовалъ въ театрѣ, и слѣдовательно не зналъ содержанія моей комедіи, но, по опредѣленію дѣйствующихъ лицъ на афишѣ, отгадалъ, что «это произведеніе составляетъ рѣзкую сатиру на современные нравы». Спасибо ему за такую проницательность! я думаю, впрочемъ, что ему много помогло быстрое воспрещеніе повторенія пьесы на сценѣ. — Съ того времени я очень полюбилъ

---

[1]) Тутъ явно злонамѣренное перетолкованіе рукоплесканій публики. Хотя публика—толпа, но заступлюсь за нее, по привычкѣ къ правдѣ: публика рукоплескала не одной этой фразѣ, а *всему* монологу, съ начала до конца.

[2]) Опять „лѣтопись“, да еще съ крупной буквы! А я убѣжденъ, что ее вовсе не существуетъ.

[3]) Мнѣ неизвѣстна комедія „Ремонтеры“, и потому не могу судить: умѣстно ли это сравненіе? Что же касается замѣчанія, что представленіе моей „Фантазіи“ составитъ „эпоху въ преданіяхъ Александринскаго театра“, то хотя я не понимаю, какая эпоха можетъ быть въ „преданіяхъ“, однако не скрою (да и зачѣмъ скрывать!), что именно это вполнѣ соотвѣтствовало бы моимъ надеждамъ и желаніямъ!

Примѣчанія К. Пруткова.

г. Аполлона Григорьева, даже началъ изучать его теорію литературнаго творчества, по его статьямъ въ «Москвитянинѣ», и старался примѣнять ее къ своимъ созданіямъ; а когда я натыкался на трудности, то обращался прямо къ нему за совѣтомъ печатно, въ стихахъ. (Примѣръ этому см. въ моемъ стихотвореніи: «Безвыходное положеніе», стр. 40).

Вотъ всѣ данныя для суда надъ моей комедіей «Фантазія». —Читатель! помни, что я всегда требовалъ отъ тебя справедливости и уваженія. Еслибъ эта комедія издавалась не послѣ моей смерти, то я сказалъ бы тебѣ: до свиданія... Впрочемъ, и ты умрешь когда-либо, и мы свидимся. Такъ будь же остороженъ! Я съ увѣренностью говорю тебѣ: *до свиданія*!

Твой доброжелатель—

Козьма Прутковъ.

11-го августа
1860 года (annus,i).

(Копія съ заглавнаго листа театральнаго экземпляра.)

По высочайшему повелѣнію сего 9 Января 1851 г. представленіе сей піесы на театрахъ воспрещено. Кол. Асс. Семеновъ.

Д. И. Т. 23 декабря 1850 г. № 1039.

Къ бенефису Максимова 1, назначенному 8 января 1851 г.

№ 1103.

ФАНТАЗІЯ.

Комедія въ одномъ дѣйствіи.

Отъ г. г. Жемчужникова (А. М.) и Толстого (графа).

Одобряется для представленія. С.-Петербургъ. 29 декабря 1850 г.
Дѣйств. ст. совѣтникъ Гедерштернъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Аграфена Панкратьевна Чупурлина, богатая, но самолюбивая старуха . . . . . Г-жа Громова.

Лизавета Платоновна, ея воспитанница. . . . Г-жа Левкѣева.

Адамъ Карловичъ Либенталь, молодой нѣмецъ *) не безъ рѣзвости . . . . . Г. Марковецкій.

Ѳемистоклъ Мильтіадовичъ Разорваки, человѣкъ отчасти лукавый и вѣроломный. . . . . Г. Каратыгинъ 2.

Князь **) **Касьянъ Родіоновичъ Батогъ-Батыевъ**, человѣкъ, торгующій мыломъ . . . Г. Прусаковъ.

Мартынъ Мартыновичъ Кутило-Завалдайскій, человѣкъ приличный . . . . . Г. Мартыновъ.

Георгій Александровичъ Безпардонный, человѣкъ застѣнчивый . . . . . Г. Смирновъ 2.

Ѳирсъ Евгеніевичъ Миловидовъ, человѣкъ прямой . . . . . Г. Толченовъ 1.

Акулина, нянька.
Фантазія, моська.
Пудель.
Собачка, малаго размѣра.
Собака, датская.
Моська, похожая на Фантазію.
Незнакомый бульдогъ.

} Безъ рѣчей ***).

Кучера, повара, ключницы и казачки.

---

*) Слово „нѣмецъ“ было замѣнено въ афишѣ словомъ: „человѣкъ“.

**) Титулъ „князь“ былъ исключенъ цензоромъ и въ перечнѣ дѣйствующихъ лицъ, и повсюду въ текстѣ.

***) Эти дѣйствующія лица „безъ рѣчей“ не были одобрены цензоромъ въ перечнѣ дѣйствующихъ лицъ.—*Примѣчанія К. Пруткова.*

Дѣйствіе происходитъ на дачѣ Чупурлиной. — Садъ. Направо отъ зрителей домикъ, съ крыльцомъ. Посреди сада (въ глубинѣ) бесѣдка, очень узенькая, въ видѣ будки, обвитая плющомъ. На бесѣдкѣ флагъ, съ надписью: *Что наша жизнь?* Передъ бесѣдкой цвѣтникъ и очень маленькій фонтанъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

По поднятіи занавѣса: РАЗОРВАКИ, князь БАТОГЪ-БАТЫЕВЪ, МИЛОВИДОВЪ, КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ, БЕЗПАРДОННЫЙ и ЛИБЕНТАЛЬ ходятъ, молча, взадъ и впередъ, по разнымъ направленіямъ. Они въ сюртукахъ или во фракахъ.- Довольно продолжительное молчаніе.

КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ — вдругъ останавливается и обращается къ прочимъ.

Тсъ! тсъ! тсъ!..

ВСѢ — остановившись.

Что́ такое?! что́ такое?!

КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ.

Ахъ, тише! тише!.. Молчите!.. Стойте на одномъ мѣстѣ!.. *(Прислушивается).* Слышите?.. часы бьютъ!

Всѣ подходятъ къ Кутило-Завалдайскому, кромѣ Безпардоннаго, который стоитъ, въ задумчивости, вдали отъ прочихъ.

РАЗОРВАКИ — смотритъ на свои часы.

Семь часовъ.

КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ — тоже смотритъ свои часы.

Должно быть, семь;—у меня половина третьяго. Такой странный корпусъ у нихъ;—никакъ не могу сладить!

ВСѢ—кромѣ Либенталя, смотря на часы.

Семь часовъ!

ЛИБЕНТАЛЬ.

Я не взялъ съ собою часовъ; ибо (*въ сторону*) счастливые часовъ не наблюдаютъ!

РАЗОРВАКИ.

Давно желанный и многожданный часъ!.. Вотъ, мы всѣ здѣсь собрались; но кто же изъ насъ, здѣсь присутствующихъ жениховъ,—кто получитъ руку Лизаветы Платоновны?.. Вотъ вопросъ!

ВСѢ—задумавшись.

Вотъ вопросъ!

БЕЗПАРДОННЫЙ—въ сторону.

Лизавета Платоновна, Лизавета Платоновна!.. Кому ты достанешься? Ахъ!

РАЗОРВАКИ.

Пока еще не пришла старушка, въ рукѣ которой наша невѣста, мы...

КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ.

Мы тщательно осмотримъ другъ друга; все ли прилично и все ли на своемъ мѣстѣ! Женихи, вѣдь, должны... Господинъ Миловидовъ!.. (*указываетъ на его жилетъ*)—у васъ нѣсколько нижнихъ пуговицъ не застегнуто!

МИЛОВИДОВЪ—не застегивая.

Я знаю.

РАЗОРВАКИ.

Господа! я предлагаю, пока старушка еще не пришла, сочинить ей пріятный комплиментъ, въ формѣ красиваго куплета,

и спѣть, какъ обыкновенно въ водевилѣ какомъ-нибудь поютъ на сценѣ актеры и актрисы!

ВСѢ.

Пожалуй... пожалуй... сочинимъ! сочинимъ!

РАЗОРВАКИ.

Для этого сядемъ по мѣстамъ. Садитесь всѣ по мѣстамъ!

Разорваки садится на скамейку; Безвардонный—на другую; князь Батогъ-Батыевъ и Кутило-Забайкайскій—на траву; Миловидовъ уходитъ въ бесѣдку; Либенталь вынимаетъ изъ кармана бумажникъ и карандашъ и взлѣзаетъ на дерево.

ЛИБЕНТАЛЬ.

Здѣсь поближе къ небесамъ!

РАЗОРВАКИ.

Усѣлись? Начнемъ!.. *(Подумавъ.)*—«Вотъ куплеты»...—Господа, риему!

ЛИБЕНТАЛЬ—съ дерева.

Разогрѣты!

МИЛОВИДОВЪ—изъ бесѣдки.

Почему же разогрѣты?!

ЛИБЕНТАЛЬ.

Неподдѣльными нашими чувствами разогрѣты.

РАЗОРВАКИ.

Я лучше васъ всѣхъ понимаю поэзію: я—человѣкъ южный, изъ Нѣжина.

КН. БАТОГЪ-БАТЫЕВЪ.

Я изъ Казани.

РАЗОРВАКИ.

Не перебивать!.. Слушайте: «Вотъ куплеты—Мы, поэты,—Въ вашу честь,—написали вмѣстѣ»...

МИЛОВИДОВЪ.

«Написали вмѣстѣ—Въ этомъ лѣсѣ».

РАЗОРВАКИ.

Это не риѳма!

КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ.

Это садъ.

МИЛОВИДОВЪ.

Ну: «Въ этомъ садѣ!»

РАЗОРВАКИ.

Не перебивать!..—«Написали вмѣстѣ,—На своемъ всякъ мѣстѣ,—Насъ здѣсь шесть».—Вотъ это такъ!.. Далѣе:—«Мы васъ знаемъ»... Ахъ! идетъ!.. Аграфена Панкратьевна идетъ!.. Ну, нечего дѣлать!.. Такъ, какъ есть, каждый на своемъ мѣстѣ, давайте пѣть. Я начинаю!

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ и ЧУПУРЛИНА съ ЛИЗАВЕТОЙ.

Чупурлина съ Лизаветой сходятъ съ крыльца въ садъ. Чупурлина ведетъ на ленточкѣ моську. Женихи сидятъ на мѣстахъ и поютъ на голосъ: «Frére Jacques» Разорваки начинаетъ.

ВСѢ—поютъ.

Вотъ куплеты
Мы, поэты,
Въ вашу честь, (*bis*)

Написали вмѣстѣ,
На своемъ всякъ мѣстѣ;
Здѣсь насъ шесть!
Насъ здѣсь шесть!

Аграфена Панкратьевна и Лизавета Платоновна смотрятъ съ удивленіемъ во всѣ стороны.

РАЗОРВАКИ.

Господа, второй куплетъ экспромтомъ;—каждый давай свою ріему!—Я начинаю!

Поютъ, каждый отдѣльно, по одному стиху, въ слѣдующемъ порядкѣ.

РАЗОРВАКИ.

Мы васъ знаемъ—

КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ.

Ублажаемъ—

КН. БАТОГЪ-БАТЫЕВЪ.

Услаждаемъ—

МИЛОВИДОВЪ.

Занимаемъ—

БЕЗПАРДОННЫЙ.

Сохраняемъ—

ЛИБЕНТАЛЬ.

Забавляемъ!

РАЗОРВАКИ.

Довольно... довольно!..

ВСѢ—хоромъ.

Всякій часъ!
Всякій часъ!..

РАЗОРВАКИ—продолжаетъ пѣть одинъ.

Вы на насъ взгляните!

МИЛОВИДОВЪ—тоже.

И насъ обнимите!

ВСѢ—хоромъ.

А мы васъ!
А мы васъ!

При послѣднемъ стихѣ, всѣ идутъ къ Аграфенѣ Панкратьевнѣ, съ распростертыми объятіями.

ЧУПУРЛИНА.

Благодарю васъ, благодарю васъ!

ЛИБЕНТАЛЬ—бѣжитъ впередъ другихъ.

Милостивая государыня, почтенная Аграфена Панкратьевна! лестная для меня маменька!

КН. ВАТОГЪ-БАТЫЕВЪ.

Почтеннѣйшая Аграфена Панкратьевна!

КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ.

Благодѣтельница!

РАЗОРВАКИ.

Такая благодѣтельница, что просто... ухъ!.. цѣловалъ бы, да и только!

КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ—въ сторону.

Какія у этого грека все сильныя выраженія!.. Совсѣмъ не умѣетъ себя удерживать.

Безпардонный подходитъ, отворяетъ ротъ, но отъ внутренняго волненія не можетъ сказать ничего.

МИЛОВИДОВЪ—перебивая выразительные знаки Безпардоннаго.

Ну, что́ же, матушка!.. надумались?—Вотъ, мы всѣ на-лицо. Кто же изъ насъ лучше?—говорите!.. Да ну-же, говорите!

ЧУПУРЛИНА.

Тише, мой батюшка, тише! Вишь, какой вострый, какъ приступаетъ!.. Моя Лизанька не какая-нибудь такая, чтобъ я ее вотъ такъ взяла, да и отдала первому встрѣчному! Я своей Лизанькой дорожу! (*Гладитъ моську.*) Она мнѣ лучше дочери... Я не отдамъ ее какому-нибудь фанфарону! *(Окидываетъ Миловидова глазами съ ногъ до головы.)* Небось ты, батюшка, все на балахъ разныя антраша выкидывалъ, да какіе-нибудь трюфели жевалъ подъ сахаромъ; а теперь—спустилъ денежки, да и востришь зубы на Лизанькино приданое?! Нѣтъ, батюшка, тпрру!!. Пусть-ка прежде каждый изъ васъ скажетъ: какія у него есть средства, чтобы составить ея счастье? *(Гладитъ моську.)*—А безъ этого не видать вамъ Лизаньки, какъ своей поясницы.

МИЛОВИДОВЪ—въ сторону.

Вишь, баба! Вишь, какая баба!

ЛИВЕНТАЛЬ—къ моськѣ.

Усиньки, усиньки, тю, тю, тю...

МИЛОВИДОВЪ—къ Чупурлиной.

Средства будутъ!

ЧУПУРЛИНА.

Какія, мой батюшка?

МИЛОВИДОВЪ.

А приданое-то? Какъ получу его, такъ будутъ и средства! И чѣмъ больше приданое, тѣмъ больше средства!

ЧУПУРЛИНА.

Ну, вотъ! я такъ и знала. Фанфаронъ, просто фанфаронъ; что его слушать! (*Къ Кутило-Завалдайскому.*) Ну, а ты, батюшка?

ЛИВЕНТАЛЬ—къ Чупурлиной.

Маменька, позвольте: кажется, моська заступила за ленточку лѣвою ножкой?—клянусь вамъ!

ЧУПУРЛИНА.

Спасибо, батюшка... (*Снова обращается къ Кутилу-Завалдайскому.*) Ну, а ты, Мартынъ Мартыновичъ?

КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ.

Сударыня, позвольте васъ увѣрить, что, вступивъ въ бракъ съ Лизаветой Платоновной, я всегда буду соблюдать пристойность...

ЧУПУРЛИНА.

Нѣтъ, я не о томъ... Какія у тебя надежды? Есть ли у тебя фабрика?

КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ.

Нѣтъ-съ, фабрики не имѣю.

ЧУПУРЛИНА.

Ну, такъ какъ же?

КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ.

У меня, сударыня, болѣе нравственный капиталъ.—Вы на это не смотрите, что мое такое имя: Кутило-Завалдайскій. Иной подумаетъ и Богъ знаетъ что̀! А я совсѣмъ не то! Это мой батюшка былъ такой; и вотъ дядя есть еще; а я—нѣтъ. Я—человѣкъ цѣломудренный и стыдливый *). Меня даже хотѣли сдѣлать брантмейстеромъ **).

ЧУПУРЛИНА.

Фу, ты, фанфаронъ!—право, фанфаронъ! фанфаронъ, фанфаронъ да и только!.. (*Обращается къ кн. Батогъ-Батыеву.*) Авось ты, батюшка, посолиднѣе. Посмотримъ, чѣмъ ты составишь счастье Лизаньки?

КН. БАТОГЪ-БАТЫЕВЪ.

Большею частью мыломъ... (*Вынимаетъ изъ кармана куски мыла.*) У меня здѣсь для всѣхъ (*раздаетъ*). Вамъ, сударыня, для рукъ; а этимъ господамъ—бритвенное. (*Къ Миловидову.*) Вамъ, кромѣ бритвеннаго, особенный кусокъ—для рукъ.

МИЛОВИДОВЪ—принимаетъ съ благодарностью, но смотритъ на свои руки пристально.

Благодарю!

ЧУПУРЛИНА.

Благодарствуйте, князь. (*Обращается къ Разорваки.*) Ну, тебя, Ѳемистоклъ Мильтіадовичъ, я не спрашиваю. Вѣдь ты не въ самомъ же дѣлѣ вздумалъ жениться на Лизанькѣ? Гдѣ тебѣ?!

*) Здѣсь цензоръ вычеркнулъ слово: „цѣломудренный“! и написалъ: „нравственный“.

**) Эти слова: „Меня даже хотѣли сдѣлать брантмейстеромъ“—вычеркнуты цензоромъ.—*Примѣчанія К. Пруткова.*

РАЗОРВАКИ.

Нѣтъ-съ, я не шучу. Серьезно прошу руки Лизаветы Платоновны! Я происхожденія восточнаго, человѣкъ южный; у меня есть страсти!

ЧУПУРЛИНА.

Неужто?.. Но какіе же у тебя средства?

РАЗОРВАКИ.

Сударыня, Аграфена Панкратьевна! Я человѣкъ южный, положительный. У меня нѣтъ несбыточныхъ мечтаній. Мои средства ближе къ дѣйствительности... Я полагаю: занять капиталъ... въ триста тысячъ рублей серебромъ... и сдѣлать одно изъ двухъ: или пустить въ ростъ, или... основать мозольную лечебницу... на большой ногѣ!

ЧУПУРЛИНА.

Мозольную лечебницу?

РАЗОРВАКИ.

На большой ногѣ!

ЧУПУРЛИНА.

Что-жъ это? На какія-жъ это деньги?.. Нешто на Лизанькино приданое?

РАЗОРВАКИ.

Я сказалъ: занять капиталъ, въ триста тысячъ рублей серебромъ!

ЧУПУРЛИНА.

Да у кого же занять, батюшка?

РАЗОРВАКИ.

Подумайте: триста тысячъ рублей серебромъ!—Это милліонъ на ассигнаціи!

ЧУПУРЛИНА.

Да кто тебѣ ихъ дастъ? Вѣдь это, выходитъ, ты говоришь пустяки!

РАЗОРВАКИ.

Милліонъ пятьдесятъ тысячъ на ассигнаціи!

ЧУПУРЛИНА.

Пустяки, пустяки! и слышать не хочу!—Г-нъ Безпардонный, вы что?

БЕЗПАРДОННЫЙ—встрепенувшись.

Сударыня... извините... я надѣюсь... не щадя живота своего... не щадя живота своего *)... для Лизаветы Платоновны... до послѣдней капли крови!..

ЛИБЕНТАЛЬ—перебивая.

Маменька, послушайте! — лучшее средство есть: трудолюбіе, почтеніе къ старшимъ и бережливость! Почтеніе къ старшимъ, трудолюбіе... (*нагибается къ моськѣ*).

ЧУПУРЛИНА.

Что ты, батюшка, на ней увидѣлъ?

ЛИБЕНТАЛЬ.

Маменька, ушко завернулось у Фантазіи.

---

*) Цензоръ измѣнилъ: вмѣсто славянскаго „живота своего“, поставилъ „жизни своей“. — Но вѣдь о „животѣ“ говорятъ не только въ молитвахъ но и тогда, когда „кладутъ его на алтарь отечества“. Почему же непри-лично говорить о немъ въ театрѣ?—*Примѣчаніе К. Пруткова.*

ЧУПУРЛИНА—полугромко.

Въ этомъ молодомъ человѣкѣ есть прокъ.

ЛИБЕНТАЛЬ—продолжаетъ ласкать моську.

Усиньки, тю, тю, тю, фить, фить, фить!..

ЧУПУРЛИНА—попрежнему.

Онъ хорошо изъясняется.

ЛИБЕНТАЛЬ—къ моськѣ.

Фить, фить, фить, тю, тю, тю!...

ЧУПУРЛИНА—Либенталю.

Спасибо тебѣ за то, что ты такой внимательный.

МИЛОВИДОВЪ.

Ну, что же, матушка; довольно наговорились про всякій вздоръ!.. Пора, братецъ, сказать: кто изъ насъ лучше?

ЧУПУРЛИНА.

Тише, тише, мой батюшка!.. Вишь, какъ опять приступаетъ! Такъ и видно, что цѣлый вѣкъ игралъ на гитарѣ.

КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ—въ сторону.

Миловидовъ дѣйствуетъ неприлично.

МИЛОВИДОВЪ.

Да пора же кончить.

РАЗОРВАКИ.

Милліонъ пятьдесятъ тысячъ на ассигнаціи!

ЧУПУРЛИНА.

Да, нечего говорить: всѣхъ-то васъ толковѣе Адамъ Карлычъ.

РАЗОРВАКИ—беретъ Чупурлину въ сторону.

Сударыня, принимая въ васъ живѣйшее участіе, я долженъ вамъ сказать, что однажды Адамъ Карлычъ на Крестовскомъ... (*Шепчетъ ей на ухо*).

ЧУПУРЛИНА.

Какъ! возможно ли?! Какія гадости!.. Адамъ Карлычъ! Адамъ Карлычъ!.. поди-ка сюда!.. Правда, что ты однажды на Крестовскомъ?... (*Шепчетъ ему на ухо*).

ЛИБЕНТАЛЬ —съ ужасомъ.

Помилуйте, маменька! никогда на свѣтѣ!..

ЧУПУРЛИНА.

Ну, то-то; я такъ и думала!.. Видишь Ѳемистоклъ Мильтіадовичъ, это былъ не Адамъ Карлычъ. Это кто-нибудь другой.

РАЗОРВАКИ—ей.

Дѣйствительно, это, кажется, былъ Миловидовъ.

ЧУПУРЛИНА—къ Либенталю.

Ну, Адамъ Карлычъ, — коли ты понравишься Лизанькѣ, то бери ее; и дѣло съ концомъ! Поди, объяснись съ ней. Она здѣсь гдѣ-то въ саду. — Прощайте, родимые. Спасибо вамъ за честь. (*Особо къ кн. Батогъ-Батыеву*), Прощайте, князь; благодарствуйте за мыло.

Женихи уходятъ. Чупурлина останавливаетъ Разорваки.

ЧУПУРЛИНА.

Ты, батюшка, погоди немного. Я не совсѣмъ поняла, что ты мнѣ сказалъ насчетъ мозольной фабрики?

РАЗОРВАКИ.

Мозольной лечебницы!

ЧУПУРЛИНА.

Да, бишь, лечебницы!.. Какъ же это ты полагаешь?

РАЗОРВАКИ.

Очень просто!.. Во-первыхъ, я занимаю капиталъ въ триста тысячъ рублей серебромъ... (*Уходятъ разговаривая*).

ЯВЛЕНІЕ III.

ЛИБЕНТАЛЬ, потомъ ЛИЗАВЕТА.

Либенталь скачетъ нѣсколько времени молча на одной ногѣ.

ЛИБЕНТАЛЬ.

Ахъ, вотъ она!.. вотъ она!.. идетъ и несетъ цвѣты!.. Начну!

Лизавета Платоновна проходитъ съ цвѣтами, не замѣчая Либенталя.

ЛИБЕНТАЛЬ.

Лизавета Платоновна!.. Я говорю: Лизавета Платоновна!

ЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Ахъ, здравствуйте, Адамъ Карлычъ.

ЛИБЕНТАЛЬ.

Лизавета Платоновна, гдѣ вы покупаете ваши косметики?

ЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Какія это?

ЛИБЕНТАЛЬ.

Подъ этимъ словомъ я разумѣю: духи, помаду, мыло, о-делаванъ и бергамотовое масло.

ЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Въ гостиномъ дворѣ, выключая казанское мыло, которое, съ нѣкоторыхъ поръ, поставляетъ мнѣ, большею частью, князь Батогъ-Батыевъ. Но зачѣмъ вы это спрашиваете?

ЛИБЕНТАЛЬ—подойдя къ ней близко.

Затѣмъ, что отъ васъ гораздо пріятнѣе пахнетъ, нежели отъ этихъ самыхъ цвѣтовъ! (*Въ сторону*). Она засмѣялась!.. (*Ей*). Лизавета Платоновна! я сейчасъ объяснилъ дражайшей Аграфенѣ Панкратьевнѣ цѣль моей жизни и средства моего существованія!.. Я обнажилъ передъ ней—клянусь вамъ!—всю душу мою и всѣ изгибы моего чувствительнаго и стремящагося къ извѣстному предмету сердца... Я ей сказалъ о себѣ, и упомянулъ о васъ... Она выгнала всѣхъ вонъ... а мнѣ приказала идти къ вамъ. Я иду... вы сами идете!.. Безъ сомнѣнія, несравненная Лизавета Платоновна, я не смѣю даже думать объ этомъ; но Аграфена Панкратьевна мнѣ приказала...

ЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Но что же такое, Адамъ Карлычъ?

ЛИБЕНТАЛЬ.

О! я обязанъ исполнить приказаніе этой преклонной особы! И потому, собравшись съ духомъ, говорю (*падаетъ на колѣни*): Лизавета Платоновна! рѣши, душка, судьбу мою: или восхитительнымъ отвѣтомъ, или ударомъ!.. (*Поетъ, не вставая съ колѣнъ, на голосъ*; «*d'un pensiero*», изъ «*Сомнамбулы*»:)

«Елизавета, мой другъ!
«Сладкій и странный недугъ
«Переполняетъ мой духъ!
«О тебѣ все твердитъ
«И къ тебѣ все манитъ!
«Е...

ЛАКЕЙ—вбѣгая.

М-съ!.. м-съ!.. Фантазія!.. Фантазія!.. — Барышня, не видали барыниной моськи?

ЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Не видала.

ЛИБЕНТАЛЬ—вставая съ колѣнъ.

И я не видалъ.

ЛАКЕЙ—уходя.

Фантазія!.. Фантазія!.. (*Уходитъ*).

ЛИБЕНТАЛЬ.

Я продолжаю. (*Становится снова на колѣни и поетъ:*)
«Елизавета, мой другъ!
«Ну, порази же мой слухъ,
«Будто нечаянно, вдругъ,
«Словомъ пріятнымъ—супругъ!»

ЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА—тоже поетъ, продолжая мотивъ.

«Ахъ, нѣтъ, нѣтъ...

ГОРНИЧНАЯ—вбѣгая.

Фантазія!.. Фантазія!.. Барышня, барыниной моськи не видали?

ЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Не видала.

ЛИБЕНТАЛЬ—вставая съ колѣнъ.

И я не видалъ.

ГОРНИЧНАЯ—уходя.

Фантазія!.. Фантазія!.. (*Уходитъ.*)

ЛИБЕНТАЛЬ.

Вы, кажется, начали отнѣкиваться, Лизавета Платоновна?

ЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Да, я хотѣла сказать вамъ (*поетъ*):

«Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!.. я боюсь,
«Ни за что не рѣшусь!..
«Я отъ страха трясусь!..

ЛИБЕНТАЛЬ—поетъ въ сторону.

«Ахъ, какой она трусъ!

ЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

«Я боюсь, (*bis*)
«Я страшусь, (*bis*)
«Не рѣшусь! (*ter*)

ЛИБЕНТАЛЬ—поетъ въ сторону.

«Ахъ, какой она трусъ!

ЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

«Я боюсь,
«Я страшусь!..

ОБА ВМѢСТѢ.

«Она трусъ! (*ter*) Не рѣшусь! (*ter*)

ЛИБЕНТАЛЬ—опять падая на колѣни, начинаетъ пѣть.

«Е...

АКУЛИНА—вбѣгая.

Хвантазія!.. Хвантазія!.. Барышня, вѣдь у барыни моська пропала! Вы не видали?

ЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Нѣтъ, не видала.

ЛИБЕНТАЛЬ—вставая съ колѣнъ.

И я не видалъ.

АКУЛИНА.

Что ты будешь дѣлать?! Барыня изволитъ плакать; изволитъ сердиться; изъ себя выходитъ; изволитъ орать во всю глотку *): «дайте мнѣ мою моську! гдѣ моя Хвантазія!» — (*Уходя*): Хвантазія!.. А, Хвантазія!.. (*Уходитъ*).

ЛИБЕНТАЛЬ—опять становясь на колѣни.

Я продолжаю (*поетъ*):

«Елизавета, мой другъ!
«Твой неприличный испугъ
«Напоминаетъ старухъ!
«Между тѣмъ какъ любовь
«Все волнуетъ мнѣ кровь!
«Е...

*) Цензоръ вычеркнулъ „глотку“, и написалъ „горло“.
Примѣчаніе К. Пруткова.

ПОВАРЪ—вбѣгаетъ, въ колпакѣ, съ засученными рукавами, съ кастрюлей въ одной рукѣ и съ пукомъ рѣпы въ другой.

Конефузія!.. Конефузія!.. Барышня, Конефузія не съ вами?

ЛИБЕНТАЛЬ—вставая съ колѣнъ.

Ахъ, пошелъ вонъ!.. Прервалъ на рѣшительномъ мѣстѣ!

ПОВАРЪ.

Да чѣмъ же я виноватъ, что меня послали собаку искать?

ЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Я не видала.

ЛИБЕНТАЛЬ.

И я не видалъ.

ПОВАРЪ—уходя.

Конефузія!.. Конефузія!.. (*Уходитъ*).

ЛИБЕНТАЛЬ—поетъ, стоя.

«Елизавета, мой другъ!
«Ну, порази же мой слухъ,
«Будто нечаянно, вдругъ,
«Словомъ пріятнымъ —

ЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА—робко.

«Супругъ!»

ЛИБЕНТАЛЬ—падаетъ на колѣни.

Небесная Лизавета! (*Цѣлуетъ ея руку*). Эѳирное созданье!..

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ и ВСЯ ДВОРНЯ; а затѣмъ ЧУПУРЛИНА.

ЛАКЕИ, ГОРНИЧНЫЯ, КАЗАЧОКЪ, АКУЛИНА, ПОВАРЪ И КУЧЕРЪ—вбѣгаютъ съ разныхъ сторонъ, крича:

Фантазія!.. Конефузія!.. Хвантазія!..

Лизавета Платоновна и Либенталь, не замѣчая никого, смотрятъ другъ другу въ глаза съ любовью и нѣжностью. — Черезъ нѣсколько времени вбѣгаетъ Чупурлина и кричитъ громче всѣхъ.

ЧУПУРЛИНА.

Фантазія!.. Фантазія!.. не нашли!?. Дайте мнѣ мою собачку, собачонку, собачоночку!.. (*Наталкивается на повара*) Собака!.. Не видишь, куда бѣжишь? Да что это вы всѣ толчетесь на одномъ мѣстѣ? а?! Въ разныя стороны бѣгите! и непремѣнно отыщите мнѣ мою собачку!

ВСЯ ПРИСЛУГА—расходясь во всѣ стороны, кричитъ въ одинъ голосъ.

Фантазія!.. Фантазія!..

ЯВЛЕНІЕ V.

ЧУПУРЛИНА, ЛИЗАВЕТА и ЛИБЕНТАЛЬ.

ЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА И ЛИВЕНТАЛЬ—подходятъ съ обѣихъ сторонъ къ Чупурлиной и робко говорятъ вмѣстѣ.

Маменька!.. Маменька!

ЧУПУРЛИНА.

Что вамъ надобно?! Чего вы хотите отъ меня?!

ЛИВЕНТАЛЬ.

Онѣ согласны.

ЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА—Чупурлиной.

Если вы согласны,—я согласна.

ЧУПУРЛИНА.

Какъ?! Всѣ люди ищутъ мою собаку и, какъ угорѣлыя кошки, бѣгаютъ по разнымъ направленіямъ, — а вы?!.. Что вы здѣсь дѣлали?!.. (*Къ Лизаветѣ Платоновнѣ*). Вотъ твоя благодарность ко мнѣ, за всѣ мои попеченія!.. Негодная!.. выбрала время говорить мнѣ про разныя гадости *), когда я не въ духѣ, когда я плачу, терзаюсь... (*Плачетъ*). Боже мой, до чего я дожила!.. На старости лѣтъ не имѣть и Фантазіи!.. Какое горестное, какое ужасное положеніе!.. (*Обращается къ нимъ обоимъ*). Вонъ!..

ЯВЛЕНІЕ VI **).

ТѢ ЖЕ и ПРОЧІЕ ЖЕНИХИ.

Безпардонный, Миловидовъ, князь Батогъ-Батыевъ и Кутило-Завалдайскій вбѣгаютъ поспѣшно.

БЕЗПАРДОННЫЙ—съ безпокойствомъ.

Съ кѣмъ случилось?!

КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ.

Кого постигло?

КН. БАТОГЪ-БАТЫЕВЪ.

Отчего этотъ шумъ?

---

*) Цензоръ замѣнилъ слово „гадости“ словомъ „глупости“.

**) Это явленіе немного сокращено противу рукописи.

Примѣчанія К. Пруткова.

МИЛОВИДОВЪ.

Съ чего такая возня?!

РАЗОРВАКИ.

Какое бѣдствіе!

ЧУПУРЛИНА.

Вамъ что нужно?! Зачѣмъ пришли?! Что вы здѣсь забыли?!

БЕЗПАРДОННЫЙ.

Мы слышали крикъ.

КН. БАТОГЪ-БАТЫЕВЪ.

Бѣготню!

МИЛОВИДОВЪ.

Визготню!

РАЗОРВАКИ.

Суетню!

КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ.

Темныя разсужденія о фантазіи.

ЧУПУРЛИНА.

Это моя собака — Фантазія; и вовсе не темная, а свѣтло-желтая!.. Она пропала... она убѣжала... ее похитили!

ЛИВЕНТАЛЬ.

Аграфена Панкратьевна! да я сію же минуту брошусь искать вашу Фантазію!.. Могу васъ увѣрить! Я употреблю всѣ мои силы, характеръ и способности, чтобы отыскать вашу моську. Клянусь вамъ!.. (*Обращается къ Лизаветѣ Платоновнѣ*). До свиданья, Лизавета Платоновна! (*Убѣгаетъ*).

ЧУПУРЛИНА—кричитъ ему вслѣдъ.

И знай же напередъ, Адамъ ты этакой! что пока не сыщешь Фантазіи, не получишь ея руки!.. (*Обращается ко всѣмъ женихамъ*). Кто принесетъ мнѣ мою Фантазію, тотъ, въ награду, получитъ и приданое, и Лизавету! Слышите?—Я въ своемъ словѣ тверда. (*Къ Лизаветѣ Платоновнѣ*). Пошла впередъ!!. Да ну же, поворачивайся! (*Уходятъ обѣ въ домъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

ВСѢ ЖЕНИХИ, кромѣ ЛИБЕНТАЛЯ.

КН. БАТОГЪ-БАТЫЕВЪ.

Какое страшное событіе!

МИЛОВИДОВЪ.

Просто, чортъ знаетъ что!

РАЗОРВАКИ.

Неслыханныя обстоятельства!

БЕЗПАРДОННЫЙ—самъ съ собою.

Какъ иногда судьба!.. Кто знаетъ?.. Можетъ быть, теперь именно мнѣ?!.. Лизавета Платоновна!.. Боже, еслибъ это было возможно!

МИЛОВИДОВЪ.

Что-жъ думать? Пойдемъ искать моську.

КН. БАТОГЪ-БАТЫЕВЪ.

Искать моську... Легко сказать! А гдѣ ее найти? Развѣ объявить въ полиціи? Ну, да Богъ знаетъ, найдутъ ли?

КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ—въ сторону.

Онъ сомнѣвается въ полиціи!

РАЗОРВАКИ.

А если и найдетъ какой-нибудь городовой, то Аграфена Панкратьевна тутъ же за него и выдастъ воспитанницу!

ВСѢ—съ испугомъ.

Нѣтъ, нѣтъ!.. нельзя объявлять!..

РАЗОРВАКИ—самъ съ собою.

Счастливая мысль!

КН. БАТОГЪ-БАТЫЕВЪ—тоже.

Ура, придумалъ!

БЕЗПАРДОННЫЙ—тоже.

Кажется, какъ будто придумалъ!

МИЛОВИДОВЪ—тоже.

Обдумалъ!

КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ—въ сторону.

Что бы могли придумать такіе развратники?! Заранѣе краснѣю! (*Старается подслушивать*).

РАЗОРВАКИ—самъ съ собою.

Положимъ моськи не найдется... Я для Аграфены Панкратьевны достану другую собаку, гораздо лучше. Мнѣ извѣстенъ одинъ пудель... Человѣкъ служащій... То-есть, господинъ этого пуделя служащій человѣкъ, чиновникъ серьезный *), мой искренній другъ; онъ на все согласится... Я ему обрею... На

*) Цензоръ вычеркнулъ слова: „чиновникъ серьезный“.
Примѣчаніе К. Пруткова.

что ему? Онъ пустяками не занимается; съ подчиненными такой строгій *)... Оставлю только два бакенбарда, въ родѣ полумѣсяцевъ...

КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ—въ сторону.

Вотъ оно, вотъ оно!.. Заслуженному чиновнику, можетъ быть, отцу семейства,—«оставлю только два бакенбарда»!

КН. БАТОГЪ-БАТЫЕВЪ—самъ съ собою вполголоса.

У моей старой тетки, дѣвицы Непрочной **), есть собаченка не больше этой; называется: Утѣшительный. Его бы взять какъ-нибудь, да и принести Аграфенѣ Панкратьевнѣ!

КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ—въ сторону.

Это, выходитъ, онъ хочетъ обокрасть свою родную тетку?

БЕЗПАРДОННЫЙ—самъ съ собою вполголоса.

Если не найду Фантазіи,—я думаю, можно... Я видѣлъ одну моську: чрезвычайно похожа на Фантазію!.. Просили очень дорого!.. Но у меня есть порядочная бритвенница, и еще есть портретъ одного знаменитаго незнакомца: очень похожъ ***)... Все это, все это... продамъ... для Лизаветы Платоновны!..

МИЛОВИДОВЪ.

Я не стану таскаться по улицамъ за всякой дрянью! Пойду, поймаю что попадется, да и принесу старухѣ.

КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ—самъ съ собою.

Почему бы и мнѣ не попробовать? Въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго.

---

* Цензоръ вычеркнулъ слова: „съ подчиненными такой строгій“.

**) Вычеркнувъ слова: „У моей старой тетки, дѣвицы Непрочной“, цензоръ написалъ: „У моей тетки, старой дѣвицы“.

***) Слова: „очень похожъ“—цензоръ вычеркнулъ.

Примѣчанія К. Пруткова.

РАЗОРВАКИ—отводитъ Миловидова особо.

Знаете что? Чѣмъ вамъ понапрасну искать, такъ лучше... (*Шепчетъ ему на ухо.*)

МИЛОВИДОВЪ.

Оно бы не дурно! Я даже знаю одну няньку, отъ которой можно достать... Только, боюсь замѣтятъ!

РАЗОРВАКИ.

Никто не замѣтитъ, рѣшительно никто не замѣтитъ! Я готовъ присягнуть... Къ тому же я васъ поддержу. Ужъ положитесь на меня.

МИЛОВИДОВЪ.

Благодарю. Можно попробовать. Только поддержите!

РАЗОРВАКИ.

Ужъ положитесь на меня! (*Подходитъ къ остальнымъ*).

ВСѢ—поютъ, хоромъ, на голосъ: «citto, citto, piano, piano» ,—а потомъ каждый поетъ свою партію на свой особый тонъ.

Тише, тише, осторожно
Мы отселѣ побредемъ;
Если что найти возможно,
Всеконечно мы найдемъ!

РАЗОРВАКИ—въ сторону.

Совершенно я обрѣю
Эти пуделю мѣста.

КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ—тоже.

Я заранѣе краснѣю:
Будетъ всюду нагота!

КН. ВАТОГЪ-ВАТЫЕВЪ—въ сторону.

Къ теткѣ сбѣгаю нарочно *),
Буду тетку цѣловать;
Лишь бы только отъ Непрочной **)
Утѣшительнаго взять!

КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ—тоже.

Я попробую: авось-ка
Ей понравится моя?

БЕЗПАРДОННЫЙ—тоже.

Небо! дай, чтобы та моська
Походила на ея!

МИЛОВИДОВЪ—къ Разорваки.

Опасаюсь я немного,
Чтобы, съ помощью огня,
Не замѣтили подлога.

РАЗОРВАКИ—Миловидову.

Положитесь на меня!

ВСѢ—хоромъ, уходя со сцены и постепенно удаляясь.

Тише, тише, осторожно
Мы отселѣ побредемъ:
Если что́ найти возможно,
Всеконечно мы найдемъ!
Всеконечно мы найдемъ!

*) Цензоръ вычеркнулъ слово „нарочно“ и написалъ: „скорѣй“.

**) Цензоръ вычеркнулъ слова: „отъ Непрочной“, и написалъ сначала „у неѣ“, а потомъ: „повѣрнѣй“.—*Примѣчаніе К. Пруткова.*

МАЛЕНЬКІЙ АНТРАКТЪ.

Сцена нѣсколько времени пуста. Набѣгаютъ тучи. Темнѣетъ. Гроза. Дождь, вѣтеръ, молнія и громъ.—Оркестръ играетъ ту же симфонію, какъ въ «Севильскомъ цирюльникѣ», въ подобномъ же случаѣ.—Черезъ сцену пробѣгаетъ моська. Нѣсколько секундъ спустя пробѣгаетъ незнакомый бульдогъ, тщательно обнюхивая ея слѣды.—Буря утихаетъ. Полумракъ продолжается.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Входятъ одинъ за другимъ: РАЗОРВАКИ, БЕЗПАРДОННЫЙ, КН. БАТОГЪ-БАТЫЕВЪ, МИЛОВИДОВЪ, КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ.—Они завернуты въ плащи, съ надвинутыми шляпами, и не видятъ другъ друга.

РАЗОРВАКИ—таинственно.

Здѣсь кто-то есть!

БЕЗПАРДОННЫЙ—тоже.

Кто здѣсь?

МИЛОВИДОВЪ—тоже.

Я!..

КН. ВАТОГЪ-БАТЫЕВЪ—тоже.

Они здѣсь!

КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ—тоже.

Мы здѣсь!

БЕЗПАРДОННЫЙ—тоже.

Съ моською?

МИЛОВИДОВЪ—тоже.

Безъ моськи!

КН. БАТОГЪ-БАТЫЕВЪ — таинственно.

Безъ моськи.

РАЗОРВАКИ — тоже.

Безъ моськи!

БЕЗПАРДОННЫЙ — въ сторону.

Благодарю тебя, природа!.. Они безъ мосекъ!

КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ — тоже.

Они безъ мосекъ!

МИЛОВИДОВЪ — громко.

Господа! чего секретничать?! Моськи не нашли, такъ ужъ вѣрно что-нибудь другое принесли?

ВСѢ — таинственно и поочередно.

Принесъ!.. Принесъ!.. Принесъ!.. Принесъ!..

РАЗОРВАКИ — ко всѣмъ.

Покажемъ при Аграфенѣ Панкратьевнѣ.

БЕЗПАРДОННЫЙ.

Меня безпокоитъ одна мысль.— Вотъ это какая мысль... Какъ бы это выразить точнѣе? Мы всѣ... безъ Фантазіи: ну, а если Адамъ Карлычъ съ Фантазіей?

КН. БАТОГЪ-БАТЫЕВЪ.

Да, оно немножко страшно. Онъ человѣкъ бойкій; пожалуй, найдетъ!

КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ.

Да, онъ человѣкъ вотъ какой! (*Свиститъ*).

МИЛОВИДОВЪ.

Дрянь! А все-таки страшно!

РАЗОРВАКИ.

Ничуть не страшно. Главное—не унывать. Чѣмъ онъ страшнѣе насъ? Вы думаете, потому что онъ вотъ этакъ вертитъ, такъ, ужъ и Богъ знаетъ что? Вздоръ, вздоръ! Онъ такой же человѣкъ, какъ и мы. Я его давно знаю, могу совершенно описать его характеръ;—слушайте *(поетъ)*:

Либенталь не спѣсивъ,
Аккуратенъ, учтивъ,
Точенъ;
Но охотникъ солгать,
Да и любитъ болтать
Очень!

ХОРЪ—повторяетъ.

Очень!

РАЗОРВАКИ.

Онъ молчать не привыкъ,
И свой держитъ языкъ
Слабо.
Скоро такъ говоритъ,
Какъ на рынкѣ пищитъ
Баба.

ХОРЪ— повторяетъ.

Баба!

РАЗОРВАКИ.

Судитъ онъ, въ простотѣ,
О своей красотѣ
Гордо.

КН. БАТОГЪ-БАТЫЕВЪ — таинственно.

Безъ моськи.

РАЗОРВАКИ — тоже.

Безъ моськи!

БЕЗПАРДОННЫЙ — въ сторону.

Благодарю тебя, природа!.. Они безъ мосекъ!

КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ — тоже.

Они безъ мосекъ!

МИЛОВИДОВЪ — громко.

Господа! чего секретничать?! Моськи не нашли, такъ ужъ вѣрно что-нибудь другое принесли?

ВСѢ — таинственно и поочередно.

Принесъ!.. Принесъ!.. Принесъ!.. Принесъ!..

РАЗОРВАКИ — ко всѣмъ.

Покажемъ при Аграфенѣ Панкратьевнѣ.

БЕЗПАРДОННЫЙ.

Меня безпокоитъ одна мысль.—Вотъ это какая мысль... Какъ бы это выразить точнѣе? Мы всѣ... безъ Фантазіи: ну, а если Адамъ Карлычъ съ Фантазіей?

КН. БАТОГЪ-БАТЫЕВЪ.

Да, оно немножко страшно. Онъ человѣкъ бойкій; пожалуй, найдетъ!

КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ.

Да, онъ человѣкъ вотъ какой! (*Свиститъ*).

МИЛОВИДОВЪ.

Дряны! А все-таки страшно!

РАЗОРВАКИ.

Ничуть не страшно. Главное—не унывать. Чѣмъ онъ страшнѣе насъ? Вы думаете, потому что онъ вотъ этакъ вертитъ, такъ, ужъ и Богъ знаетъ что? Вздоръ, вздоръ! Онъ такой же человѣкъ, какъ и мы. Я его давно знаю, могу совершенно описать его характеръ;—слушайте *(поетъ)*:

Либенталь не спѣсивъ,
Аккуратенъ, учтивъ,
Точенъ;
Но охотникъ солгать,
Да и любитъ болтать
Очень!

ХОРЪ—повторяетъ.

Очень!

РАЗОРВАКИ.

Онъ молчать не привыкъ,
И свой держитъ языкъ
Слабо.
Скоро такъ говоритъ,
Какъ на рынкѣ пищитъ
Баба.

ХОРЪ— повторяетъ.

Баба!

РАЗОРВАКИ.

Судитъ онъ, въ простотѣ,
О своей красотѣ
Гордо.

И вполнѣ убѣжденъ,
Что предъ нимъ Аполлонъ
Морда!

ХОРЪ—повторяетъ.

Морда!

РАЗОРВАКИ.

Онъ искусенъ во всемъ,
И ему нипочёмъ
Полька;
А до дѣла дойдетъ,
Лишь колѣнки согнетъ,—
Только!

ХОРЪ—повторяетъ.

Только!

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ и вся ДВОРНЯ, входящая, съ разныхъ сторонъ, съ фонарями.—Сцена освѣщается отъ огня этихъ фонарей.

ДВОРНЯ—каждый спрашиваетъ другого.

Нашелъ Фантазію? Нашелъ Хвантазію? Гдѣ Конефузія? Не нашелъ Фантазіи? Хвантазіи не видалъ? Конефузіи нѣтъ?

Увидя женихов, вся дворня отходитъ на задній планъ сцены, гдѣ останавливается и остается тамъ все время освѣщая сцену фонарями.

РАЗОРВАКИ—къ остальнымъ женихамъ.

Слышите, господа? Фантазіи не нашли! Стало быть, мы можемъ надѣяться! Побѣда за нами!..

ВСѢ ЖЕНИХИ.

Побѣда! побѣда! Моськи не нашли!.. (*Поютъ хоромъ, на голосъ*: «*La trompette guerrière*»:

Тріумфъ, тріумфъ, тріумфъ, тріумфъ!..
Гопъ, гопъ; гопъ, ай, люли!..
Собаки, собаки, собаки не нашли!
Собаки, собаки, собаки не нашли!
Не нашли!
Не нашли!
Не нашли, не нашли, не нашли, не нашли!..
Ай, люли!

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ и ЧУПУРЛИНА съ ЛИЗАВЕТОЙ, выбѣгающія изъ крыльца дома.

ЧУПУРЛИНА.

Что̀ это? что̀ это? Нашли Фантазію? Гдѣ она? гдѣ она?

МИЛОВИДОВЪ.

Не нашли моськи!

ЧУПУРЛИНА.

Ахъ ва̀рвары!

РАЗОРВАКИ.

Кое-что принесъ получше моськи.

ЧУПУРЛИНА.

Лучше Фантазіи?—Ва̀рвары!

КН. ВАТОГЪ-БАТЫЕВЪ.

Будетъ гораздо пріятнѣе.

ЧУПУРЛИНА.

Какую-нибудь дрянь?

КН. БАТОГЪ-БАТЫЕВЪ.

Она не знаетъ, что̀ говоритъ, и легкомысленно порочитъ Утѣшительнаго.

БЕЗПАРДОННЫЙ.

Право, будетъ почти такъ же хорошо.

МИЛОВИДОВЪ.

Будетъ почище!

ЧУПУРЛИНА—къ Разорваки.

Покажи, батюшка, что̀ у тебя?

РАЗОРВАКИ—скидывая съ себя шинель и показывая пуделя.

Вотъ что̀!

ЧУПУРЛИНА.

Что̀ это, батюшка?! скорѣе на барана похоже!.. Ну, видано ли, слыхано ли, чтобы этакое могло стоить Фантазіи?! Фу! Право, сказала бы неприличное слово, да въ пятницу *) какъ-то совѣстно!.. А какъ его зовутъ, батюшка?

РАЗОРВАКИ.

Космополитъ, сударыня!

ЧУПУРЛИНА.

Чѣмъ палитъ?

РАЗОРВАКИ.

Ничѣмъ; просто: Космополитъ.

*) Цензоръ вычеркнулъ слово: „въ пятницу“.

Примѣчаніе К. Пруткова.

ЧУПУРЛИНА.

А штуки дѣлаетъ?

РАЗОРВАКИ.

Дѣлаетъ разныя штуки. Хотите, сударыня, онъ вамъ вскочитъ на шею и стащитъ съ васъ чепчикъ?

ЧУПУРЛИНА.

Нѣтъ, не хочу. Вотъ, выдумалъ что! На какую пакость вышколилъ своего... Какъ, бишь, его?

РАЗОРВАКИ.

Космополитъ, сударыня!

ЧУПУРЛИНА.

Своего... пуделя! *(Обращается къ кн. Батогъ-Батыеву).* Ну, а у тебя что?

КН. БАТОГЪ-БАТЫЕВЪ—скидывая съ себя шинель и показывая весьма маленькую собачонку.

А у меня вотъ что! Извѣстный Утѣшительный, принадлежащій родной моей тетушкѣ, дѣвицѣ Непрочной *).

ЧУПУРЛИНА.

Постой, батюшка: дай очки одѣть... Экой мелкій!.. Какъ зовутъ?

КН. БАТОГЪ-БАТЫЕВЪ.

Утѣшительный.

ЧУПУРЛИНА **).

А какой породы?

---

*) Слова: „дѣвицѣ Непрочной"—вычеркнуты цензоромъ.

**) Этого вопроса Чупурлиной и отвѣта на него кн. Батогъ-Батыева не оказывается въ театральной рукописи.—*Примѣчанія К. Пруткова.*

КН. БАТОГЪ-БАТЫЕВЪ.

Мужеской, сударыня.

ЧУПУРЛИНА.

Штуки дѣлаетъ?

КН. БАТОГЪ-БАТЫЕВЪ.

Бываетъ-съ... Большею частью на креслахъ *).

ЧУПУРЛИНА.

Немножко маловатъ. Вотъ хоть бы настолько былъ побольше... *(Обращаясь къ Кутилъ-Завалдайскому).* Ну, а у тебя что?

КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ—скидывая съ себя шинель, показываетъ датскую собаку съ намордникомъ.

Самая чистѣйшая моська!

ЧУПУРЛИНА.

Что это за уродъ?! Да какъ ты смѣлъ съ этимъ приступать ко мнѣ?—Развѣ бываютъ этакія моськи?

КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ.

Сударыня, смѣю васъ увѣрить, что это самая наичистѣйшая моська! Вамъ, можетъ быть, странно, что она такая большая? Но на это я вамъ доложу, что между моськами бываютъ большія и маленькія, какъ между людьми. Вотъ, напримѣръ, князь Батогъ-Батыевъ малъ; а г-нъ Миловидовъ и г-нъ Разорваки велики; между тѣмъ они всѣ трое—люди. Такъ точно и моськи!

---

*) Словъ: „Большею частью на креслахъ“—недостаетъ въ театральной рукописи.—*Примѣчаніе К. Пруткова.*

ЧУПУРЛИНА.

Дичь, дичь!—ты говоришь дичь, батюшка!.. Князь и Миловидовъ—совсѣмъ другое! А какъ зовутъ твою уродину?

КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ.

Фифи, сударыня.

ЧУПУРЛИНА.

Штуки дѣлаетъ?

КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ.

Въ пять минутъ съѣдаетъ десять фунтовъ говядины, давитъ волковъ, снимаетъ шляпы и поливаетъ цвѣты *).

ЧУПУРЛИНА.

Дичь, дичь!.. На что́ мнѣ этакая собака? У меня есть садовникъ **). *(Обращается къ Миловидову).* Ну, а ты, батюшка?

МИЛОВИДОВЪ—скидываетъ съ себя шинель и показываетъ большую игрушечную собаку, въ шерсти, съ механикой.

Вотъ мое!—Смотрите только издали!

ВСѢ.

Что́ это?! что́ это?!

ЧУПУРЛИНА.

Что́ это? никакъ игрушка?

МИЛОВИДОВЪ.

Подберите фалды!..Смотрите издали!..

*) Цензоръ вычеркнулъ слова: „поливаетъ цвѣты“.

**) Слова: „у меня есть садовникъ“—тоже вычеркнуты цензоромъ.

Примѣчанія К. Пруткова.

ЧУПУРЛИНА.

Что ты, съ ума сошелъ?

МИЛОВИДОВЪ.

Говорю вамъ: подберите фалды!.. Онъ золъ до чрезвычайности.

ЧУПУРЛИНА.

Фуй, какія гадости!.. *) Фуй!.. Игрушка!..

МИЛОВИДОВЪ.

Нѣтъ, не игрушка, а моська!.. И имя не игрушечье, а собачье,—называется Венеръ!

ЧУПУРЛИНА.

Ахъ, ты безстыдникъ! **) Да какъ у тебя языкъ поворотился говорить этакое! ***)

МИЛОВИДОВЪ.

Что?! Небось на попятный дворъ! Какъ получила моську, такъ Лизаветы жаль стало?! Нѣтъ, братъ, атанде!—Вотъ тебѣ Фантазія, давай Лизавету! (*Потихоньку къ Разорваки*). Да ну-же, поддерживайте!

РАЗОРВАКИ—громко.

Игрушка! просто игрушка!

ВСѢ—кромѣ Миловидова.

Просто игрушка!.. Какая Фантазія!.. Какая Фантазія!.. Просто игрушка!

---

*) Цензоръ вычеркнулъ слово: „гадости", написалъ: „глупости".

**) Слова: „Ахъ, ты безстыдникъ"—вычеркнуты цензоромъ.

***) Вмѣсто слово „этакое", цензоръ написалъ: „этакой вздоръ".

Примѣчанія К. Пруткова.

МИЛОВИДОВЪ.

Ну, положимъ, игрушка! Эка бѣда!.. Развѣ я какой взяточникъ, чтобъ на живыхъ собакъ деньги тратить?. (*Отводитъ Разорваки въ сторону*). А вѣдь это подло!.. вы же присовѣтовали!

ЧУПУРЛИНА.

Прочь, прочь!.. (*Къ Безпардонному*). Ну, батюшка, вы что!

БЕЗПАРДОННЫЙ—молча, изъ подъ шинели, показываетъ ей моську.

ЧУПУРЛИНА.

Ахъ, Боже мой!.. Да это ужъ не она ли?! Она!.. Она!.. Фантазія?

БЕЗПАРДОННЫЙ.

Нѣтъ, не она... но... (*Съ чувствомъ подавая ей моську*). Аграфена Панкратьевна!..

ЧУПУРЛИНА.

Не она?!.. Врешь!.. Да какъ же она похожа на нее!.. двѣ капли воды моя Фантазія!.. Благодѣтель мой,—ты согласенъ мнѣ отдать ее?

БЕЗПАРДОННЫЙ—дрожа.

Съ у... съ у... съ удовольствіемъ! (*Отдаетъ ей моську*).

ЧУПУРЛИНА.

Родной ты мой! (*Цѣлуетъ моську и плачетъ*). Такъ вотъ же, возьми: вотъ тебѣ Лизанька моя!

БЕЗПАРДОННЫЙ—задыхаясь отъ радости.

Что... что... что... что я слышу?

ЧУПУРЛИНА.

Ты, вѣрно, дружокъ, на ухо тугъ. (*Кричитъ ему на ухо*). Говорю: ты подарилъ мнѣ собаку, а я дарю тебѣ Лизаньку, съ приданымъ!

БЕЗПАРДОННЫЙ.

Аграфена... Лизавета... Агра... Агравета!.. Лизафена!..

ЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Маменька!.. вы шутите?

ЧУПУРЛИНА.

Я шучу?.. Съ чего ты это взяла?! Что ты ослѣпла, что-ли?! Али въ разсудкѣ помѣшалась?.. Ты видишь это или нѣтъ? (*Показываетъ ей моську*). Взявши собаку, мой первый и священный долгъ *)—отдать тебя.

ЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Маменька,—это безразсудно!..

ЧУПУРЛИНА.

Ты еще ругаешься?!..

ЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА—становясь передъ нею на колѣни.

Маменька!..

БЕЗПАРДОННЫЙ—подходитъ къ Лизаветѣ Платоновнѣ и тоже становится возлѣ нея на колѣни.

Лизавета Платоновна!.

*) Цензоръ вычеркнулъ слово „священный“.

Примѣчаніе К. Пруткова.

ЧУПУРЛИНА—къ Лизаветѣ Платоновнѣ.

Оставь меня! (*Указываетъ ей на Безпардоннаго*). Слушай, что онъ тебѣ говоритъ.

ЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА

Послушайте!.. все зависитъ отъ васъ!—откажитесь отъ меня!.. Вы человѣкъ благородный!.. Я васъ знаю!.. Откажитесь отъ меня!.. Умоляю, заклинаю васъ!

БЕЗПАРДОННЫЙ

говорятъ другъ другу одновременно, стоя на колѣняхъ.

Послушайте!.. все зависитъ отъ васъ;—не отказывайтесь отъ меня!.. Вы добры, какъ ангелъ!.. Я васъ знаю!.. Не отказывайтесь отъ меня!.. Умоляю, заклинаю васъ!

ЧУПУРЛИНА.

Ну, перестань, Лизанька! Ты и меня растрогала... я сама плачу!

Становится сзади ихъ на колѣни и плачетъ. Все прочіе тоже преклоняютъ колѣни и вынимаютъ носовые платки.

ЧУПУРЛИНА—благословляя Лизаньку и Безпардоннаго.

Будьте счастливы... благословляю васъ!.. (*Обращается къ моську*). Мосинька моя!.. Мосинька!

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ и ЛИБЕНГАЛЬ.

ЛИБЕНТАЛЬ—за сценой кричитъ, приближаясь.

Нашелъ! Нашелъ! Нашелъ!

Всѣ, оставаясь на колѣняхъ, перестаютъ плакать и слушаютъ внимательно.

ЛИБЕНТАЛЬ.

Не надо!.. не надо!.. Она опомнилась! она очнулась! (*Лизавета Платоновна встаетъ, Либенталь ее поддерживаетъ*).

Миловидовъ, кн. Батогъ-Батыевъ, Разорваки и Кутило-Завалдайскій выливаютъ, изъ своихъ шляпъ и фуражекъ, воду на Безпардоннаго, который все это время стоялъ на колѣняхъ. Безпардонный вскакиваетъ.

ЧУПУРЛИНА—Безпардонному.

Ну, батюшка! твоя собачка только похожа на мою; а эта—моя настоящая, Фантазія! Прощай! Ты болѣе не нуженъ ни мнѣ, ни Лизѣ! Пошелъ вонъ!.. (*Обращается къ Лизѣ и Либенталю*). А васъ, милыя дѣти, я благословляю. Будьте счастливы и благополучны; размножайтесь и любите какъ себя взаимно, такъ и своихъ будущихъ многочисленныхъ дѣтей,—точно такъ же, какъ я люблю свою Фантазію. (*Цѣлуетъ моську*). Теперь пойдемъ домой. (*Уходитъ съ Либенталемъ и Лизой*).

Разорваки, Миловидовъ, Безпардонный, кн. Батогъ-Батыевъ и Кутило-Завалдайскій слѣдуютъ за ними, гуськомъ.

ЧУПУРЛИНА—оборачивается.

А вамъ что̀ нужно?

РАЗОРВАКИ—ей.

Не кричите!

ЧУПУРЛИНА.

Стыдись, старикъ!

МИЛОВИДОВЪ.

Старуха, не школьничай!

КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ.

Поправьте чепецъ!..

КН. БАТОГЪ-БАТЫЕВЪ.

Не получишь болѣе *) мыла отъ меня ни вотъ столько! **)

БЕЗПАРДОННЫЙ.

Богъ съ вами!

ЧУПУРЛИНА—обращаясь къ прислугѣ, стоящей съ фонарями.

Эй, пошлите за полиціей!.. Жандармовъ приведите сюда, побольше и посильнѣе! ***) (*Прислуга поспѣшно уходитъ*).

РАЗОРВАКИ.

Мы сами не намѣрены здѣсь оставаться!

МИЛОВИДОВЪ.

Я только не хочу рукъ марать!

КН. БАТОГЪ-БАТЫЕВЪ.

И старое-то мыло назадъ отыму!

КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ.

Прикройте шею!

БЕЗПАРДОННЫЙ.

Богъ съ вами, вы измѣнили мнѣ!

---

*) Здѣсь цензоръ прибавилъ слова: „въ подарокъ".

**) А тутъ цензоръ вычеркнулъ слова: „ни вотъ столько".

***) Слова: „Жандармовъ приведите сюда, побольше и посильнѣе!"—цензоръ вычеркнулъ.—*Примѣчанія К. Пруткова.*

РАЗОРВАКИ—къ прочимъ женихамъ.

Провожая эту старуху, споемте ей, господа, куплеты, подобные тѣмъ, которыми давеча ее встрѣчали, да только въ обратномъ смыслѣ.

ВСѢ—кромѣ Безпардоннаго, поютъ, хоромъ, на тотъ же голосъ, какъ въ началѣ. Разорваки начинаетъ.

Аграфена!
Намъ измѣна
Не страшна; (*bis*)
Хоть и предъ тобою
Не чернѣй душою
Сатана!
Сатана!

РАЗОРВАКИ.

Мы васъ знаемъ!

КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ.

Обижаемъ!

КН. ВАТОГЪ-БАТЫЕВЪ.

Презираемъ!

МИЛОВИДОВЪ.

И пугаемъ!

КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ.

И ругаемъ!

ВСѢ—кромѣ Безпардоннаго, хоромъ.

Каждый часъ!
Каждый часъ!

РАЗОРВАКИ.

Вы на насъ кричите
И всѣхъ насъ браните!

ВСѢ—кромѣ Безпардоннаго, хоромъ.

А мы васъ!
А мы васъ!

При послѣднихъ словахъ, Чупурлина, Лиза и Либенталь входятъ въ домъ, а Разорваки, Миловидовъ, Кутило-Завалдайскій и кн. Батогъ-Батыевъ оканчиваютъ куплеты безъ нихъ, затѣмъ плюютъ вслѣдъ Чупурлиной и сами уходятъ, какъ и Безпардонный, въ противоположную сторону; но Кутило-Завалдайскій остается, осторожно отойдя на задній планъ.

ЯВЛЕНІЕ XII.

КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ—осматривается и, видя, что никого уже нѣтъ на сценѣ, подходитъ къ рампѣ и обращается въ оркестръ.

Господинъ контръ-басъ!.. Пстъ!.. пстъ!.. Господинъ контръ-басъ, одолжите афишку! (*Принимаетъ афишу, поданную ему изъ оркестра*). Весьма любопытно видѣть: кто авторъ этой пьесы! (*Смотритъ въ афишу*). Нѣтъ!.. Имени не выставлено!.. Это значитъ—осторожность! Это значитъ—совѣсть не чиста!.. А долженъ быть человѣкъ самый безнравственный! Я, право,

не понимаю даже—какъ дирекція могла допустить такую пьесу? *)—Это очевидная пасквиль?.. **) Я, по крайней мѣрѣ, тѣмъ доволенъ, что, съ своей стороны, не позволилъ себѣ никакой неприличности, несмотря на всѣ старанія автора. Ужъ чего мнѣ суфлеръ не подсказывалъ!.. То-есть, еслибъ я хоть разъ повторилъ громко, что̀ онъ мнѣ говорилъ, всѣ бы изъ театра вышли вонъ! Но я, на зло̀ ему, говорилъ все противное! Онъ мнѣ шепчетъ одно, а я говорю другое. И прочіе актеры тоже совсѣмъ другое говорили; отъ этого и пьеса вышла немного лучше. А то нельзя было-бъ играть! Такой, право, нехорошій сюжетъ!.. Ужъ будто нельзя было выбрать другого? ***)—Напримѣръ, что вотъ тамъ одинъ молодой человѣкъ любитъ одну дѣвицу... ихъ родители соглашаются на бракъ, и въ то время, какъ молодые идутъ по корридору, изъ чулана выходитъ тѣнь прабабушки и мимоходомъ ихъ благословляетъ! — Или, вотъ что̀ намедни случилось, послѣ венгерской войны ****): что одинъ офицеръ, будучи обрученъ съ одною дѣвицей, отправился съ отрядомъ одного очень хорошаго генерала и былъ раненъ пулею въ носъ. Потомъ пуля заросла. И когда кончилась война, онъ возвратился въ Вышній-Волочокъ *****) и обвѣнчался съ своей невѣстой... Только ужъ ночью, когда они остались вдвоемъ, онъ—по извѣстному обычаю—хотѣлъ подойти къ ручкѣ жены своей... неожиданно чихнулъ... пуля вылетѣла у него изъ носу и убила жену наповалъ!.. Вотъ это называется сюжетъ!.. Оно и нравственно, и назидательно, и есть драматическій эффектъ! (*Занавѣсъ начинаетъ опускаться*).

---

*) Цензоръ вычеркнулъ слова: „какъ дирекція могла допустить“ и написалъ „какъ можно было выбрать“.

**) Слова: „Это очевидная пасквиль“—вычеркнуты цензоромъ.

***) Вмѣсто словъ: „выбрать другого“, цензоръ написалъ: „придумать что̀-либо получше“.

****) Указаніе: „послѣ венгерской войны“—цензоръ вычеркнулъ.

*****) Названіе города: „Вышній-Волочокъ“ — вычеркнуто цензоромъ.

Примѣчанія К. Пруткова.

Или тамъ еще: что одинъ золотопромышленникъ, будучи чрезвычайно строптиваго характера... (*Занавѣсъ опустился. Кутило-Завалдайскій, не замѣчая, остался впереди*)... поѣхалъ, въ новый годъ, съ поздравленьемъ, вмѣсто того, чтобы къ одному, — къ другому...

Оркестръ прерываетъ слова Кутила-Завалдайскаго. Онъ конфузится, замѣтивъ, что занавѣсъ опущенъ; раскланивается съ публикою и уходитъ.

II.

БЛОНДЫ.

Драматическая пословица въ одномъ дѣйствіи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Князь.
Княгиня.
Баронъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, въ салонѣ княгини.

Театръ представляетъ чрезвычайно богатую комнату, оклеенную голубыми штофами, съ чрезвычайно красивыми золотыми разводами; на задней стѣнѣ висятъ фамильные портреты, обдѣланные въ деревянныя, ярко-позолоченныя рамки; по обѣимъ сторонамъ ихъ, на полкахъ орѣховаго дерева, размѣщены различныя статуэтки; а посреди, надъ портретами, большая японская ваза. На авансценѣ, съ правой стороны, огромный мягкій диванъ; передъ нимъ мягкій коверъ и круглый столъ, изъ краснаго дерева, а по бокамъ его три мягкія кресла; столъ покрытъ богатой салфеткой; на ней вышитый поддонникъ, съ большой солнечной лампой, два серебряные большіе колокольчика, кучи газетъ и конвертовъ. Съ лѣвой стороны, немного въ углубленіи, небольшой столикъ, накрытый на три персоны; на немъ серебряное дежё, немного хрусталя и вообще разныя прихоти этого рода. Остальная часть сцены загромождена чрезвычайно богатою мебелью, разбросанною въ артистическомъ безпорядкѣ. На спинкахъ вездѣ анти-макасары. Въ комнатѣ очень много зажженныхъ свѣчъ. При поднятіи занавѣса сцена пуста.

ЯВЛЕНІЕ I.

КНЯГИНЯ, чрезвычайно богато одѣтая, выходитъ изъ правой, боковой двери, держа въ одной рукѣ чашку шоколада, въ другой—большую гравюру.

КНЯГИНЯ—къ двери, изъ коей вышла.

Очень, очень мило!.. *(Къ публикѣ).* Прошу покорно, скоро ужъ двѣнадцать часовъ, а его нѣтъ, и вѣрно опять пріѣдетъ, не исполнивъ моей коммиссіи!.. Хорошо; будете раскаиваться, мой милый Serge! (*На лицѣ ея написано волненіе; она судорожно мѣшаетъ шоколадъ, садится и продолжаетъ послѣ небольшого молчанія*). Впрочемъ, на что я жалуюсь? Это общая участь всѣхъ насъ: пока мы въ дѣвицахъ, за нами ухаживаютъ, намъ обѣщаютъ многое, а потомъ... (*Смотрится въ зеркало*). Неужто я уже подурнѣла? О, нѣтъ! за мной же очень многіе волочатся; и право, если мой Serge будетъ продолжать такъ вести себя, то—grenez garde. (*Опять обращается къ той двери, изъ которой вышла, и грозитъ пальцемъ руки, въ которой держитъ гравюру*). Боже мой, что-жъ это онъ не ѣдетъ!..

Раздается звонокъ на лѣстницѣ: князь, не замѣчаемый княгиней, поспѣшно вбѣгаетъ въ среднюю дверь; останавливается на короткое время, приложивъ мизинецъ къ губамъ, потихоньку кладетъ шляпу на стулъ, снимаетъ перчатки и, потирая руки, подкрадывается на цыпочкахъ къ княгинѣ. Онъ лѣтъ тридцати-пяти, съ длинными волосами, взбитыми на вискахъ въ букли, съ очень большими, но коротко подстриженными бакенбардами и съ лорнетомъ въ глазу; на немъ черный фракъ, черный галстукъ, бѣлый атласный жилетъ съ серебрянымъ шитьемъ, лаковые сапоги и желтыя перчатки.

ЯВЛЕНІЕ II.

КНЯЗЬ, подкравшись сзади къ княгинѣ, вдругъ закрываетъ ей глаза руками.

КНЯГИНЯ.

Ахъ!.. Ахъ!..

КНЯЗЬ—иронически.

Давно ли, ваше сіятельство, начали вы пугаться моего появленія?

КНЯГИНЯ—съ неудовольствіемъ, передергивая плечами.

Ахъ, какъ это мило!.. Я, право, не понимаю, откуда вы берете такія странныя привычки? Гдѣ эти образцы!

КНЯЗЬ—обиженный.

Опять съ упрекомъ! Неужели, mon ange, ты думаешь, что я дѣлаю это нарочно? Нельзя же мнѣ перемѣнить себя!

КНЯГИНЯ.

А очень бы не мѣшало! Взгляните, на что вы похожи! Ну, скажите на милость, гдѣ вы могли видѣть, чтобы человѣкъ хорошаго тона, скажу — человѣкъ порядочный, такъ невѣжливо обращался съ дамой!

КНЯЗЬ—обиженно.

Не помню, удавалось ли мнѣ это видѣть; но я въ этомъ не нахожу ничего предосудительнаго.

КНЯГИНЯ—въ сердцахъ.

Послушай, князь, ты меня выводишь изъ терпѣнія; я вижу, тебѣ пріятно сердить меня!

КНЯЗЬ.

Напротивъ, мнѣ такъ кажется, что это вамъ доставляетъ большое удовольствіе!

КНЯГИНЯ—поспѣшно выпивая остатокъ шоколада.

Положимъ, такъ; я не хочу противорѣчить, потому что это завлекло бы насъ слишкомъ далеко... Перемѣнимъ матерію: скажите, гдѣ вы были?

КНЯЗЬ—разсѣянно.

Я?

КНЯГИНЯ—всматриваясь въ него.

Да, вы.

КНЯЗЬ.

Въ гостяхъ, у одной знакомой.

КНЯГИНЯ—съ упрекомъ,

Кокетникъ!.. Ну, а что мои блонды?

Въ это время баронъ, вошедшій безъ доклада, прячется за портьеру, изъ-за которой по временамъ выглядываетъ въ продолженіе разговора.

ЯВЛЕНІЕ III.

КНЯЗЬ—съ замѣшательствомъ.

Блонды? да! я... я... (*Въ сторону.*) Что ей сказать? Вѣдь деньги я проигралъ въ клубѣ!..

КНЯГИНЯ—смотря на него со вниманіемъ.

Князь! я вижу, вы въ волненьи?

КНЯЗЬ.

Отнюдь! Это вамъ показалось... Я просто усталъ... Я даже очень усталъ!.. Я даже чувствую, какъ ноги мои рѣшительно начинаютъ мнѣ измѣнять!..

КНЯГИНЯ—съ проницательностью.

Князь, вы меня обманываете, и очень неискусно. Взгляните на меня: не знаю, почему, но мнѣ кажется, что мои догадки справедливы!..

КНЯЗЬ—перемѣняя тонъ.

Vous me soupçonnez, madame?

КНЯГИНЯ.

Oui, monsieur!

КНЯЗЬ—складывая руки на груди и медленно подходя къ княгинѣ.

Нельзя ли указать мнѣ этотъ поводъ?! Мнѣ кажется, чтобы подозрѣвать кого-нибудь и въ чемъ-нибудь, надо имѣть достаточные резоны! Вы меня оскорбляете, княгиня, и я требую объясненія вашихъ резоновъ!.. (*Княгиня молчитъ, разсматривая гравюру*). Княгиня, я жду!..

КНЯГИНЯ—съ притворной разсѣянностью.

Какъ хорошо нынче гравируютъ въ Англіи!

КНЯЗЬ—подходя еще ближе.

Княгиня, подозрѣніемъ своимъ вы разбудили въ груди моей змѣю, давнымъ-давно уснувшую! Я стражду, я мучусь, я требую объясненія!

КНЯГИНЯ—попрежнему.

Какъ мило вышли складки на герцогининомъ платьѣ!

КНЯЗЬ—пораженный.

Она не слушаетъ меня! Она, кажется, рѣшительно не думаетъ обо мнѣ, будто меня и вовсе нѣтъ въ этой горницѣ!.. Хорошо, отплачу ей тѣмъ же!.. (*Садится за столъ и начинаетъ ужинать.*) Какія прекрасныя котлеты!

КНЯГИНЯ—вслушиваясь и недовѣрчиво обводя зрителей глазами, — къ публикѣ.

Что они говорятъ?

КНЯЗЬ.

Княгиня, вы что-то сказали?

КНЯГИНЯ.

Да! Меня удивляетъ ваше поведеніе: наговоривъ мнѣ кучу дерзостей, вы, противу всякихъ правилъ, позволили себѣ сѣсть за ужинъ одни, не дожидаясь меня!..

КНЯЗЬ—продолжая ѣсть.

Но разсудите сами, кто кого затронулъ? Вы первая оскорбили меня подозрѣніемъ!

КНЯГИНЯ.

Положимъ, такъ; но я не садилась одна ужинать, а имѣла, кажется, болѣе на это права.

КНЯЗЬ—вставая.

Это почему?

КНЯГИНЯ.

Прежде всего, я—женщина. Потомъ, какъ видно, блонды опять не куплены. А наконецъ, вы забыли тонъ человѣка хорошаго общества: вы позволили себѣ невѣжливо говорить со мною,—что совершенно не годится.

КНЯЗЬ.

Нельзя ли безъ нравоученій! Къ тому же, я, право, не знаю, о какихъ вы говорите блондахъ?..

КНЯГИНЯ.

Пожалуйста, оставьте ваши шутки; онѣ теперь совсѣмъ не къ мѣсту!

КНЯЗЬ.

Я вовсе не шучу, а говорю, что̀ чувствую. Повторяю вамъ: я рѣшительно не знаю, о какихъ вы говорите блондахъ?!

КНЯГИНЯ—въ справедливомъ негодованіи.

Какъ! Вы отрекаетесь отъ своего обѣщанія? Нѣтъ, это уже слишкомъ! Это уже просто ни на что̀ не похоже!

КНЯЗЬ.

Мудрено отрекаться отъ того, чего никогда не обѣщалъ!

КНЯГИНЯ.

Это ужъ неблагородно! Это даже гадко!.. Значитъ, у васъ нѣтъ правилъ!

КНЯЗЬ—обиженный.

Princesse!

КНЯГИНЯ.

Prince!

КНЯЗЬ.

Вы, кажется, начинаете браниться?!

КНЯГИНЯ.

Я не бранюсь, а говорю печальную истину.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Нѣтъ, не купилъ!

[illegible]

Нѣтъ, купите, купите!..

Въ это время баронъ, стоявшій за портьерой, роняетъ стулъ, на которомъ лежала шляпа князя, и поспѣшно убѣгаетъ: шляпа подкатывается къ ногамъ княгини: князь и княгиня въ испугѣ оборачиваются.

ЯВЛЕНІЕ IV.

КНЯГИНЯ—хочетъ оттолкнуть шляпу.

КНЯЗЬ—бросается къ ней.

Оставьте мою шляпу!.. Это моя шляпа!..

Подымаетъ ее съ сердцемъ и бросаетъ на столъ, накрытый для ужина.

КНЯГИНЯ—послѣ небольшого молчанія.

Отчего упало это сафьянное стуло?

КНЯЗЬ.

А я почемъ знаю!.. (*Подходитъ къ столу, на которомъ накрытъ ужинъ*). Я вижу только, что эта глупая шляпа испортила прекрасное фрикасе... (*Разсматриваетъ кушанья*). Какой чудный фасоль!

КНЯГИНЯ—недовѣрчиво, къ публикѣ.

Что́ они говорятъ?

КНЯЗЬ—быстро оборачиваясь къ ней.

А, теперь уже не обманете! Я самъ слышалъ, какъ вы что́-то сказали!..

КНЯГИНЯ.

Ну да! Я не послѣдую вашему примѣру, не стану отпираться отъ своихъ словъ... Я дѣйствительно говорила, только не съ вами!

КНЯЗЬ—обиженный.

Сударыня, вы забыли, что я вамъ мужъ! Вы забыли, что если я захочу, то буду знать, о чемъ вы сейчасъ говорили!..

КНЯГИНЯ—съ отчаяніемъ.

Боже, какое тиранство! Нѣтъ, это не мужъ, это кровожадный леопардъ!.. Пользуйтесь правомъ сильнаго; это очень, очень мило! Не знаю только, кого изберете вы своею жертвой; ибо что принадлежитъ до меня, то я завтра же оставляю домъ этотъ, и мы съ вами больше не увидимся!..

КНЯЗЬ.

Ваши угрозы не испугаютъ меня; я нисколько не опечалюсь вашимъ отъѣздомъ; счастливаго пути; уѣзжайте!

КНЯГИНЯ.

И непремѣнно уѣду!

КНЯЗЬ.

Да вы уже разъ сказали это!

КНЯГИНЯ—сдерживая слезы.

Боже мой, какъ я несчастна съ этимъ извергомъ!.. Ахъ!..

Падаетъ въ обморокъ.

КНЯЗЬ—вполголоса, суетясь возлѣ жены.

Что съ ней? Жена! Агнеса! Не надо ли воды, о-де-лавану, содовыхъ порошковъ? Милочка!.. Что я теперь стану дѣлать?

Прыскаетъ на нее водой.

КНЯГИНЯ—очнувшись.

Гдѣ я?.. что со мною было?.. Не гуляла ли я въ саду!.. (*Поспѣшно прикалываетъ распахнувшійся платокъ на груди*). Ахъ! не видалъ ли меня кто-нибудь такимъ манеромъ?..

ЯВЛЕНІЕ V.

Входитъ БАРОНЪ, держа подъ мышкой картонъ умѣренной величины Баронъ лѣтъ сорока; одѣтъ просто, но со вкусомъ. Князь и княгиня оборачиваются. Баронъ жметъ, улыбаясь, руку князя и цѣлуетъ въ лобъ княгиню.

БАРОНЪ—на ухо княгинѣ.

Я привезъ тебѣ презентъ и желалъ бы, чтобы онъ пришелся по вкусу.

КНЯГИНЯ—радостно.

Что это?

БАРОНЪ—насмѣшливо.

Куропатки!..

КНЯГИНЯ—нетерпѣливо.

Point de bêtise!..

БАРОНЪ—съ ласковой усмѣшкой подавая ей картонъ.

Point d'Alançon.

КНЯГИНЯ—взволнованная.

Дайте, дайте поскорѣе!

Торопливо разбираетъ кружева.

КНЯЗЬ—обидѣвшись.

Прошу васъ, баронъ, впередъ не дѣлать такихъ подарковъ!

БАРОНЪ.

Ну, полноте, князь; это уже, право, нехорошо! Вы видите, какъ Агнеса обрадовалась.

КНЯГИНЯ.

Да, я очень рада! (*Цѣлуетъ барона*). Мегсі, дяденька!

БАРОНЪ.

Ну, вотъ такъ бы вамъ межъ собою поцѣловаться; оно и было бы лучше! А то ссоритесь, ссоритесь, право,—и Богъ знаетъ изъ-за чего! Я ужъ давеча слушалъ васъ, слушалъ, да и надоѣло!

КНЯГИНЯ.

Какъ, дяденька, такъ, стало, вы были здѣсь?!

БАРОНЪ—самодовольно.

Былъ!

КНЯЗЬ—указывая на шляпу.

Такъ это вы уронили мою шляпу?

БАРОНЪ—попрежнему.

Я!

КНЯГИНЯ.

А сафьянное стуло—вы?

БАРОНЪ—съ достоинствомъ.

Опять я!.. Я былъ здѣсь, за портьерой: все слышалъ, все видѣлъ, и нахожу, что вы оба неправы: ты, Агнеса, неправа потому, что слишкомъ раздражительна и вспыльчива; а ты, Serge, виноватъ кругомъ...

КНЯГИНЯ—прерывая его.

Такъ, милый дяденька! это онъ во всемъ виноватъ. Первое дѣло...

БАРОНЪ—останавливая ее повелительнымъ знакомъ руки.

Агнеса, твоя рѣчь впереди! (*Князю*). Первое дѣло: ты копалъ женѣ яму, иначе—вводилъ ее во гнѣвъ, что̀ очень нехорошо; второе дѣло—ты, разговаривая съ женою, забылъ тонъ человѣка хорошаго общества, что́ еще хуже! Слушая васъ изъ-за портьеры, я рѣшился примирить васъ и наставить. И потому, въ то самое время, какъ уронилъ это сафьянное стуло и эту пуховую шляпу, я скорѣй отправился въ магазинъ за блондами, для успокоенія Агнесы!.. (*Княгиня хочетъ его поцѣловать; онъ ее удерживаетъ*). А потомъ заѣхалъ домой за журналомъ, дабы прочесть тебѣ, Serge, какъ должны мужъ и жена высшаго общества взаимно трактовать другъ друга. Слушайте со вниманіемъ! (*Вынимаетъ изъ задняго кармана 22 № «Москвитянина» 1852 года и читаетъ въ отдѣлѣ Критики, на стр. 39, слѣдующее:*) «Что касается до хорошаго тону, который, какъ всѣмъ извѣстно, господствуетъ въ высшемъ свѣтѣ, то... кажется, всѣ съ нами согласятся, что главнымъ отличительнымъ признакомъ хорошаго тона почитается *учтивость*... Посмотрите, напримѣръ, какъ они (т.-е. люди хорошаго тону) *обращаются съ дамами*»...—Какъ же тебѣ не стыдно?! Видишь, даже журналистъ, и тотъ понимаетъ, что́ должно соблюдать!.. Смотрите же, старайтесь, друзья мои, жить въ мирѣ и согласіи; будьте благоразумны, кротки и учтивы!.. Примиритесь теперь и дайте мнѣ слово впередъ не ссориться.

КНЯГИНЯ—потупившись.

Я согласна.

КНЯЗЬ—съ замѣшательствомъ.

Я тоже.

Нѣкоторое время они смотрятъ другъ на друга въ нерѣшительности. Баронъ подаетъ знакъ рукою: они бросаются другъ другу въ объятія.

КНЯЗЬ.

Агнеса!..

КНЯГИНЯ.

Serge!..

Они цѣлуются.

БАРОНЪ—утирая слезы.

Даже и у меня слеза пробилась!.. Право, смотря на васъ, и мнѣ самому приходитъ на мысль обзавестись подругой жизни. И пора бы; а то еще вчера я опять запломбировалъ себѣ зубъ чистымъ золотомъ...

КНЯГИНЯ.

Дяденька, а вотъ и ужинъ готовъ! Я думаю, иныя блюда уже и простыли.

БАРОНЪ.

Любезные мои, лучше пусть остынутъ эти блюда, чѣмъ сердца ваши!

КНЯЗЬ И КНЯГИНЯ—бросаются ему на шею.

Merci, mon oncle!..

Цѣлуютъ его.

КНЯГИНЯ—сажая барона за столъ.

Дружочекъ, дяденька, садитесь!

Всѣ садятся и ужинаютъ.

КНЯЗЬ—послѣ довольно продолжительнаго молчанія.

Агнеса! Завтра я куплю тебѣ новую гравюру.

Занавѣсъ падаетъ.

III.

СПОРЪ

ДРЕВНИХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ ФИЛОСОФОВЪ ОБЪ ИЗЯЩНОМЪ.

Драматическая сцена изъ древне-греческой классической жизни, въ стихахъ.

Дѣйствіе происходитъ въ окрестностяхъ древнихъ Аѳинъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Клефистонъ
Стифъ } древніе греческіе философы.

Сцена представляетъ восхитительное мѣстоположеніе въ окрестностяхъ древнихъ Аѳинъ, украшенное всѣми изумительными дарами древней, благодатной, греческой природы; то-есть: анемонами змѣями, ползающими по цистернамъ, мѣдяницами, сосущими померанцы, акаѳами, платановыми темнопрохладными наметами, раскидистыми пальмами, летающими щурами, зеленѣющимъ мелисомъ и мастикой.—Вдали виденъ Акрополь, поражающій гармоніею своихъ линій.—На первомъ планѣ, у каждой стороны сцены, стоитъ по одному курящемуся жертвеннику, на золоченыхъ треножникахъ.—Сначала сцена пуста. Чрезъ нѣсколько времени выходятъ изъ глубины сцены, съ противоположныхъ сторонъ, два философа: *Клефистонъ и Стифъ*. Оба въ бѣлыхъ хламидахъ, съ гордой осанкой и съ пластическими тѣлодвиженіями. Медленно переставляя ноги, такъ что одна всегда остается далеко позади другой, они сближаются постепенно къ серединѣ сцены, пріостанавливаются, указываютъ одинъ другому на жертвенникъ своей стороны и направляютъ къ тому жертвеннику свои тихіе шаги.—Дойдя до жертвенниковъ, они останавливаются, возлагаютъ одну руку на жертвенникъ и начинаютъ:

КЛЕФИСТОНЪ.

Да, я люблю среди лавровъ и розъ
Смуглыхъ сатировъ затѣи.

СТИѲЪ.

Да, я люблю и Лесбосъ, и Паросъ!

КЛЕФИСТОНЪ.

Да, я люблю Пропилеи.

СТИѲЪ.

Да, я люблю, чтобъ пѣвецъ Демодокъ
Въ душу вдыхалъ мнѣ свой пламень!

КЛЕФИСТОНЪ.

Ѳивскаго мрамора бѣлый кусокъ.

СТИѲЪ.

Тирскій увѣсистый камень!

КЛЕФИСТОНЪ.

Туники складки!

СТИѲЪ.

Хламиды извивъ!

КЛЕФИСТОНЪ.

Пляску въ движеніи мѣрномъ.

СТИѲЪ.

Сукъ, наклоненный подъ бременемъ сливъ!

КЛЕФИСТОНЪ.

Чашу съ душистомъ фалернымъ.

СТИѲЪ.

Любо смотрѣть мнѣ на группу борцовъ,
Такъ охватившихъ другъ друга! (*Показываетъ руками.*)

КЛЕФИСТОНЪ.

Взмахи могучихъ люблю кулаковъ!

СТИѲЪ.

Мышцы, надутыя туго.

КЛЕФИСТОНЪ.

Ногу—*настолько* подвинуть впередъ. (*Оба, смотря другъ на друга, выдвигаютъ: одинъ лѣвую, другой правую ногу.*)

СТИѲЪ.

Руку—вотъ *этакъ* закинуть. (*Оба, смотря другъ на друга, закидываютъ дугообразно: одинъ лѣвую, другой правую руку.*)

КЛЕФИСТОНЪ.

Тѣлу изящный придать поворотъ... (*Оба пластически откидываются: одинъ влѣво, другой вправо.*)

СТИѲЪ.

Ногу—назадъ отодвинуть! (*Оба поспѣшно отодвигаютъ выдвинутую ногу.*)

КЛЕФИСТОНЪ.

Часто лежу я подъ сѣнью деревъ. (*Оба принимаютъ спокойное положеніе, опустивъ снова правую руку на жертвенникъ.*)

СТИѲЪ.

Внемлю кузнечиковъ крикамъ.

КЛЕФИСТОНЪ.

Нравится мнѣ на стѣнѣ барельефъ.

СТИѲЪ.

Я все—брожу подъ портѝкомъ!

КЛЕФИСТОНЪ.

Думы рождаетъ во мнѣ кипарисъ.

СТИѲЪ.

Плачу подъ звукъ тетрахординъ.

КЛЕФИСТОНЪ.

Страстно люблю архитравъ и карнизъ.

СТИѲЪ.

Я же—дорическій орденъ.

КЛЕФИСТОНЪ—разгорячась.

Барсову кожу я гладить люблю!

СТИѲЪ—съ самодовольствомъ.

Нюхать янтарные токи!

КЛЕФИСТОНЪ—со злобой.

Ѣмъ виноградъ!

СТИѲЪ—съ гордостью.

Я-жъ охотно треплю
Отрока полныя щоки.

КЛЕФИСТОНЪ—самоувѣренно.

Свесть не могу очарованныхъ глазъ
Съ формы изящной котурна!

СТИѲЪ—съ спокойнымъ торжествомъ и съ сознаніемъ своего достоинства.

Послѣ прогулокъ моихъ утомясь,
Я опираюсь на урну. (*Изящно изгибаясь всѣмъ станомъ, опирается локтемъ правой руки на кулакъ лѣвой, будто на урну, и такимъ образомъ выказываетъ пластическую выпуклость бедра и лядвей.*)

Клефистонъ бросаетъ на Стиѳа завистливый взглядъ. Постоявъ такъ немного, они оба отворачиваются отъ своего жертвенника къ противоположному заднему углу сцены и, злобно взглядывая изрѣдка другъ на друга, направляются туда столь же медленно какъ выходили на сцену. — Съ уходомъ ихъ сцена остается пуста. По цистернамъ ползаютъ змѣи, а мѣдяницы продолжаютъ сосать померанцы. Акрополь все еще виденъ вдали.

Занавѣсъ падаетъ.

IV.

ЧЕРЕПОСЛОВЪ, сирѣчь ФРЕНОЛОГЪ.

Оперетта въ 3-хъ картинахъ.

Выдержки изъ твореній моего отца.

Предисловіе къ творенію моего отца:

„Черепословъ, сирѣчь Френологъ", оперетта.

(*Было напечатано въ журн. «Современникъ» 1856 г.*)

Здравствуй, читатель! Я знаю, ты радъ опять увидѣть меня въ печати; — это хорошо. Это показываетъ твой вкусъ. Хвалю тебя! — Ты помнишь, — разумѣется, помнишь! — мое обѣщаніе, въ «Современникѣ» 1854 г., въ апрѣльской книжкѣ: познакомить тебя съ твореніями моего отца и доказать, что весь мой родъ занимался литературою?—Радуйся: я исполняю свое обѣщаніе!

У меня много превосходныхъ сочиненій отца; но между ними довольно неконченнаго—d'inachevé. Если хочешь, издамъ все. А пока довольно съ тебя одной оперетты.

Есть у меня еще комедія: «Амбиція», которую отецъ написалъ въ молодости. Державинъ и Херасковъ одобряли ее. Но Сумароковъ составилъ на нее слѣдующую эпиграмму:

«Ликуй, парнасскій богъ!—Прутковъ ужъ нынь нѣтъ!
Для росскихъ зрѣлищей «Амбицію» чертитъ!..
Хотѣлъ онъ, знать, своей комедіей робятской
Предъ свѣтомъ образецъ явить амбицьи хватской?
Но Аполлонъ за то, собравъ «прутковъ» длинняе,
Его съ Парнаса—вонъ!—чтобъ былъ онъ поскромняе!

Не скрываю (да и зачѣмъ скрывать?!) этой эпиграммы, порожденной явною завистью. Ты согласишься, когда самъ прочтешь «Амбицію» *).

Представляю на твой судъ оперетту: «Черепословъ, сирѣчь Френологъ», которая написана отцомъ уже въ старости.—Шишковъ, Дмитріевъ, Хмѣльницкій достойно оцѣнили ее. А ты обрати вниманіе на несвойственныя старику: веселость, живость, остроту и соль этой оперетты. Убѣжденъ, что по слогу и даже формѣ она много опередила вѣкъ!.. Умный Дмитріевъ написалъ къ отцу слѣдующую надпись:

«Подъ снѣжной сѣдиной въ немъ музы веселятся!
И старости—увы!—печальные года
Столь нѣжно, дружно въ немъ съ веселостью роднятся,
Что—ахъ!—кабы такъ было завсегда!»

Несмотря на такую оцѣнку нашего поэта-критика, я не рѣшался печатать «Френолога». Но недавніе лестные отзывы ихъ превосходительствъ, моихъ начальниковъ, ободрили меня. —Читатель, если будешь доволенъ, благодари ихъ!—До свиданья,

Твой доброжелатель—

Козьма Прутковъ.

11-го апрѣля
1856 г. (annus,i).

*) Къ сожалѣнію, эта комедія доселѣ не найдена въ бумагахъ покойнаго Козьмы Пруткова.

ЧЕРЕПОСЛОВЪ, сирѣчь ФРЕНОЛОГЪ.

Оперетта въ 3-хъ картинахъ.

Сочиненія Петра Ѳедотыча Пруткова (отца).

Картина 1-я: ЧЕРЕПЪ ЖЕНИХА.
Картина 2-я: ПЫТКА.
Картина 3-я: СУЖЕНЫЙ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Шишкенгольмъ, френологъ. Старикъ бодрый, но плѣшивый; съ шишковатымъ черепомъ.

Мина Христіановна, жена Шишкенгольма. Сѣдая, но дряхлая.

Лиза, дочь Шишкенгольмовъ. Полная, съ волнистыми свѣтлыми волосами и съ сдобнымъ голосомъ.

Ивановъ, фельдшеръ. Въ услуженіи у Шишкенгольмовъ и надзиратель надъ его учениками.

Фрицъ, **Густавъ** — нѣмцы 16-лѣтъ, обучающіеся у Шишкенгольма. Они въ курткахъ, короткихъ штанахъ, безъ галстуковъ, съ отложными воротничками рубашекъ.

Касимовъ, отставной гусаръ. Въ венгеркѣ. Лысый, безъ парика.

Вихоринъ, гражданскій чиновникъ. Лицо бритое; лысый въ парикѣ.

— Женихи Лизы.

Іеронимусъ-Амалія фонъ-Курцгалопъ, гидропатъ. Лѣтъ 46-ти. Худой, длинный; лицо морщинистое; волосы жидкіе, вылѣзшіе: оттого лобъ его высокій.

Дѣйствіе происходитъ въ С.-Петербургѣ.

КАРТИНА I-я.—ЧЕРЕПЪ ЖЕНИХА.

Сцена представляетъ учебный кабинетъ Шишкенгольма. Задняя стѣна въ полкахъ съ книгами. Въ серединѣ ея дверь, а надъ дверью огромный бюстъ Галля, съ подписью его имени золочеными крупными нѣмецкими буквами.—*Шишкенгольмъ* сидитъ въ старомъ вольтеровскомъ креслѣ, посреди сцены, и разсматриваетъ человѣческій черепъ, исчерченный по наукѣ Галля.—*Мина Христіановна*, вправо отъ него, вяжетъ чулокъ.—*Лиза*, влѣво отъ него, сидитъ у стола, на которомъ книги, бумаги и модель человѣческаго черепа, на подставкѣ. Она перелистываетъ книги, всматривается въ разныя части этого черепа и пишетъ.—*Ивановъ*, у задней стѣны, позади стола, при которомъ занимаются Фрицъ и Густавъ, стоитъ, скрестивъ руки на груди, опершись спиною на полки съ книгами.—*Фрицъ* и *Густавъ* сидятъ у противоположныхъ сторонъ этого стола, твердя изъ книги уроки, полушопотомъ.—Продолжительная тишина, нарушаемая только полушопотомъ Фрица и Густава и перелистываніемъ книгъ Лизою.—*Ивановъ* задремалъ, поскользнулся и едва удержался на ногахъ, опершись обѣими руками, позади себя, на полки съ книгами. Отъ этого нѣсколько толстыхъ фоліантовъ падаютъ на полъ, съ шумомъ.—*Всѣ* пугаются, вздрагиваютъ и оборачиваются къ Иванову.

ИВАНОВЪ—тоже испугавшись.

Разъ!.. Вѣдь надо же случиться! (*Подымаетъ книги и разставляетъ ихъ по своимъ мѣстамъ*).

ШИШКЕНГОЛЬМЪ—поднявъ очки на лобъ и оборотившись къ Иванову.

Dummer Mensch, скотъ!.. Такъ ты руководствуешь моихъ питомцевъ?!... Я тебя выгоню!

Опять всѣ принимаются за занятія.—Устанавливается прежняя тишина. Но съ Ивановымъ повторяется то же несчастіе хотя онъ не дремалъ, а только оперся на полки съ книгами. Снова нѣсколько книгъ падаютъ съ шумомъ.—Шишкенгольмъ, Мина Христіановна и Лиза вскакиваютъ въ испугѣ. Фрицъ и Густавъ фыркаютъ. Ивановъ раздраженъ своимъ несчастьемъ.

ИВАНОВЪ—съ негодованіемъ.

Тьфу, и во второй!.. (*Деретъ за вихры Фрица и Густава*).

ЛИЗА—сдобнымъ голосомъ, и презрительно.

Русскій мужикъ!

ШИШКЕНГОЛЬМЪ, МИНА ХРИСТІАНОВНА И ЛИЗА—поютъ хоромъ, обратившись къ Иванову.

Спокойствіе занятій
Ты дважды прерывалъ!..
Прими же тьмы проклятій,
Чтобъ чортъ тебя побралъ!
Geh weg!.. И, въ память Галля,
Къ намъ больше ни ногой!..
Hinaus, packe Dich подалѣ;
Наймется къ намъ другой.

Отворачиваются отъ него въ негодованіи и обращаются другъ къ другу, подавая повелительный знакъ Фрицу и Густаву.

Расправу кончивъ съ дерзкимъ,
Приступимъ вновь къ трудамъ...

Принимаются снова за свои занятія.

ИВАНОВЪ—грозясь злобно на Шишкенгольма.

Обиженный симъ мерзкимъ,
Ужò я вамъ задамъ! (*Уходитъ, захлопнувъ дверь*).

Всѣ усѣлись заниматься. Тишина.—Вдругъ раздается торопливый стукъ въ двери.

КАСИМОВЪ И ВИХОРИНЪ—за дверью.

Дома почтеннѣйшій профессоръ Шишкенгольмъ и милое его семейство?

ВСѢ—съ отчаяньемъ, подбѣгая къ авансценѣ, поютъ хоромъ.

О, Галль, мудрецъ великій,
Спаси ты насъ!..
Услышь ты наши крики
Хоть въ этотъ разъ!
За что̀ судьбы гоненье?
Несчастный рокъ!..
Вѣдь этакъ все ученье
Пойдетъ не впрокъ.
Лишь вздумаешь заняться,
А тутъ, гляди,
Ужъ въ дверь къ тебѣ стучатся...
Учись, поди!

ВИХОРИНЪ И КАСИМОВЪ—входятъ въ двери, и остановившись въ дверяхъ, никѣмъ не замѣчаемые, поютъ.

Что̀ слышимъ? Лизинъ голосъ!

ХОРЪ—мрачно.

Судьбины гнётъ
Мышленья срѣзалъ колосъ.

КАСИМОВЪ И ВИХОРИНЪ—въ восторгѣ фальшивятъ.

Она поетъ!..

Всѣ оборачиваются къ нимъ. Они робѣютъ.

Фальшиво?.. извините!..
Мы второпяхъ!

ХОРЪ—строго.

Зачѣмъ вы здѣсь, скажите,
А не въ сѣняхъ?

КАСИМОВЪ И ВИХОРИНЪ—прозою и перебивая другъ друга.

Мы... мы... мы опять... хотѣли просить руки вашей дочери.

ШИШКЕНГОЛЬМЪ И МИНА ХРИСТІАНОВНА—гнѣвно.

Руки?!

ЛИЗА—жеманясь и сдобнымъ голосомъ.

Папаша, они ко мнѣ!

ШИШКЕНГОЛЬМЪ—дѣлаетъ строгій знакъ Лизѣ указательнымъ перстомъ правой руки, качая оный, неторопливо, вправо и влѣво, какъ маятникъ; а затѣмъ обращается къ Касимову и Вихорину.

Молодые люди!.. я вамъ уже нѣсколько разъ отказалъ... Я вамъ уже нѣсколько разъ говорилъ: что вы *не* любите Лизу;—говорилъ я вамъ это?

КАСИМОВЪ.

Но вѣдь и я сказывалъ вамъ, что люблю!.. (*Старается заслонить Вихорина, который тоже хочетъ говорить*).

ШИШКЕНГОЛЬМЪ—качая вправо и влѣво указательнымъ перстомъ правой руки, прямо противу своего носа; говоритъ медленно и важно.

Тсъ!.. Молчать!—Я уже много разъ доказалъ вамъ, что вы оба *не* любите Лизу;—доказалъ я вамъ это?! Ни слова болѣе!.. Мнѣ кажется, профессоръ френологіи можетъ всегда безошибочно узнать, кто способенъ и кто неспособенъ любить женщину?.. Вы *не* способны любить женщину, и потому вы *не* любите мою Лизу! Слышите?—Я наблюдалъ вашъ черепъ; я знаю.

КАСИМОВЪ.

Но мнѣ ли не знать, господинъ Шишкенгольмъ, что вы ошибаетесь?

ВИХОРИНЪ—пробиваясь изъ-за Касимова, который старается его заслонить, и, наконецъ, перебѣгая впереди Шишкенгольма, на другую его сторону.

Клянусь... клянусь... вы ошибаетесь!..

ШИШКЕНГОЛЬМЪ—гордо и строго.

Я ошибаюсь?! (*Ощупываетъ одновременно, обѣими руками, ихъ затылки*).—Ни за что!.. (*Уходитъ большими шагами, въ правую боковую дверь. Фрицъ и Густавъ за нимъ*).

МИНА ХРИСТІАНОВНА—къ Касимову и Вихорину.

Вы слышали?—Ступайте же вонъ!

КАСИМОВЪ И ВИХОРИНЪ—становясь по обѣ стороны ея.

Мина Христіановна, матушка!.. клянусь, онъ ошибается!

МИНА ХРИСТІАНОВНА—гордо и строго.

Онъ ошибается?! (*Ощупываетъ одновременно, обѣими руками, ихъ затылки*). Ни за что!.. (*Уходитъ большими шагами, въ ту же боковую дверь*).

Молчаніе.- Лиза, Касимовъ и Вихоринъ стоятъ печальные. Касимовъ начинаетъ робко, нерѣшительно приближаться къ Лизѣ.

ВИХОРИНЪ—прикладываетъ палецъ ко лбу ободряется и говоритъ въ сторону.

Придумалъ!.. Я въ парикѣ... (*Радостно приподымаетъ немного свой парикъ за виски*). Подобью парикъ шишками изъ ваты, да побольше... Браво! Побѣгу скорѣе... До свиданья, Лизавета Ивановна! (*Уходитъ, тоже большими шагами, но въ среднюю дверь*).

КАСИМОВЪ—печально, со слезами въ голосѣ.

Лизавета Ивановна, послушайте!.. (*Поетъ*).

Природа, видно, подшутила,
Когда меня произвела:
Она любовь въ меня вложила,
Любви же шишекъ не дала...
Что дѣлать? право, я не знаю!
Уговорите-ка отца...
Готовъ я въ адъ; лишуся раю;
Отказъ же сгубитъ молодца! (*Падаетъ передъ Лизою на колѣни, рыдая молча*).

ЛИЗА—съ достоинствомъ.

Отецъ мой все по шишкамъ мѣритъ;
Людямъ свою цѣну даетъ...
Онъ вашей страсти не повѣритъ,
Коль шишекъ страсти не найдетъ.
Къ тому-жъ, по Галля наставленьямъ,
Васъ изучала я сама... (*Ощупываетъ его голову*).
Судя по ямкамъ, возвышеньямъ,
У васъ нѣтъ сердца, нѣтъ ума;
Къ исскуствамъ нѣтъ у васъ влеченья;
Едва-ль способность есть къ любви...
Нѣтъ памяти у васъ, терпѣнья,
И жару вовсе нѣтъ въ крови...

Такого мужа не хочу я! (*Отталкиваетъ его и сама отступаетъ съ отвращеніемъ*).
О, нѣтъ!.. Уйдите отъ меня!

КАСИМОВЪ—встаетъ съ колѣнъ и поетъ сквозь слезы.

Увы!.. Любви огонь почуя,
Я мнилъ когда дождуся дня,
Чтобъ тѣсно съ вами породниться?
И что же?—вдругъ я узнаю,
Что страсть безъ шишекъ не годится!..
О, какъ не клясть судьбу свою! (*Рыдаетъ и рыдая продолжаетъ пѣть*).
Какъ зло природа подшутила,
Когда меня произвела:
Она мнѣ въ грудь любовь вложила,
Любви же шишекъ не дала! (*Рыдая, уходитъ, большими шагами, въ среднюю дверь, держа платокъ у глазъ*).

ЛИЗА—задумчиво, сдобнымъ голосомъ и печально.

Несчастный!.. Но что же дѣлать?.. А можетъ-быть онъ и въ самомъ дѣлѣ?!.. Нѣтъ!.. (*Со вздохомъ*).—Я сама пробовала!.. А впрочемъ... Пойду, спрошу папашу... (*Уходитъ, большими шагами, въ правую дверь, крича*:) Папаша! папаша!

ДЕКОРАЦІЯ ПЕРЕМѢНЯЕТСЯ.

КАРТИНА II-я.—ПЫТКА.

Сцена представляетъ комнату Касимова. Задняя стѣна безъ дверей. Посреди ея стойка краснаго дерева, съ двумя трубками, изъ коихъ у одной чубукъ съ бисернымъ вверху чехломъ. Надъ стойкой висятъ: гусарская сабля и лядунка. По лѣвую сторону стойки, вдоль стѣны, кровать съ байковымъ одѣяломъ, а у кровати коверъ на стѣнѣ. По правую сторону стойки комодъ; а надъ нимъ виситъ портретъ Касимова, масляными красками, въ гусарскомъ мундирѣ. Въ правой стѣнѣ дверь. У авансцены, къ правой сторонѣ, ломберный столъ, возлѣ котораго одинъ стулъ и три ставчика. На лѣвой стѣнѣ небольшое зеркало, подъ которымъ простой столъ, съ бритвеннымъ приборомъ, фаброй для усовъ, щеткой и гребнемъ; а между этимъ столомъ и кроватью — стулъ, съ висящею на немъ венгеркою, и ставчикъ съ умывальнымъ приборомъ. — При поднятіи занавѣса, *Касимовъ* сидитъ на стулѣ передъ зеркаломъ, въ халатѣ, съ накинутымъ на плечи полотенцемъ. *Ивановъ* оканчиваетъ брить его голову.

КАСИМОВЪ — наклоняетъ голову къ зеркалу. и проводитъ по ней рукою.

И было-то ничего, а теперь совсѣмъ гладко. Точно колѣно не туда пристроено...

Ивановъ вытираетъ его голову и снимаетъ полотенце съ его плечъ. Касимовъ встаетъ, съ совсѣмъ обритой головой, и начинаетъ ходить вдоль рампы, нерѣдко проводя руками по своему черепу и ощупывая его со всѣхъ сторонъ. Ивановъ прибираетъ бритвенный приборъ.

КАСИМОВЪ—ощупывая свой черепъ.

Ну, чего имъ тутъ еще нужно? Кажется, все тутъ есть!.. Однако, коли захотѣли больше, такъ и дадимъ по ихнему!.. Теперь ужъ, какъ тамъ ни верти, а отдадутъ за меня Лизу!— Ивановъ, ты говоришь, что Вихоринъ заказалъ тебѣ парикъ для себя, съ шишками?.. Ну, что-жъ! Пускай себѣ надѣваетъ. Я все таки возьму свое. Моя выдумка получше! Да, коли при-

дется, такъ я и парикъ-то съ него стащу... Пусть видятъ!.. Хе, хе, хе!.. Знай нашихъ! не гражданскимъ чета!.. (*Ходитъ, потирая руки*).

ИВАНОВЪ—ставитъ стулъ посреди сцены и придвигаетъ къ нему ставчикъ съ умывальнымъ тазомъ, въ которомъ губка; а возлѣ таза молотокъ.

Извольте, ваше благородіе, садиться... Пора!

КАСИМОВЪ—останавливается въ нерѣшимости.

Ой-ли?.. А знаешь, Ивановъ, какъ-то бо́язно становится: ей Богу! (*Опускаетъ голову, задумываясь, и вновь проводитъ по ней рукою*). Ну, была-не-была!.. Валяй, Ивановъ! *Съ рѣшительностью идетъ къ стулу и садится на него*).

Ивановъ становится позади Касимова, поднявъ молотокъ надъ его головой.

КАСИМОВЪ—поетъ.

Судьба обидѣла гусара;
И вотъ ужъ млатъ надъ нимъ виситъ;
И съ каждымъ отзывомъ удара,
Талантъ съ небесъ къ нему слетитъ...
Мужайся, воинъ, и терпи!
Палачъ, свой первый даръ влѣпи!

ИВАНОВЪ—ударяя молоткомъ по головѣ Касимова, тотчасъ же примачиваетъ губкою и поетъ.

Вотъ... шишка славы.

КАСИМОВЪ—сморщиваясь, тоже поетъ.

Величавый
Волдырь на маковку взлетѣлъ...

Да! не легка ты, шишка славы!..
Не даромъ мало славныхъ дѣлъ.

ИВАНОВЪ—ударяя вновь и примачивая, поетъ.

Сюда вотъ память надо вбить.

КАСИМОВЪ—передергиваясь.

Ну, точно... память!.. Нѣту спора!
Ее вовѣкъ мнѣ не забыть!

ИВАНОВЪ—попрежнему.

Музыка—здѣсь.

КАСИМОВЪ—тоже.

Какъ бы въ два хора
Я оглушонъ!.. Я понялъ, други,
И фисъ, и дисъ, и всякій прахъ...
Ну, право, отъ подобной фуги
Вѣкъ цѣлый прозвенитъ въ ушахъ!

ИВАНОВЪ—попрежнему.

Познаньямъ мѣсто—и ученью.

КАСИМОВЪ—съёживаясь, поетъ сквозь слезы.

Ой, ой!.. Ученость налегла!..
Коли судить по оглавленью,
Она ужъ больно тяжела.

ИВАНОВЪ—попрежнему.

Ума здѣсь органъ, убѣжденій.

КАСИМОВЪ—всхлипывая.

У-ухъ!.. я убѣжденъ насквозь...
О, Боже! столько потрясеній
Сразятъ хоть бы кого, небось!

ИВАНОВЪ—попрежнему.

Тутъ—сила духа.

КАСИМОВЪ—едва усидѣвъ.

Тише, больно!..
Какъ сильно захватило духъ!..
Ивановъ, милый, ну, довольно!
Ей-ей, не выдержу, мой другъ!

ИВАНОВЪ—попрежнему.

Чувствительность!

КАСИМОВЪ.

Туда-жъ, въ подмогу!.. (*Плачетъ.*)
Страдальцы, понимаю васъ!..
Я тронутъ такъ, что ну, ей Богу,
Расплачусь, какъ дитя, сейчасъ.

ИВАНОВЪ—попрежнему.

Вотъ—живопись.

КАСИМОВЪ.

Э—экъ, вскочила!..
И тѣнь, и свѣтъ я понялъ вдругъ;
Въ глазахъ какъ будто зарябило.
И словно радуги вокругъ.

ИВАНОВЪ—попрежнему.

А вотъ—терпѣнье.

КАСИМОВЪ.

Опоздало!..
Охъ, рокъ мнѣ строитъ все на смѣхъ!

Терпѣнье надо бы сначала,
А не въ конецъ, не позже всѣхъ.

ИВАНОВЪ—бьетъ съ особою силою и примачиваетъ.

Теперь—любовь!

КАСИМОВЪ—вскакивая.

У-ахъ!.. умру я!.. (*Падаетъ снова на стулъ въ изнеможеніи.*)
Отъ маковки... до самыхъ пятъ...
Я... ощущаю... страсть такую,
Что ночь переживу наврядъ!

ИВАНОВЪ—вытираетъ свой молотокъ и убираетъ ставчикъ съ тазомъ на прежнее мѣсто.

Довольно съ васъ.

КАСИМОВЪ—тяжело вздыхая.

Конецъ мученій!..

Постепенно отдыхивается, встаетъ и подходитъ къ рампѣ, ощупывая, съ осторожностью, свою голову.

Что̀ хватишь, то талантъ въ рукѣ!..
Какъ я уменъ!.. Я, просто, геній
Въ какомъ-то чудномъ шишакѣ!..
Теперь я счастливъ... Маршъ, къ Лизеттѣ!
Она любить меня должна...
Лишь укажу на шишки эти,
И мигомъ Лиза влюблена.

Суетъ фельдшеру деньги, сбрасываетъ халатъ, надѣваетъ галстукъ, венгерку, ермолку, фуражку и идетъ къ двери.

ИВАНОВЪ—почтительно кланяясь.

Счастія желаемъ вашему благородію! При случаѣ, пристройте снова къ Шишкинымъ; не забудьте, ваше благородье!

КАСИМОВЪ—самоувѣренно.

Не забуду, братецъ, не забуду! Пристроимъ, братецъ, сегодня же пристроимъ.

Касимовъ уходитъ. Ивановъ за нимъ.

ДЕКОРАЦІЯ ПЕРЕМѢНЯЕТСЯ.

КАРТИНА III-я—СУЖЕНЫЙ.

Комната первой картины. *Шишкенгольмъ*, *Мина Христіановна*, *Лиза*, *Фрицъ* и *Густавъ* почти выбѣгаютъ изъ правой двери, преслѣдуемые *Касимовымъ* и *Вихоринымъ*. Въ это же время *Ивановъ* входитъ робко въ среднюю дверь и остается неподалеку отъ нея, у задней стѣны. Мина Христіановна, запыхавшись, падаетъ въ вольтеровское кресло.

ШИШКЕНГОЛЬМЪ.

Нѣтъ, это дерзко!.. Вонъ! вонъ! (*Указываетъ Касимову и Вихорину на среднія двери.*) Не хочу такихъ шишекъ!.. Вонъ!

Касимовъ и Вихоринъ пристаютъ, съ просьбами и объясненіями, къ Лизѣ. Она старается уйти отъ нихъ. Но Касимовъ, удерживая ее, невольно дѣлаетъ съ нею въ родѣ тура галопа по комнатѣ.

ШИШКЕНГОЛЬМЪ—внѣ себя.

О, ужъ это слишкомъ!.. (*Бросается къ нимъ, вырываетъ отъ Касимова Лизу и поетъ*):

Что задралъ такъ кверху носъ ты!
Какъ ты смѣешь танцовать?!

Нѣтъ, повѣрь: не такъ мы просты,
Чтобъ какіе-то наросты
Стали шишками считать!

Въ это время Лизу, едва освобожденную отъ Касимова, подхватываетъ Вихоринъ и тоже, удерживая ее, невольно пробѣгаетъ съ нею, въ родѣ тура галопа, по комнатѣ.

ШИШКЕНГОЛЬМЪ—обращается къ нимъ, освобождаетъ Лизу отъ Вихорина и поетъ.

Невпопадъ и ты проворенъ!..
Не смотри, что я старикъ!
Если будешь ты, Вихоринъ,
Такъ невѣжливъ и упоренъ,
Я, какъ разъ, стащу парикъ.

ЛИЗА—усталая, падаетъ въ кресло, отмахиваясь платкомъ, и говоритъ сдобнымъ голосомъ.

Господи, какіе безстыдники!

КАСИМОВЪ И ВИХОРИНЪ—поютъ, обращаясь къ Шишкенгольму.

Ну, не вѣрьте нашимъ шишкамъ!
Но уважьте въ насъ года!
Намъ вѣдь по сороку слишкомъ...
Угрожать намъ, какъ мальчишкамъ,
Не позволимъ никогда.

ШИШКЕНГОЛЬМЪ—тоже [illegible]ъ.

Въ разговорахъ мало толку...
Васъ съумѣю выгнать я! (*Идетъ къ нимъ.*)

КАСИМОВЪ И ВИХОРИНЪ—отступая отъ него, поютъ.

Обругать васъ стоитъ колко.

ШИШКЕНГОЛЬМЪ—настигнувъ ихъ, сдергиваетъ и выбрасываетъ въ окно: съ Касимова ермолку, а съ Вихорина парикъ.

Съ васъ парикъ... а съ васъ ермолку...
Подымайте ихъ!

КАСИМОВЪ И ВИХОРИНЪ—подбѣгая къ окну и посмотрѣвъ за окно съ любопытствомъ, оканчиваютъ мотивъ.

Свинья!

Оба они поспѣшно уходятъ, столкнувшись въ дверяхъ съ *Курцгалопомъ*, который переступаетъ черезъ порогъ, задомъ, дѣлая разные знаки четыремъ отставнымъ солдатамъ, вносящимъ за нимъ купальный шкафъ.

КУРЦГАЛОПЪ—обернувшись на Касимова и Вихорина, пугается.

Тьфу!.. черти плѣшивые!.. чуть съ ногъ не сбили! (*Обращаясь къ солдатамъ.*) Сюда вотъ, сюда, ставьте сюда, такъ.

ШИШКЕНГОЛЬМЪ И ПРОЧІЕ—съ удивленіемъ.

Это что? Кто это?

ШИШКЕНГОЛЬМЪ—къ Курцгалопу, сердитый.

Что это вы принесли сюда?

КУРЦГАЛОПЪ.

Не твое дѣло.

ШИШКЕНГОЛЬМЪ.

Какъ не мое дѣло! какъ не мое дѣло?!..

КУРЦГАЛОПЪ—не слушая его, поетъ *).

Я только-что купался...
Совсѣмъ продрогъ!
Но славно пробѣжался:
Не слышу ногъ.

ШИШКЕНГОЛЬМЪ—обращается къ Курцгалопу, въ прозѣ.

Да позвольте же узнать наконецъ...

КУРЦГАЛОПЪ—не слушая его, продолжаетъ пѣть.

Vivat водолеченію,
Живи, народъ!
А все плоды ученія!
Mein Gott, mein Gott!

ШИШКЕНГОЛЬМЪ—опять прерываетъ его прозою.

Да кто же вы такой?

КУРЦГАЛОПЪ—отвѣчаетъ, продолжая пѣть.

Ерѳнимусъ-Амалія
Фонъ-Курцгалопъ;
Давно безъ обливанія
Сошелъ бы въ гробъ.

ЛИЗА—отцу, жеманясь, сдобнымъ голосомъ.

Папаша, какой веселый мужчина!

---

*) Читатель, я пробовалъ пѣть эти куплеты на голосъ: „Un jour maître corbeau“—выходитъ отлично. Испытай.—*Примѣчаніе К. Пруткова.*

ШИШКЕНГОЛЬМЪ—останавливаетъ ее строгимъ знакомъ и обращается къ Курцгалопу.

Но скажите, наконецъ: зачѣмъ вы пришли сюда?!

КУРЦГАЛОПЪ—не слушая его, обращается къ солдатамъ.

Поставили шкапъ? Все тамъ приладили? Ну, хорошо, ступайте.

ЛИЗА—матери, сдобнымъ голосомъ.

Ахъ, мамаша, какой славный мужчина!

КУРЦГАЛОПЪ—обращаясь ко всѣмъ.

Доложите полковнику Кавырину, что шкапъ принесенъ...

ШИШКЕНГОЛЬМЪ—разсерженный.

Милостивый государь! полковникъ Кавыринъ живетъ не здѣсь, а внизу!

КУРЦГАЛОПЪ—пораженный.

Какъ?! А здѣсь кто живетъ?

ШИШКЕНГОЛЬМЪ—съ достоинствомъ.

Здѣсь живетъ профессоръ-френологъ Іоганнъ фонъ-Шишкенгольмъ.

КУРЦГАЛОПЪ—восторженно.

О, Боже, какая случайность!.. Herr Шишкенгольмъ, знаменитый френологъ!

ЛИЗА—отцу, сдобнымъ голосомъ.

Папаша, какой умный мужчина!

КУРЦГАЛОПЪ.

Честь имѣю рекомендоваться: фонъ-Курцгалопъ, извѣстный гидропатъ!

ВСѢ—радостно.

О, Боже, какое счастье!.. Herr Курцгалопъ, знаменитый гидропатъ!

Знакомятся.

ШИШКЕНГОЛЬМЪ—съ лукавой улыбкой.

Herr Курцгалопъ! вы умный и хитрый молодой человѣкъ!.. вы умный и хитрый!.. Вѣдь вы нарочно зашли къ намъ? понимаю!.. (*Сильно встряхиваетъ ему руку*). Благодарю васъ—за ошибку!.. Другъ Мина, благодари за ошибку!.. Лиза, благодари за ошибку!

Мина Христіановна присѣдаетъ Курцгалопу.

ЛИЗА—своимъ сдобнымъ голосомъ и прижимаясь къ отцу.

Ахъ, папаша, какой красивый мужчина! (*Присѣдаетъ глубоко Курцгалопу*).

КУРЦГАЛОПЪ—говоритъ въ сторону, почтительно кланяясь Лизѣ.

Какой у нея сдобный, жирный голосъ!

Оба страстно и долго смотрятъ другъ другу въ глаза.

КУРЦГАЛОПЪ.

Я несказанно радъ... но... право, вовсе нечаянно!.. Полковникъ Кавыринъ...

ШИШКЕНГОЛЬМЪ—перебиваетъ его, хитро подсмѣиваясь.

О, полковникъ Кавыринъ... все полковникъ Кавыринъ!.. О, хитрый... хитрый молодой человѣкъ! (*Беретъ за руку Лизу*

и приближаетъ ее къ Курцгалопу). Лиза, успокой его; займи разговоромъ. Ты видишь конфузъ молодого человѣка!.. Негг Курцгалопъ, еще разъ рекомендую: дочь моя.

Курцгалопъ нѣжно цѣлуетъ руку Лизы.

ЛИЗА—жеманно, поетъ своимъ голосомъ.

Теперь нашли вы къ намъ дорогу?

КУРЦГАЛОПЪ—кокетничая, тоже поетъ.

Нашелъ.—Быть можетъ, не впопадъ?

ШИШКЕНГОЛЬМЪ—прислушивавшійся къ нимъ, тоже поетъ.

Пришли вы кстати къ френологу;
Онъ гидропату очень радъ.

ЛИЗА—въ сторону.

Какъ мнѣ понравился, ей Богу,
Сей бодрый, крѣпкій гидропатъ!

КУРЦГАЛОПЪ—Лизѣ, продолжая пѣть.

Вы обливаетесь водою?

ЛИЗА—поетъ жеманно.

Я?—да!.. Я моюсь по утрамъ.

КУРЦГАЛОПЪ.

Холодной? теплою? какою?

ЛИЗА.

Холодной, съ теплой пополамъ.

КУРЦГАЛОПЪ—въ сторону, продолжая пѣть.

Мила!.. (*Помолчавъ, продолжаетъ нерѣшительно*).
А что, спросить я смѣю,
Вы обливаете?

ЛИЗА—поетъ съ простодушною откровенностью.

Скажу:
Я обливаю руки, шею...

КУРЦГАЛОПЪ—прерываетъ ее радостно и рѣшительно, оканчивая мотивъ.

Руки я вашей попрошу!

ШИШКЕНГОЛЬМЪ И МИНА ХРИСТІАНОВНА—все время слѣдившіе съ наслажденіемъ за ихъ разговоромъ, подбѣгаютъ къ Курцгалопу и ощупываютъ его затылокъ.

О, счастье!.. Мы согласны!.. Благословляемъ вамъ! (*Благословляютъ ихъ, оба одновременно*). Шампанскаго скорѣй!

КУРЦГАЛОПЪ.

А мнѣ воды.

ШИШКЕНГОЛЬМЪ.

Ну, такъ и всѣмъ воды, только въ бокалахъ. Оно и подешевле.

Ивановъ бросается въ среднія двери.

ШИШКЕНГОЛЬМЪ И МИНА ХРИСТІАНОВНА—къ Курцгалопу.

Подите же сюда, нашъ сынъ! Дайте обнять васъ...

Курцгалопъ подбѣгаетъ къ нимъ съ почтительною нѣжностью. Они начинаютъ цѣловать его, передавая изъ рукъ въ руки. Лиза смотритъ на нихъ съ завистью.

ИВАНОВЪ—входитъ съ подносомъ въ рукахъ, на которомъ графинъ съ водою и бокалы. Онъ обноситъ всѣхъ, начиная съ Шишкенгольма, и обращается къ Шишкенгольму.

Ужъ простите, баринъ, и меня, на радости!

ШИШКЕНГОЛЬМЪ—къ Лизѣ и Курцгалопу.

Дѣти! простить его?

ЛИЗА—хладнокровно, своимъ голосомъ.

Простите, папаша.

ШИШКЕНГОЛЬМЪ—Иванову, важно.

Русскій!.. благодари ее!

Ивановъ цѣлуетъ руку Лизѣ. Всѣ поднимаютъ бокалы съ водою и поютъ.

ХОРЪ.

За здравье френологіи,
Мудрѣйшей изъ наукъ!..
Хоть ей не вѣрятъ многіе,
Но, знать, ихъ разумъ тугъ.
Она руководителемъ
Должна служить, ей-ей,
При выборѣ родителямъ
Мужьевъ для дочерей.
Ура черепословію,
Ура наукѣ сей!
До капли нашей кровію
Пожертвуемъ мы ей.

Лиза снимаетъ свой шейный платокъ.

ШИШКЕНГОЛЬМЪ—къ ней, тревожно.

Что́ это ты, Лиза?

ЛИЗА—хладнокровно.

Въ шкапъ, папаша; купаться.

ВСѢ—къ ней, торопливо.

Подожди, Лиза, безстыдница!.. Дай спустить занавѣсъ!

Занавѣсъ опускается.—Изъ-за него раздаются крики сдобнымъ голосомъ: „*А! А-ахъ! Ахъ!*“—происходящіе, вѣроятно, отъ слишкомъ холодной воды.

V.

ОПРОМЕТЧИВЫЙ ТУРКА

ИЛИ

ПРІЯТНО ЛИ БЫТЬ ВНУКОМЪ?

Естественно-разговорное представленіе *).

Отрывокъ, найденный въ портфелѣ съ золоченою надписью «Сборникъ неконченнаго (d'inachevé) № 1».

ПРОЛОГЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Извѣстный писатель.
Иванъ Семенычъ.
Камердинеръ Ивана Семеныча.

Сцена представляетъ открытое мѣсто; по серединѣ холмъ; солнце восходитъ.

---

*) Изъ объясненія къ этому драматическому произведенію, напечатаннаго въ журн. „Современникъ“ 1863 г., № IV (въ отдѣлѣ „Свистокъ“), видно, что отъ этого произведенія уцѣлѣлъ только отрывокъ, найденный въ портфелѣ покойнаго Козьмы Пруткова, обозначенномъ печатною золоченою надписью: „*Сборникъ неконченнаго (d'inachevé) № 1*“. Въ „Прологѣ“ къ этому произведенію, подъ именемъ „*Извѣстнаго писателя*“, Козьма Прутковъ, судя по нѣкоторымъ признакамъ, изобразилъ самого себя.

ИЗВѢСТНЫЙ ПИСАТЕЛЬ—входитъ въ картузѣ, въ альмавивѣ, съ распущеннымъ зонтикомъ и съ книгою подъ мышкой. Подойдя къ авансценѣ, онъ собираетъ зонтикъ.

Съ восходомъ этого дневного свѣтила настаетъ торжественный, для меня и для моего товарища, день! Я и товарищъ мой намѣрены дать сегодня *новый родъ драматическаго представленія*.

Драматическими представленіями условились называть представленія, которыя бываютъ на театрахъ, а именно: въ С.-Петербургѣ—на Большомъ, неосновательно называемомъ «Каменнымъ»; на Александринскомъ, Михайловскомъ и въ циркѣ; а въ Москвѣ—на Большомъ и Маломъ.

Представленія подраздѣляются на многія отрасли, какъ-то: на комедіи, трагедіи, драмы, оперы, пантомимы, водевили и хороводы.

Мой товарищъ и я посвятили всю жизнь нашу и всѣ наши зрѣлыя лѣта на изобрѣтеніе новаго рода драматическаго представленія. Мы съ товарищемъ рѣшились назвать его, послѣ долгихъ соображеній,—скажу: страданій! — «*естественно-разговорнымъ представленіемъ*». Произведеніе наше называется: «*Опрометчивый Турка, или: пріятно ли быть внукомъ*»?

(*Восходитъ на холмъ*).

Дай Богъ, чтобъ это произведеніе было принято съ тою же чистотою и откровенностью, съ какими мы предлагаемъ его зрителямъ! Пора намъ, русскимъ, ознаменовать перевалившійся за другую половину девятнадцатый вѣкъ—*новымъ словомъ* въ нашей литературѣ! Это, столь ожидаемое всѣми, «новое слово» будетъ высказано сегодня мною, съ товарищемъ!.. Нужно ли повторять, что мы посвятили ему всю нашу жизнь и наши зрѣлыя лѣта?! Кромѣ того, я отказался для него отъ выгодной партіи съ дочерью купца Громова, уступивъ ее другому моему товарищу.

Итакъ, пусть начинаютъ пьесу!.. Дай Богъ, говорю я, чтобъ она принята была съ тою же душевною чистотою и съ сердечною откровенностью, съ какими мой товарищъ и я предлагаемъ ее нашимъ зрителямъ!

Сходитъ съ холма, распускаетъ надъ собою зонтикъ и удаляется со сцены.

ИВАНЪ СЕМЕНЫЧЪ — въ одномъ изъ нашихъ гражданскихъ мундировъ, стоявшій все это время спрятавшись, выходитъ на авансцену, со скрипкою въ рукахъ, оглядываясь по сторонамъ.

Дочь купца Громова за мною... У меня много дѣтей, не считая рожденныхъ отъ перваго брака и нечаянно... Но это въ сторону!—Авторъ ушелъ... Предлагаемая пьеса начинается. Надо играть увертюру. Вотъ ноты въ этомъ вѣкѣ написаннаго романса: «Не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ». (*Бросаетъ ноты передъ собою на землю и готовится играть на скрипкѣ. Камердинеръ подноситъ ему что-то на блюдечкѣ*). Не надо; я всегда безъ этого!

Камердинеръ уходитъ. Иванъ Семенычъ играетъ, но ничего не слышно.— Черезъ нѣсколько времени занавѣсъ опускается.

ЕСТЕСТВЕННО-РАЗГОВОРНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ.

ОПРОМЕТЧИВЫЙ ТУРКА.

или

ПРІЯТНО ЛИ БЫТЬ ВНУКОМЪ?

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Миловидовъ.	Либенталь.
Князь Батогъ-Батыевъ.	Г-жа Разорваки, вдова.
Кутило-Завалдайскій.	Иванъ Семенычъ.

Дѣйствіе происходитъ въ С.-Петербургѣ, въ гостиной г-жи Разорваки.— Она разливаетъ чай. Всѣ сидятъ.

МИЛОВИДОВЪ—говоритъ мягкимъ басомъ, плавно, важно, авторитетно.

Итакъ, нашего Ивана Семеныча уже не существуетъ!.. Все, что̀ было у него пріятнаго, исчезло вмѣстѣ съ нимъ!

КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ—со вздохомъ.

Сколько у него было душъ и десятинъ пахотной земли?

МИЛОВИДОВЪ.

Главное его имѣніе—село Курохвостово, не помню: Астраханской или Архангельской губерніи? Душъ, по послѣдней ревизіи, числилось пятьсотъ. По крайней мѣрѣ, такъ выразился, говоря со мною, засѣдатель гражданской палаты Фирдинъ, Иванъ Петровичъ.

КН. ВАТОГЪ-БАТЫЕВЪ —съ подвязанной щекой; говоритъ шепелявя и съ присвистомъ.

Фирдинъ?.. Какой Фирдинъ? Не тотъ ли, который раненъ былъ на дуэли ротмистромъ Кавтырёвымъ?

ЛИБЕНТАЛЬ—говоритъ торопливо, большею частью самолюбиво-раздражительно.

Нѣтъ, не Кавтырёвымъ! Кавтырёвъ мнѣ своякъ... Съ нимъ, дѣйствительно, былъ случай; но онъ на дуэли не убитъ, а просто упалъ съ лошади, гоняя ее на кордѣ, вокругъ павильона на дачѣ Мятлева. При этомъ еще онъ вывихнулъ безъименный палецъ, на которомъ носилъ чугунный перстень съ гербомъ фамиліи Чапыжниковыхъ.

КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ.

Я не люблю чугунныхъ перстней, но предпочитаю съ сердоликомъ или съ дымчатымъ топазомъ.

КН. ВАТОГЪ-БАТЫЕВЪ.

Позвольте, вы ошибаетесь!.. Сердоликъ и топазъ, въ особенности дымчатый, какъ вы весьма справедливо сказали,— два совершенно различныя именованья! И ихъ не надо смѣшивать съ малахитомъ, столь искусно выдѣлываемымъ его превосходительствомъ Демидовымъ; такъ что даже могу сказать передъ цѣлымъ міромъ и своею совѣстью: онъ получилъ за это дипломъ изъ собственныхъ рукъ парламента, съ англійской печатью.

Г-ЖА РАЗОРВАКИ—говоритъ громко, рѣшительно, голосомъ сдобнымъ.

Насчетъ Демидова!.. Правда ли, что онъ завѣщалъ все свое богатство Ламартину? (*Молчаніе*).

МИЛОВИДОВЪ—совершенно тѣмъ же голосомъ и тономъ, какъ вначалѣ.

Итакъ, нашего Ивана Семеныча уже не существуетъ... Все, что было у него пріятнаго, исчезло вмѣстѣ съ нимъ!.. Былъ у него,—смѣло могу сказать,—одинъ только недостатокъ: онъ былъ твердо убѣжденъ, что при природномъ дарованіи можно играть на скрипкѣ безъ канифоли... Я вамъ разскажу постигнувшій его случай.—Въ день своихъ именинъ,—какъ теперь помню: 21-го октября,—онъ приглашаетъ власти... Былъ какой-то часъ. Шумъ. Входятъ. Собираются! Садятся на диваны. Чай выпитъ... Всѣ ожидаютъ. «Подай мнѣ ящикъ!» говоритъ Иванъ Семенычъ. Ящикъ принесенъ. Иванъ Семенычъ вынимаетъ скрипку, засучиваетъ рукава и отворачиваетъ правый бортъ своего вицъ-мундира... Вицъ-губернаторъ одобрительно ожидаетъ. Преданный Ивану Семенычу камердинеръ подноситъ, на блюдечкѣ, канифоль. «Не надо!» говоритъ онъ. «Я всегда безъ канифоли». Развертываетъ всѣмъ извѣстныя какія-то ноты; взмахиваетъ смычкомъ... Всѣ притаили взволнованное дыханіе. Самонадѣянный покойникъ ударяетъ по струнамъ—ничего!.. Ударяетъ въ другой разъ—ничего!.. Въ третій разъ—рѣшительно ничего!.. Четвертый ударъ—увы!—былъ нанесенъ его карьерѣ, несмотря на то, что онъ былъ женатъ на дочери купца первой гильдіи, Громова!.. Обиженный губернаторъ встаетъ и, поднявъ руку къ плафону, говоритъ: «Мнѣ васъ не нужно»,—говоритъ,—«я не люблю упрямыхъ подчиненныхъ; вы вообразили теперь, что можете играть безъ канифоли; весьма возможно, что захотите писать бумаги безъ чернилъ! Я этакихъ бумагъ читать не умѣю и, тѣмъ болѣе, подписывать не стану; видитъ Богъ не стану!» (*Молчаніе*).

КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ.

Говорятъ, что цѣны на хлѣбъ, въ Тамбовской губерніи, значительно возвысились? (*Молчаніе*).

Г-ЖА РАЗОРВАКИ—громко и сдобно.

Насчетъ Тамбова!.. Сколько верстъ отъ Москвы до Рязани и обратно?

ЛИВЕНТАЛЬ—скороговоркою.

Въ одинъ конецъ могу сказать, даже не справившись съ календаремъ, но обратно—не знаю.

ВСѢ—отворачиваются въ одну сторону и фыркаютъ, издавая носомъ насмѣшливые звуки.

ЛИВЕНТАЛЬ—обиженный.

Могу васъ увѣрить!.. Вѣдь отъ Рождества до Пасхи столько-то дней, а отъ Пасхи до Рождества столько-то, но не столько, сколько отъ Рождества до Пасхи... Слѣдовательно...

ВСѢ—отворачиваются въ другую сторону, насмѣшливо фыркая носомъ.—Молчаніе.

МИЛОВИДОВЪ—тѣмъ же тономъ.

Итакъ, нашего Ивана Семеныча уже не существуетъ! Все, что̀ было у него пріятнаго, исчезло вмѣстѣ съ нимъ!..

КН. БАТОГЪ-БАТЫЕВЪ—шепелявя съ присвистомъ.

Я зналъ его!.. Мы странствовали съ нимъ въ горахъ Востока и тоску изгнанья дѣлили дружно... Что̀ за страна Востокъ!.. Вообразите: направо—гора, налѣво—гора, впереди—гора; а сзади, какъ сами можете себѣ представить, синѣетъ гнилой Западъ!.. Наконецъ вы, съ отвращеньемъ, въѣзжаете на самую высокую гору... на какую-нибудь остроконечную Сумбеку; такъ что вашей кобылѣ и стоять на этомъ мшистомъ шпицѣ невозможно; развѣ только, подпертая горою подъ самую под-

пругу, она можетъ вертѣться на этой горѣ, какъ на своей оси, болтая, въ то же время, четырьмя своими ногами! И тогда, вертяся вмѣстѣ съ нею, вы замѣчаете, что пріѣхали въ самую восточную страну; ибо и впереди Востокъ, и съ боковъ Востокъ!.. а Западъ?—вы, можетъ, думаете, что онъ все-таки виденъ, какъ точка какая-нибудь, едва движущаяся вдали?

Г-ЖА РАЗОРВАКИ—громко, сдобно и ударяя кулакомъ по столу.

Конечно!

КН. ВАТОГЪ-БАТЫЕВЪ.

Неправда! И сзади Востокъ!.. Короче: вездѣ и повсюду—одинъ нескончаемый Востокъ!

Г-ЖА РАЗОРВАКИ—попрежнему.

Насчетъ Востока!.. Я вамъ разскажу мой сонъ.

ВСѢ—бросаясь цѣловать ея руки.

Разскажите, разскажите!

Г-ЖА РАЗОРВАКИ—протяжнымъ, повѣствовательнымъ тономъ, сохраняя свой громкій и сдобный голосъ.

Видѣла я, что въ самой серединѣ...

МИЛОВИДОВЪ—останавливаетъ ее почтительно-доброжелательнымъ движеніемъ руки.

Питая къ вамъ, съ нѣкоторыхъ поръ, должное уваженіе... я васъ прошу... именемъ всѣхъ вашихъ гостей... объ этомъ снѣ умолчать.

ВСѢ.

Почему же? Почему же? (*Наперерывъ цѣлуютъ ея руки*).

МИЛОВИДОВЪ — важно, плавно, немного поднявъ тонъ.

Итакъ, нашего Ивана Семеныча уже не существуетъ!.. Все, что было у него пріятнаго, исчезло вмѣстѣ съ нимъ!.. Вамъ извѣстно, что онъ жилъ безбѣдно, но хотѣлъ казаться человѣкомъ болѣе богатымъ, чѣмъ былъ въ самой вещи...

Г-ЖА РАЗОРВАКИ — громко, съ удивленіемъ.

Развѣ у него было бархатное стуло?!

МИЛОВИДОВЪ.

Нѣтъ... онъ не любилъ бархата. И даже на самомъ животѣ онъ носилъ треугольникъ изъ фланели, въ видѣ какого-нибудь синапизма.

КН. БАТОГЪ-БАТЫЕВЪ — перебиваетъ.

У меня тамъ тоже есть синапизмъ. А кромѣ того люблю носить: на правой рукѣ фонтенель, на лѣвой гишпанскую мушку, въ ушахъ канатъ, во рту креозотъ, а на затылкѣ заволоку.

ВСѢ — кромѣ Миловидова, къ нему.

Покажите, покажите!

КН. БАТОГЪ БАТЫЕВЪ.

Весьма охотно; но только послѣ чаю.

МИЛОВИДОВЪ — снова возвышая тонъ.

Все что у него было пріятнаго, исчезло вмѣстѣ съ нимъ!.. Когда Иванъ Семенычъ задавалъ обѣды и приглашалъ власти, то любилъ угостить тончайшимъ образомъ... Лежавшіе въ супѣ

коренья изображали всѣ ордена, украшавшіе груди присутствующихъ лицъ... Вокругъ пирожковъ, вмѣсто обыкновенной какой-нибудь петрушки, посыпались жареные цвѣточные и фамильные чаи! Пирожки были съ кисточками, а иногда съ плюмажами... Косточки въ котлетахъ были изъ слоновой кости и завернуты въ папильотки, на которыхъ каждый могъ прочесть свойственный его чину, нраву, жизни и лѣтамъ—комплиментъ!.. Въ жареную курицу вѣчно втыкался павлиный хвостъ... Спаржа всегда вздѣвалась на проволоку; а горошекъ нанизывался на шелковинку... Вареная рыба подавалась въ розовой водѣ!.. Пирожное разносилось всѣмъ въ конвертахъ, запечатанныхъ казенною печатью, какого кто вѣдомства! Шейки бутылокъ повязаны были орденскими ленточками и украшались знаками безпорочной службы; а шампанское подавалось обвернутое въ заграничный фуляръ!.. Варенье, не знаю почему, не подавалось... По окончаніи обѣда, преданный Ивану Семенычу камердинеръ обрызгивалъ всѣхъ о-де-лаваномъ... Вотъ какъ жилъ онъ! И что же? Канифоль, канифоль погубила его и свела въ могилу!.. Его ужъ нѣтъ; и все, что было у него пріятнаго, исчезло вмѣстѣ съ нимъ!..

Внезапно отворяются двери изъ передней и входитъ Иванъ Семенычъ, съ торжествующимъ лицомъ и пріятною улыбкою.

ВСѢ— въ испугѣ.

Ахъ!.. Иванъ Семенычъ!.. Иванъ Семенычъ!..

ИВАНЪ СЕМЕНЫЧЪ—улыбаясь и шаркая на всѣ стороны.

Не дивитеся, друзья,
Что какъ разъ
Между васъ

На пиру веселомъ я
Проявляюся!
(*Обращается строго къ Миловидову и г-жѣ Разорваки.*)
Ошибаешься, Данила!..
Разорваки соврала!..
Канифоль меня сгубила,
Но въ могилу не свела!

ВСѢ—радостно вскакиваютъ съ мѣстъ и обступаютъ Ивана Семеныча.

Иванъ Семенычъ!.. Какъ?!.. Вы живы?!..

ИВАНЪ СЕМЕНЫЧЪ—торжественно.

Живъ, живъ, говорю вамъ!.. Скажу болѣе (*обращается къ г-жѣ Разорваки*): у васъ есть внукъ турецкаго происхожденія!.. Я сейчасъ разскажу вамъ, какимъ образомъ сдѣлано мною это важное открытіе!..

ВСѢ—нетерпѣливо.

Разскажите, Иванъ Семенычъ!.. Разскажите!..

Садятся вокругъ стола. — Иванъ Семенычъ ставитъ свой стулъ возлѣ г-жи Разорваки, которая видимо обезпокоена ожидаемымъ открытіемъ. — Всѣ, съ любопытствомъ, вытянули головы по направленію къ Ивану Семенычу. — Иванъ Семенычъ откашливается. — Молчаніе.

. . . . . .

. . . . . .

Здѣсь, къ сожалѣнію, рукопись прерывается, и едва ли можно предполагать, чтобъ это въ высшей степени замѣчательное произведеніе Козьмы Пруткова было доведено имъ до конца.

VI.

СРОДСТВО МІРОВЫХЪ СИЛЪ.

Мистерія въ XI-ти явленіяхъ.

Найдена въ портфелѣ съ золоченою надписью: «Сборникъ неконченнаго (d'inachevé), № 30.—См. объ этой мистеріи въ «Біографическихъ свѣдѣніяхъ».

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ВЪ МИСТЕРІИ.

Ровная Долина.
Великій Поэтъ.
Высокій Дубъ.
Звѣзда орденская.
Звѣзда небесная.
Дупло.
Сова.
Кочка.
Комъ Земли.
Веревка.
Полное собраніе твореній Великаго Поэта.
Сѣверный Аквилонъ.
Высочайшая и длиннѣйшая Вѣтвь.
Южный Ураганъ.
Полевая Мышь.
Ночные Часы.

Ночная Тишина.
Солнце за горизонтомъ.
Солнце на небесахъ.
Загробный міръ мелькомъ.
Альмавива.
Малый
Крупный } Жолуди.
Овщее собраніе міровыхъ силъ.

Полночь. Небо покрыто тучами. Полное безвѣтріе—*Ровная долина*, среди которой стоитъ *Высокій Дубъ*. Тишина. *Долина* спитъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Черезъ нѣсколько времени чуткая ДОЛИНА внезапно пробуждается.

ДОЛИНА—очнувшись, въ тревожномъ раздраженіи.

Есть безтолковица...
Сонъ ужъ не тотъ!
Что-то готовится...
Кто-то идетъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Появляется ПОЭТЪ, закутанный въ альмавиву и въ картузѣ. Сзади, изъ-подъ полы альмавивы тащится по травѣ кусокъ Веревки.

ПОЭТЪ—напѣваетъ тихимъ, взволнованнымъ голосомъ.

«Среди долины ровныя»... (*Прерываетъ пѣніе.*)
Такъ няня

Въ деревнѣ пѣсню эту мнѣ пѣвала,
Когда я былъ еще ребенкомъ малымъ...
(*Напѣваетъ:*)
«На гладкой высотѣ»... (*Прерываетъ пѣніе.*)
И между тѣмъ
Она, подъ звуки пѣсни заунывной,
По вечерамъ изъ тѣста мнѣ лѣпила
Такъ хорошо коровокъ и лошадокъ!
(*Напѣваетъ:*)
«Стоитъ, растетъ высокій дубъ»... (*Прерываетъ пѣніе.*)
О, няня!
Когда-бъ могла ты видѣть и понять,
Зачѣмъ теперь любимый твой питомецъ
Подходитъ, поступью тяжелой, къ дубу,
Тобой воспѣтому,—ты-бъ содрогнулась
Въ своемъ гробу... близъ церкви... на погостѣ!..
Какъ тотъ, и этотъ дубъ высокъ; какъ тотъ,
И сей стоитъ среди долины ровной!
(*Напѣваетъ:*)
«Среди долины ровныя»... (*Прерываетъ пѣніе.*)
Но прочь
Ненужныя о дѣтствѣ вспоминанья!
Я жизни путь прошелъ, и часъ насталъ
Мнѣ перейти хоть къ грустному, быть можетъ,
Но къ вѣрному, безспорно, результату.
(*Подходитъ къ дубу и снимаетъ картузъ.*)
Привѣтъ тебѣ, громадное растенье!
Ты было птичьихъ гнѣздъ досель пріютомъ,—
Дай мнѣ пріютъ! Я—также пѣснопѣвецъ!
(*Надѣваетъ картузъ.*)
Меня людей преслѣдуетъ вражда;
Толкаетъ въ гробъ завистливая злоба...
Да! есть покой, но лишь подъ крышей гроба;

И болѣе—нигдѣ и никогда!
О, тяжелы вы, почести и слава!
Нещадны къ вамъ соотчичей сердца.
Съ чела всѣ рвутъ священный лавръ вѣнца,
Съ груди—звѣзду святого Станислава!..
Къ тому-жъ я духа новизны страшусь...
Всеобщій бредъ!.. Все лѣзетъ вонъ изъ нормы!..
Пусть безъ меня придутъ: потомъ и трусъ,
Огонь и гладъ, и прочія реформы!..
Итакъ, сановникъ! съ жизнью ты простись!
Итакъ, поэтъ, парить привыкшій въ высь,
Взлети туда навѣкъ! Скорѣй, не мѣшкай!

Распахиваетъ альмавиву и, бросивъ взоръ на свою звѣзду, ударяетъ себя въ грудь рукою. Въ это время небо нѣсколько прояснилось, и одна Звѣзда освѣщаетъ сверху всю фигуру Поэта.

Какъ понимать?.. Съ участьемъ иль съ насмѣшкой
Свою сестру земную, изъ-за тучъ,
Ты озарилъ, звѣзды небесный лучъ?

Небо опять заволакиваетъ тучами. Поэтъ киваетъ ему головою, съ выраженіемъ горькаго упрека.

ЯВЛЕНІЕ III.

ПОЭТЪ рѣшительною походкою приближается къ самому ДУБУ. Онъ обходитъ вокругъ него и вдругъ останавливается въ испугѣ передъ ДУПЛОМЪ.

ПОЭТЪ.

Кто ты?.. Отвѣть!.. Зачѣмъ слѣдишь за мною
Такъ пристально фосфорными глазами?

Изъ дупла появляется Сова и улетаетъ безшумно. Она садится на Кочку, шагахъ въ пятидесяти, и повертываетъ голову назадъ, по направленію къ Дубу и къ Поэту. Глаза ея свѣтятся издали.

ПОЭТЪ—махая на Сову полами своей широкой альмавивы.

Пш!.. Пш!.. *(Сова остается неподвижною.)*
Прочь, прочь, непрошенный свидѣтель
Того, что̀ совершить я думалъ тайно!..

Подымаетъ Комъ земли и бросаетъ имъ въ Сову. Комъ падаетъ у самой Кочки; но Сова остается на своемъ мѣстѣ неподвижно, подобно изваянію со свѣтящимися глазами.

Коль ужъ сову согнать нельзя мнѣ съ мѣста,
Коль ей глаза нельзя мнѣ погасить,—
Такъ пусть при ней порвется жизни нить!
И пусть сей зоркій спутникъ черной ночи,
Когда другимъ не видится ни зги,
Мнѣ выклюетъ померкнувшія очи
И творчеству ужъ чуждые мозги!...

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПОЭТЪ вынимаетъ изъ-подъ альмавивы ВЕРЕВКУ и пытается закинуть ея конецъ за одну изъ вѣтвей ДУБА, съ сѣверной стороны; но ВЕРЕВКА, далеко не хватая ни до одной вѣтви, падаетъ обратно на землю.

ПОЭТЪ.

Великій умъ, при ростѣ тѣла маломъ,
Послужитъ мнѣ надежнымъ пьедесталомъ...

Вынимаетъ изъ-подъ мышки „Полное собраніе“ своихъ твореній, кладетъ ихъ на землю, становится на эту объемистую книгу и вновь забрасываетъ Веревку, которая на этотъ разъ чуть-чуть не зацѣпилась за ближайшую вѣтвь.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тогда внезапно начинаетъ дуть съ необычайною силою СѢВЕРНЫЙ АКВИЛОНЪ.

СѢВЕРНЫЙ АКВИЛОНЪ.

И благъ, и могучъ я:
Вверхъ вздерну всѣ сучья!

Всѣ вѣтви съ сѣверной стороны поднялись, дѣйствительно, очень высоко. Но при этомъ происходитъ непредвидѣнное Сѣвернымъ Аквилономъ обстоятельство. Поэтъ снизнова закидываетъ Веревку. Наперекоръ благимъ намѣреніямъ Сѣвернаго Аквилона, но благодаря, однако, его же содѣйствію, длинная Веревка взвивается также очень высоко и... зацѣпляется за высочайшую и длиннѣйшую Вѣтвь Дуба.—Поэтъ, напрягши всѣ свои силы, притягиваетъ эту Вѣтвь къ себѣ, быстро прикрѣпляетъ къ ней конецъ Веревки, надѣваетъ на шею заранѣе уже изготовленную петлю, пускаетъ Вѣтвь и взлетаетъ съ нею на большую высоту.—Сова, оставаясь всѣмъ тѣломъ неподвижною на Кочкѣ, только подымаетъ голову и смотритъ на висящаго своими, еще ярче свѣтящимися, глазами. — Сѣверный Аквилонъ между тѣмъ поспѣшно перебираетъ, одну за другою, вѣтви Дуба съ сѣверной стороны.

СѢВЕРНЫЙ АКВИЛОНЪ—скрывая смущеніе подъ гнѣвомъ.

Всѣ до единой
Вверхъ поднялись!..
Онъ самъ причиной,
Что тамъ повисъ!

Дуетъ обратно къ себѣ на сѣверъ и исчезаетъ.—Затишье.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Вдругъ ЮЖНЫЙ УРАГАНЪ, еще съ бо́льшею силою, налетаетъ внезапно на ДУБЪ, съ противоположной стороны.

ЮЖНЫЙ УРАГАНЪ.

Я—тайна большая:
Храню, разрушая.

Дубъ дрожитъ, мечется, стонетъ.

ДУБЪ.

Стоялъ сто лѣтъ...
Пришла кончина!
Спасенья нѣтъ...
Прощай, долина!..

Наклоняется и рушится съ грохотомъ на Долину, выворотивъ вокругъ себя землю и обнаживъ свои могучіе, вѣковые корни. Поэтъ также свалился, вмѣстѣ съ Дубомъ, на землю, но въ сторону отъ ствола и вѣтвей. Петля на его шеѣ ослабѣваетъ и, мало-по-малу, начинаетъ расширяться. —Одна изъ вѣтвей Дуба придавила Полевую Мышь, пробѣгавшую въ минуту его паденія.—Сова, испуганная шумомъ, поднялась съ Кочки и улетѣла, утопая въ темнотѣ.

ЮЖНЫЙ УРАГАНЪ.

Нѣтъ силѣ мѣры!..
Нѣтъ вѣчныхъ узъ!..
Въ мои пещеры
Обратно мчусь.

Дуетъ обратно на югъ и исчезаетъ.—Опять затишье.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ДОЛИНА погружена въ безмолвную тоску. Ни одинъ листъ поверженнаго ДУБА не шевелится.—ПОЭТЪ лежитъ неподвижно, рядомъ съ ПОЛЕВОЮ МЫШЬЮ.—НОЧНЫЕ ЧАСЫ проходятъ медленно.

НОЧНЫЕ ЧАСЫ.

Дойдутъ часы всѣ, безъ изъятья,
До лона вѣчности. Но днемъ
Бѣгутъ при свѣтѣ наши братья,—
Впотьмахъ мы медленно бредемъ.

Воцаряется полная Ночная Тишина, наводящая на раздумье и на вопросы.

НОЧНАЯ ТИШИНА.

Всякъ вопрошаетъ;
Но я молчу.
Никто не знаетъ,
Чего хочу!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Послѣ долгой ночи, небосклонъ начинаетъ, наконецъ, алѣть на востокѣ.

СОЛНЦЕ ЗА ГОРИЗОНТОМЪ.

Свѣтъ землѣ водчью:
Вывожу зарю.
Что свершилось ночью—
Вскорѣ озарю.

ЯВЛЕНІЕ IX.

СОЛНЦЕ взошло. Наступило ясное утро, но ДОЛИНА кажется грустною.

СОЛНЦЕ НА НЕБЕСАХЪ.

Грѣхъ я озираю.
Пѣснопѣвца грѣхъ;
Но, взглянувъ, прощаю:
И его, и всѣхъ;

ЯВЛЕНІЕ X.

Подъ живительными лучами милосердаго СОЛНЦА ПОЭТЪ приходитъ въ себя. Онъ оглядывается и, еще лежа, вспоминаетъ о томъ, что произошло. Потомъ освобождаетъ шею отъ петли и тихо приподымается.

ПОЭТЪ—сидя.

Я живъ!.. И снова вижу землю... Землю!..
Но въ эту ночь успѣлъ я заглянуть
Туда: «*въ тотъ міръ, откуда къ намъ никто*
Еще не возвращался»,—какъ сказалъ
Шекспиръ Вильямъ, собратъ мой даровитый.
Но, бывъ ужъ тамъ, оттуда я вернулся... (*Встаетъ на ноги*).
О, что я видѣлъ, люди!!.. Что я видѣлъ!!.
На воздухѣ... съ вершины дуба... въ петлѣ...
О, что я видѣлъ тамъ!!.. Что видѣлъ мелькомъ!!..
Когда-нибудь я въ гимнахъ вдохновенныхъ
Попробую о томъ повѣдать міру... (*Задумывается.*)
Однакоже... вѣдь я уже висѣлъ...
И вотъ—стою: и живъ, и невредимъ!

Какъ этому не подивиться диву?!

(*Осматривается, ощупываетъ себя и замѣчаетъ, что его альмавива, зацѣпившись за сукъ, разорвалась.*)

Лишь починить придется альмавиву.

(*Стоитъ въ раздумьи, и взоръ его падаетъ на убитую Дубомъ Полевую Мышь.*)

А мышь—«*оттуда не вернется!*»

Нагибается къ Мыши и кричитъ ей:)

Встань!..

Не можешь?.. Ха, ха, ха!.. Затѣмъ, что—дрянь!..
Коль не убилъ бы дубъ, сова бы съѣла!..
А гдѣ-жъ сова?

(*Смотритъ сперва на Кочку, потомъ заглядываетъ въ Дупло.*)

Здѣсь нѣтъ ужъ... Улетѣла.
Хоть и живетъ, да лишена дупла,
Гдѣ, можетъ быть, полсотни лѣтъ жила.
На ихъ судьбу взираю хладнокровно;
Вотъ дуба жаль, среди долины ровной!..
Зато ихъ тьма въ дубовомъ есть лѣсу.

(*Послѣ нѣкотораго молчанія, подымаетъ съ земли два Жолудя: сперва маленькій, а потомъ крупный.*)

Два жолудя на память унесу:
И о твоей кончинѣ, дубъ почтенный,
И о твоемъ спасеньи—для вселенной!

(*Кладетъ оба Жолудя въ карманъ, беретъ книгу своихъ твореній подъ мышку и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XI.

ХОРЪ ОБЩАГО СОБРАНІЯ МІРОВЫХЪ СИЛЪ поетъ надъ мѣстомъ ночной катастрофы.

Иной живи и здравствуй!
Другой напротивъ сгинь!..
Надъ всей земною паствой
Мы пастыри!—Аминь.

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб., Вас. Остр., 5 л., 28.

891.71 .P971 ed.9
Polnoe sobranie sochineAJA9063
Stanford University Libraries
3 6105 045 011 892

891.71
P971
ed.9

STANFORD UNIVERSITY LIBRARY
Stanford, California

PRINTED IN U.S.A.

Цѣна два рубля.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ типографіи М. М. Стасюлевича.
Вас. Остр., 5 л., 28.